

Марина Фиорато

Венецианский контракт

BYBLOS

Annotation

Сюжет этой книги основан на реальных событиях, произошедших в Венеции в 1576 году, спустя пять лет после сокрушительного поражения Османской империи в морском сражении при Лепанто.

Под покровом ночи корабль со смертоносным грузом на борту незаметно подкрадывается к Венеции. С корабля сходит человек, в котором еле теплится жизнь, и направляется к площади Сан-Марко. Он несет жителям Венеции «дар» Константинополя. Через несколько дней уже весь город охвачен чумой – и турецкий султан наслаждается своей местью.

На том же судне плыла беглянка – красавица Фейра, врач гарема, сбежавшая от султана, который пожелал сделать ее наложницей. Только благодаря своей находчивости и медицинским познаниям ей удастся выжить в Венеции, в которой бушует чума.

В отчаянии дож Венеции поручает своему лучшему архитектору Андреа Палладио построить величайшую церковь, равной которой мир еще не видывал, – приношение Господу Богу, настолько прекрасное, чтобы оно помогло спасти город. Жизнь Палладио тоже в опасности, и потребуется всё умение Аннибала Касона, лучшего чумного врача города, чтобы уберечь его от заразы.

Но Аннибал не предвидел одного – встречи с Фейрой, оказавшейся под защитой Палладио, встречи с женщиной – не только равной ему по интеллекту, но и способной научить его любить.

-
- [Марина Фиорато](#)
 -
 - [Благодарности](#)

- [Часть 1](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
- [Часть 2](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
- [Часть 3](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)

- [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Часть 4](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Часть 5](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Часть 6](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Константинополь](#)
 - [Венеция](#)
 - [Историческая справка](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Марина Фиорато

Венецианский контракт

И когда Агнец снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: “Иди и смотри”. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью Земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.

Откровение 6: 7-8

Marina Fiorato
The Venetian Contract

JOHN MURRAY

© Marina Fiorato, text and illustrations, 2012.

Благодарности

Идея этой книги возникла во время завтрака; не у Тиффани, а у Клэриджа.

Я встретилась там с кинопродюсером Айлин Майсел, которая спросила меня, не думаю ли я написать книгу о Палладио. Мне хотелось бы поблагодарить Айлин в первую очередь – за то, что она задала мне этот вопрос. Это было в 2008 году, когда отмечали 500 лет со дня смерти архитектора, и в тот самый день проходила выставка его работ в Королевской академии. Позавтракав, я направилась в Академию, где провела все утро, рассматривая каждый план, рисунок и макет. Я настолько увлеклась, что купила самую большую книгу о его творчестве, какую смогла найти в магазине музея, и отправилась домой – изучать ее. Эта подробнейшая книга («Палладио», 2008) под редакцией Гвидо Белтрамини и Говарда Бернса, изданная совместно с Королевской академией искусств, стала для меня бесценным источником информации во время работы над этим повествованием. Палладио жил в интереснейшее время: в Венеции – как и в Лондоне – чума и пожар обрушились на город почти одновременно, и возможность написать об этом периоде, положив в основу сюжета строительство церкви Реденторе, нельзя было упускать.

Среди многих блестящих книг на эту тему, которые я прочла, следует отметить две: первая – Мири Шефер-Моссенсон «Османская медицина» (Miri Shefer-Mossensohn *“Ottoman Medicine: Healing and Medical Institutions 1500–1700”* (2009), которая дает прекрасный обзор развития турецкой медицинской практики. И вторая – Филип Зиглер «Черная смерть» (Philip Ziegler *“The Black Death”* (2010), которая познакомила меня со

старинными методами лечения чумы в период первых вспышек заболевания.

Некоторые места, описываемые в этой книге, например великолепную церковь Реденторе на острове Джудекка, можно и сейчас легко увидеть своими глазами. Но самая интересная поездка, в которую я отправилась ради своего исследования, была на Лаззаретто Ново – таинственный чумной остров, расположенный в дальней части венецианской лагуны. Туда редко ездят, и доступ ограничен, так что я хотела бы поблагодарить Джорджию Фаццини за разрешение посетить столь удивительное место и за возможность побродить по маленькому, но очень ценному музею. Мне хотелось бы также поблагодарить некоммерческую организацию *Ekos Club*, которая охраняет археологические находки острова и заботится о его экологии.

Я весьма признательна своим блестящим помощникам: Ричарду Брауну, который занимался западными аспектами романа, и Ясемин Угюр, которая отвечала за восточную тему, проверяя турецкие термины и их правописание. Благодарю также свою сестру, археолога Веронику Фиорато, которая рассказала мне то, что знала, о могилах и останках жертв чумы.

Благодарю своего отца, Аделина Фиорато, который, помимо того что оказался кладезем знаний эпохи Возрождения, придал образу Палладио некоторые особенности своего характера.

Я благодарна художнику по костюмам Хейли Небоер, которая неумоимо изучала свои собственные архивы и рисунки эпохи Возрождения, чтобы проверить детали описания венецианских костюмов в моей книге.

Спасибо Каролине Вестмор и блестящей команде *John Murray* за их фанатичную работу над изданием этой книги.

И, конечно же, огромное спасибо моему редактору Кейт Паркин и моему агенту Терезе Хрис, которые не только блестяще выполнили свою задачу, но и помогли мне на этапе планирования сюжета – во время очень длинного ланча в Королевском институте британских архитекторов!

И в завершение позвольте поблагодарить главных героев моей собственной истории: Сашу, Конрада и Руби.

Часть 1

Конь вороной

Пролог

Венеция

1576 год от Рождества Христова

Себастьяно Веньер, дож Венеции, смотрел из дворцового окна, и во взгляде его чувствовалось не меньшее волнение, чем на море.

За годы плаваний он научился безошибочно предсказывать погоду, и вот уже три дня он наблюдал, как надвигается шторм, заволакивая тучами небо над горизонтом и подкрадываясь к городу по бледно-лиловым волнам. Начинался ураган, и это было пострашнее плохой погоды.

Пышная белая борода и благородный облик дожа побудили Тинторетто запечатлеть его в своей картине. Его сравнивали с Нептуном, повелителем морского царства. Шептались даже, что он похож на самого Господа Бога. Но дож, будучи глубоко верующим человеком, отверг бы с возмущением эти сравнения, хотя и по разным причинам; однако, сегодня он готов был пожертвовать всем, лишь бы что-то помогло ему спасти Венецию в тяжелый час.

Он видел, как вдоль пристани, на которую уже обрушивались волны прилива, торопливо шли шесть человек, прижимаясь друг к другу, чтобы укрыться от ветра и брызг, задевавших края их черных накидок. Длинные рясы с капюшонами делали их похожими на монахов, но эти шестеро были служителями науки, а не церкви. Они ведали жизнью и смертью. Они были врачами.

Когда они приблизились, дож смог разглядеть их маски: изогнутые клювы из слоновой кости, торчавшие, словно когти хищников, из-под черных накидок. Маски вселяли ужас, но повод, заставивший их надеть, был ещё более зловещим.

Они были его *Medico delle Peste*. Чумными лекарями.

Шестеро ученых, из хороших семей, все получили образование в лучших медицинских академиях, по одному на каждый из шести *сестиери*^[1] Венеции. Увидеть всех их вместе – дурное предзнаменование. Дож Себастьяно Веньер сомневался, что они вообще когда-нибудь собиралась вместе; ему показалось, что они налетели, как стая ворон, на чью-то могилу. Может, его собственную. На мгновенье плечи у него опустились, и он почувствовал себя стариком.

Он смотрел, как врачи пересекли несравненную Рива-дельи-Скьявони, одну из чудеснейших улиц в мире, и ждал, что с минуты на минуту они войдут в его великолепный белый дворец. Холодок пробежал у него по спине, словно от брызг холодной морской воды. Он припал головой к прохладному стеклу и на одно блаженное мгновенье прикрыл глаза, поэтому и не увидел, как венецианские галеасы заскользили вдаль по темным, разбухающим волнам; он прикрыл глаза – всего на долю секунды, чтобы насладиться покоем и вдохнуть соленый воздух.

Запах Венеции.

Себастьяно Веньер выпрямился, вспомнив, кто он такой и где находится. Он взглянул на искусную каменную кладку окон и лучшее венецианское стекло, заглушавшее грохот морских волн. Запрокинув свою благородную голову, он увидел на потолке непревзойденные красные и золотые фрески, созданные сотни лет назад лучшими венецианскими художниками и покрывавшие бесконечное, величественное пространство наверху. Однако ни это богатство, ни вся эта слава не смогли оградить его дом от чумы.

Дождь уселся на свое великолепное кресло и стал ждать, когда доложат о приходе врачей. Они вошли вереницей, один за другим, промокшие насквозь, и обступили его, как стервятники, жадно блестя красными хрусталиками глаз на своих масках, словно готовились растерзать его плоть. Но как только они заговорили, дождь успокоился.

– Мы ждали этого, господин, – начал один из них. – В ботаническом саду иезуитов появилось необычайно много бабочек – сотни тысяч.

– Бабочек? – спросил дождь, приподняв белую, как снег, бровь.

Врач, не уловив холодности в его тоне, продолжал:

– Конечно, господин дождь, бабочки известны как предвестники чумы.

– Так оно и есть, – вмешался второй. – Были и другие знамения. Хлеб из пекарни Арсенала, если его разломить пополам, начинает кровоточить.

Дождь сжал подлокотники кресла. То, что чума проникла в Венецию, ему уже было очевидно. *Вопрос* в том, как с ней бороться.

* * *

Бесполезно. Один из лекарей предлагал лечить заболевших, привязывая им к шее мертвую жабу. Другой советовал засовывать хвост живых голубей в воспаленные бубоны в паху и подмышках, чтобы хвостовые перья вытягивали заразу. Они заспорили, сшибаясь клювами масок, которые казались теперь до смешного нелепыми; их елейные голоса стали визгливыми, и они загалдели, словно стая уток.

Дождь в раздражении перестал обращать на них внимание. Эти лекари – шарлатаны, шуты, один самодовольнее другого. Он перевел взгляд на настенный ковер, в тени которого стоял человек, такой же старик, как и он сам; он прислушивался к разговору в ожидании, когда дождь позовет его и сообщит, зачем за ним посылали.

* * *

Этот старик, к слову сказать, архитектор, на самом деле тоже не слушал спорящих. Больше интересуясь зданиями, чем людьми, он любовался тем, как подчеркивают изгибы потолка каменные ребра, пересекаясь над его головой, и как пропорции пилястров дополняют великолепные фрески.

Как и дождь, он ужаснулся, увидев входящих в покои лекарей. Все, от дождя до самого жалкого нищего, знали, что означают эти маски. Чума проникла в город. Но архитектора это не слишком заботило. Два года назад уже была небольшая вспышка чумы, и теперь он собирался сделать то же, что и тогда. Он покинет город и отправится в Венецию; возможно, в свой старый дом в Виченце. Там, в горах, пережидая, пока чума утолит свою жажду, он будет строить планы и рисовать, потягивая вино. Быстрая лодка до Местре, резвый конь до Треviso – и он будет в Мазере к закату, в доме своих

добрых друзей – братьев Барбаро. Там, он знал, найдется место и для него; в конце концов, это он его построил. Как только он узнает, чего желает дож, он уедет.

* * *

Дождь устал слушать. Эти лекари не могли помочь Венеции. Они станут раздавать свои микстуры и лекарства, наживаясь на болезни; и кто-то выживет, а кто-то умрет. Сжимая подлокотники кресла так, что суставы на пальцах побелели, он в отчаянии опустил голову. Его собственные руки удручали его – шишковатые, жилистые, с темными пятнами. Как мог старик сдерживать чуму?

Он откашлялся. Нужно действовать. Он не допустит, чтобы этот город – жемчужина мира – рухнул под натиском чумы. Нет, не такое наследство он оставит после себя. Старое сердце дождя забилося сильнее. Он встал, кровь прилила к его лицу. «Вы свободны, – обратился он к врачам чуть громче, чем следовало. – Вон». Он взмахнул рукой, словно отгоняя стаю ворон. «Андреа Палладио, – произнес дождь, когда врачи закрыли за собой дверь, и его голос прогремел в величественных покоях дворца. – Подойдите».

Палладио вышел из тени и приблизился к креслу дождя. Ветер распахнул створки окна, врываясь внутрь и неся с собой гибель. Палладио встревожился, желая поскорее уйти, но дождь, уняв свой гнев, снова сел и задумался.

– Вы слышали о чуде Святого Себастьяна на Джудекке? – спросил он.

Палладио слегка нахмурился. Хотя он никогда не встречался с дождем прежде, но знал, что тот сорок лет командовал флотом, был глубоко верующим, уважаемым

и достаточно мудрым человеком, чтобы избежать ужасающих тюрем республики, куда вполне могли его посадить сменявшие друг друга члены Совета Десяти. Неужели Себастьяно Веньер занял столь высокий пост слишком поздно? Возможно ли, что его разум помутнел? Из окна Палладио видел остров Джудекку, на который обрушился дождь, но даже сейчас он все ещё был одним из прекраснейших *сестиери* Венеции, огибая древний город с окраины, словно гребень.

– Да, конечно, – неспешно ответил он, гадая, куда ведет этот вопрос.

Дождь вновь заговорил, словно рассказывал сказку или притчу.

– Когда свирепствовала последняя Великая Чума, в 1464 году, к воротам монастыря Санта-Кроче на Джудекке подошел молодой воин и попросил воды. Все сестры были внутри, а госпожа настоятельница находилась при смерти. Сестра Схоластика подошла к воротам. Взглянув на молодого человека, она увидела его сверкавшие серебром доспехи, огненно-рыжие волосы и лазурно-голубые глаза. В благоговейном страхе она подала ему стакан воды. Юноша, выпив всю воду, поблагодарил Схоластику и велел ей и всем сестрам молиться Святому Себастьяну день и ночь и пить воду из колодца. Если они сделают так, как он сказал, чума пощадит монастырь. Затем он вонзил свой меч в землю, и видение исчезло – рассеялось, как туман.

Когда дождь умолк, Палладио, который прикидывал, сколько времени уйдет на дорогу до Местре, почувствовал в наступившей внезапно тишине, что должен поддержать разговор.

– Что же произошло? – спросил он.

– Госпожа настоятельница исцелилась в ту же ночь, как и все болевшие монахини. Чума не коснулась ни одной из сестер, и все, кто пил из колодца, спаслись, – ответил дождь, поднимаясь. Он подошел к Палладио и,

посмотрев ему в лицо с высоты своего роста, продолжал. – Многие годы этот монастырь был местом паломничества; люди брали там воду из колодца, чтобы бороться с чумой, а потом и с другими недугами. Когда я родился, совсем недалеко от Санта-Кроче, во Дворце Веньер, меня называли Себастьяно в память об этом чуде. Но теперь монастырь лежит в руинах. – Он умолк.

В тишине было слышно, как загудел ветер. Теперь Палладио понял, что от него требуется, и сердце его охватила тревога. Многие годы он хотел строить на Джудекке – острове с хорошей почвой из твердых пород и с лучшими видами на лагуну. Многие годы он обращался в Совет Десяти с просьбой выделить ему там место для застройки, но тщетно. А теперь, когда его единственным желанием было покинуть город, ему предложили то, чего он так жаждал прежде. Тонкие губы Палладио скривились в усмешке. Временами ему казалось, что Всевышний слишком насмешлив.

– И вы хотите, чтобы я восстановил монастырь Санта-Кроче? – спросил он.

– Нет, не совсем, – дож вновь подошел к окну. – Взгляните на них, Андреа.

Протянув к нему руку с искривленными артритом пальцами, он пригласил Палладио посмотреть вниз, на дивное пространство площади Сан-Марко. Две проститутки прогуливались под окном в своих обычных красно-желтых платьях с обнаженной, колышащейся при ходьбе грудью, несмотря на то, что дождь хлестал почем зря.

Палладио, слишком старый, чтобы возбудиться от подобного зрелища, заметил того, кто, напротив, заинтересовался им: мужчина наблюдал за проститутками, притаившись под арками Старой Прокурации, и рука его стыдливо трудилась в промежности. Он поманил женщин к себе под арку и, сунув монету одной из них, тут же прижал её к

благородным колоннам, поддерживавшим галерею, и задрал ей юбки. Другая женщина встала сзади и засунула руку ему в штаны, чтобы усилить наслаждение клиента.

- Посреди улицы, Андреа, - произнес дож, отворачиваясь. - Прямо посреди улицы. Великолепный столп, созданный вашим коллегой Сансовино, который делает эту площадь прекраснейшей в мире, превратился в место разврата. - Он вздохнул в унисон с ветром. - Блуд, упадок; и становится все хуже и хуже. Раньше подобное могло случиться только во время Карнавала - всего две короткие недели в году. Теперь таким зрелищем никого не удивишь. Этим мы славимся за границей. Над нами смеются. Никто не вспоминает о колоннах Сансовино или даже о ваших виллах и соборах. Все говорят о шлюхах, которые занимаются своим ремеслом на улицах, - дож положил руку на оконную задвижку, словно желая убедиться, что она надежно защищает от тлетворного духа. - А когда все узнают, что в город пришла чума, станет ещё хуже. Призрак смерти творит странные вещи с человеком - делает его необузданным, похотливым, заставляет красть, лгать, душу продать за звонкую монету.

Палладио старался соединить разрозненные мысли дожа в рассказ о чудесах и блудницах.

- Только один человек в силах спасти этих распутников от чумы и от самих себя, и это не я, - произнес дож.

Палладио подумал о шести лекарях из *сестиери*, но ни один из них не был достоин милости спасителя. Поняв вдруг, что дож говорит о Христе, он изобразил на лице благочестивую набожность. Дождь взглянул на него водянисто-голубыми глазами. Тусклые и слезящиеся, они казались старыми и подавленными.

- Это вы, - уточнил он.

Благоговейное выражение на лице Палладио сменилось крайним удивлением.

– Разве вы не видите? – продолжал дож, – Господь карает Венецию. Нужна жертва, дар столь значительный, чтобы смягчить Божественный гнев и удержать Его десницу от истребления города. Если медицина не помогает, пора обратиться к молитве. Вы, Андреа, вы возведете храм на руинах монастыря Санта-Кроче. Вы пойдете по стопам Святого Себастьяна и постройте церковь столь великолепную, столь угодную славе Божьей, что она будет соперничать с Его творением. А когда закончите, придут сотни и тысячи людей, которые обратятся к Богу, воздавая Ему хвалу устами своими и благодаря Его коленопреклоненно. Сила молитвы искупит наши грехи.

– Но... Я думал... Безусловно, это огромная честь, но, возможно, я мог бы руководить строительством из Виченцы или Тревизо..., – воспротивился Палладио.

Его слова замерли под взглядом дожа, и ветер засвистел в насмешку. Дож помедлил минуту, а затем произнес:

– Андреа. Мы с вами уже немолоды. Нам отпущено немного. Вы останетесь в Венеции, как и я. Это величайшая услуга, которую вы можете оказать своему городу. Разве вы не понимаете? – Он обхватил руками плечи Палладио и сжал их на удивление сильно. – Вы заключите договор с Самим Господом Богом.

Палладио вспомнил, как ещё молодым каменщиком он всегда находил окаменелости в породах, с которыми работал. И дня не проходило, чтобы он не нашел хотя бы одного моллюска наутилуса, окаменевшего в виде идеального завитка Витрувия, погребенного на тысячи лет в мраморе Каррера. И вот сейчас он попал в такую же ловушку: это новое задание связало его по рукам и ногам; он был буквально заперт в каменной тюрьме.

Он распознал во взгляде дожа ревностное упорство и понял, что Себастьяно Веньер не потерпит возражений. И как он мог подумать, что у дожа глаза старика? Они горели теперь голубым огнем фанатизма, огнем Святого Себастьяна. Даже если бы ему хватило смелости отказать, угроза тюремного заключения отбивала у него всякую охоту возражать. Палладио склонил голову в молчаливом согласии.

Дож, который и не ожидал отказа, позвал своего камергера: «Камерленго, проводите сеньора Палладио домой и обеспечьте всем, что ему нужно. И ещё, – остановил он камергера, который направился было за Палладио к дверям, – найди мне настоящего врача».

Глава 1

Константинополь 983 год по мусульманскому летоисчислению Месяцем ранее

В то утро Фейра Адалет бинт Тимурхан Мурад решила заняться своей внешностью особо. Ее отец уже ушел из дома, и она не могла – как часто делала – надеть его платье. В Константинополе в бедных семьях обычно женщины и мужчины носили одно и то же одеяние; мужская и женская одежда почти не отличалась друг от друга, а денег хватало только на единственное хорошее платье и на единственную хорошую пару обуви.

Фейра с отцом не бедствовали, так как Тимурхан бин Юнус Мурад был морским капитаном высокого ранга и положения, но девушка все ещё придерживалась традиции: это помогало ей прятаться.

В тот день у её отца, видимо, была важная встреча, да к тому же ранняя, потому что солнце не успело ещё подняться над городом, когда Фейра распахнула резные

решетчатые ставни окон. Купола и минареты, которые она так любила, выглядели ещё темными силуэтами – на фоне розовеющего неба. Фейра вдохнула солёный воздух.

Запах Константинополя.

Она взглянула на море – бледную серебристую линию в предрассветных лучах – и задумалась, что там, за ним. На мгновенье ей отчаянно захотелось отправиться в другие страны, в те места, которые существовали для неё только в рассказах отца. Но эти грезы отняли у неё время. Отвернувшись от окна, Фейра взглянула на серебряный прямоугольник на стене, окаймленный эмалью и отполированный так, что в нем можно было увидеть свое отражение, искаженное лишь естественными неровностями металла. Отец привез его Фейре в подарок из далекой восточной страны, из-за далекого восточного моря, когда она была ещё маленькой, и с тех пор оно висело здесь, в её комнате. Ещё ребенком она с любопытством заглядывала в это зеркало; оно показывало, какого цвета у неё глаза, каким становится лицо, когда корчишь смешные рожицы, можно ли языком дотянуться до носа. Теперь, когда Фейра выросла, зеркало стало её лучшим другом.

Она внимательно посмотрела на свое отражение, стараясь обнаружить то, что видели в ней мужчины. Заметив, что мужчины разглядывают её на улице, она начала покрывать голову. А когда они стали любоваться её губами, ей пришлось закрыть половину лица белой муслиновой вуалью – *яшмаком*. Она нарочно выбрала вуаль с золотыми блестками по краям, чтобы они отвлекли их внимание от её глаз. Но мужчины все равно смотрели на неё, и тогда она перешла на *ормиси* – тонкую вуаль шириной в ладонь, прикрывавшую глаза. Когда это тоже не помогло, она догадалась, что мужские взгляды привлекает ее фигура. Она стала перевязывать свои расцветающие груди так туго, что ей

было больно, – но все равно мужчины смотрели на неё.
Почему?

Фейра прочла немало сонетов и од о любовном томлении и понимала, что не имеет ничего общего с идеалами османских поэтов. Не походила она и на девушек из пошлых песенок, которые распевали моряки, друзья её отца; они долетали до неё иногда, когда она лежала в постели, а гости ужинали внизу и слишком много пили.

Фейра не считала свои янтарные глаза, большие, но слегка раскосые, как кошачьи, достаточно круглыми и темными, чтобы их воспевали в песнях. Её маленький, аккуратный нос был слишком вздернут, чтобы считаться красивым. Её кожа кофейного цвета – недостаточно смуглая, чтобы мужчины слагали о ней песни. Её волосы, ниспадающие крупными локонами на спину, были недостаточно шелковистыми и прямыми для поэтов, да и цвет не тот: все оттенки золотисто-коричневого и ни один из них – настолько темный, чтобы сравнивать его с вороньим крылом. А её широкий рот с ярко-красными крупными губами – при этом верхняя больше нижней – невозможно даже в самых смелых куплетах сравнить с бутоном розы.

Черты её лица – по отдельности и все вместе – казались ей ничем не примечательными, даже странными. Но они обладали удивительной, притягательной силой, которую она не понимала и уж точно не желала. Даже все её попытки спрятаться плохо помогали. Когда она прикрывала глаза, мужчины смотрели на губы. Когда она прятала губы, они смотрели на глаза. Когда она покрывала голову, они смотрели на фигуру. Но она все равно не оставляла попыток, потому что неудобства ежедневной маскировки не шли ни в какое сравнение со страхом показать себя такой, какая она есть.

Фейра слегка подняла подбородок, и отражение ободрило её. Сегодня она наденет женское платье; что ж, она постарается на славу. Она приступила к своему ритуалу.

Стоя в одних широких шароварах из полупрозрачного шелка, Фейра взяла длинную кремовую ленту и плотно обвязала несколько раз свою пышную грудь. Когда грудь заняла, и дышать стало тяжело, она мрачно улыбнулась.

Теперь пора надевать платье. Отец привозил ей платья из золотого и серебряного атласа, тюки парчи и дамасского шелка со всех концов света. Но они лежали нетронутыми в сундуке под окном. Вместо этого Фейра купила простой халат из цельного куска ткани – *барам* – на рынке *бедестан*. Платье ниспадало без складок до самого пола, скрывая изгибы фигуры. Затем она надела верхнее платье – *фераджу*, застегивающуюся на пуговицы по пояс, с открытыми полами.

Потом она причесалась и заплела косу, уложив её вокруг головы, как корону. Она ничего не могла поделаться с локонами, которые к вечеру выскальзывали из-под вуали. Каждый день она пыталась обуздать их. Фейра покрыла волосы тонкой вуалью и завязала вокруг лба плетеным шнурком. Затем смочила завитки вокруг головы розовой водой и беспощадно запихнула их под вуаль, чтобы ни один волосок не высывался.

Сверху на все это она натянула четырехугольную шапку *хотоз*, которая застегивалась на пуговицу под подбородком, и квадратное покрывало, закрывавшее все лицо, затем взяла отрезок простого тюля и обмотала его несколько раз вокруг шеи. Фейра вновь взглянула в зеркало. Полностью закутанная, она была неузнаваема. Её одежда цвета песка и корицы позволяла слиться с городом и надежно укрывала от посторонних глаз. Единственное яркое пятно – желтые туфли, приличествующие её вере, – кожаные туфли с загнутыми

носками, с застёжкой на подъёме, практичные, не пропускающие воду и другие вредоносные жидкости, с которыми она могла столкнуться во время работы.

Одевшись, наконец, она решила не добавлять никаких украшений к своему наряду. У Фейры было достаточно золота – столько безделушек, сколько мог привезти ей любящий отец, но браслеты и побрякушки только привлекли бы к ней внимание, а главное – помешали бы работе.

Завершающий штрих в одежде был продиктован исключительной практичностью, а не модой или положением: пояс, массивный и уродливый, – её собственное изобретение. На нем держался целый набор стеклянных бутылочек и фиал, каждая – в отдельном кожаном футляре, который был привязан к широкому ремню с крупной медной пряжкой. Она надела ремень под *фераджей* так, что он был совершенно невидим; к тому же из-за него она казалась невысокой, приземистой, вдвое старше своих лет.

Когда она закончила приготовления, солнце поднялось высоко над городом, и небо стало бледно-голубым. Она позволила себе бросить последний взгляд на город, который так любила и каждая деталь которого теперь ярко проступала в солнечном свете. Завораживающий изгиб сверкающего на солнце залива окаймляли дома и мечети, словно усыпанное драгоценностями ожерелье. Великолепный собор Святой Софии склонился, словно страж, над Босфором. С выжженного солнцем золотого купола собора взмывали с потоками теплого воздуха соколы султана. Фейра позабыла то мгновенье смутного томления, которое охватило её утром; ей больше не хотелось знать, что там, за морем. Она поклялась, что никогда не покинет этот город.

Протяжная песня *муэдзин-баши* донеслась до неё мелодичным, заунывным потоком с башен Софии. *Сабах,*

утренняя молитва. Фейра развернулась и побежала, застучав каблуками по ступенькам лестницы.

Она очень, очень опаздывала.

Глава 2

На улице было все ещё свежо, солнце не успело разогнать тени. Фейра больше всего любила именно это время дня – ей нравилось прогуливаться, здороваться с прачками, несущими корзины с бельем к заливу, или покупать *симит* с чашечкой *салепа* – кунжутный хлеб и чай из сушеных корней горных орхидей, которые продавались на каждом углу на желто-голубых тележках. Ещё ей нравилось платить своими собственными деньгами, ведь она уже сама работала. Но сейчас ей пришлось забыть о том, что в животе урчит от голода, потому что она спешила.

Поднимаясь на холм с площади Султанахмет к Сералю, она обычно любовалась голубыми проблесками моря, которые то и дело попадались ей на глаза. Но сегодня она не обернулась, как делала каждое утро, чтобы насладиться видом. Поэтому Фейра и не заметила генуэзские галеасы, которые её научил узнавать отец: они уплывали вдаль, рассекая синие воды Босфорского залива.

Она смотрела только вперед – до самого бульвара Мезе и дворца Топкапы. Расположенный на мысе Сарайбурну, который выступает в море в месте впадения Босфора и Золотого Рога в Мраморное море, Топкапы представлял собой отдельное маленькое государство. Ворота Повелителя, первыми встречавшие путника, обещали ему колоссальное величие, которое таилось за ними. Между двумя конусообразными башнями-близнецами на воротах, под мудрыми изречениями прежних султанов на архитраве, выгравированными на золотой пластине (о мудрости нынешнего султана, считала Фейра, нечего было сказать, не то что увековечивать её в золоте), стоял стражник со свитком – один из многочисленных охранников дворца.

Она не знала его, и не удивительно. Его выбрали по жребию сегодня утром в караульном помещении: стражников у султана было более чем достаточно – три тысячи пятьсот четыре, по одному на каждый день по календарю хиджры. Ни одному из них не разрешалось служить дважды за год, и ни один не знал, какой день ему выпадет, чтобы его нельзя было подкупить или заставить впустить незваного гостя.

– Имя?

– Фейра Адалет бинт Тимурхан Мурад.

– Зачем ты пришла?

– Я – кира у Нурбану, матери султана, – она перевела дух. – И врач гарема.

Она наблюдала за ним, и он повел себя точно так, как она ожидала. Он даже не оторвал глаз от свитка, когда услышал, что она кира – посредница между женщинами гарема и внешним миром. Иногда стражники презрительно кривили губы или поднимали брови, когда она упоминала имя Нурбану, Валиде-султан – матери султана и, следовательно, самой могущественной женщины во дворце, в

Константинополе и во всем Османском мире. Но всех их, без исключения, поражало, когда они узнавали, что она врач.

Хотя ей было не больше двадцати одного, она уже много лет готовила лекарства для больных и делала несложные операции. Она начала заниматься этим в тринадцать лет: ей поручали забирать лекарства у дворцового лекаря из главной части дворца и приносить в гарем. Она встречалась с лекарем во дворе Фонтана омовений – красивейшем дворе, который преграждал путь мужчинам в гарем. Тогда от неё требовалось только внимательно выслушать его поручения, эхом отдававшиеся в мозаичном атриуме, повторить их, соперничая с эхо, поклониться и спуститься через Двор наложниц в гарем.

Когда Фейра повзрослела, её стали посылать на Большой базар за травами и смесями. Там она ходила по многолюдным рядам, вдыхая острые, сладкие и пряные запахи, пока покупала заморские бутылочки и пакеты для дворца. Она стала внимательнее и вскоре научилась ценить возможности медицины. Годы шли, дворцовый врач состарился, а Фейра вошла в пору своего расцвета; их отношения изменились, она стала сама определять дозы лекарств, которые он прописывал. Иногда она заменяла травы, а некоторые лекарства, прописанные врачом, так и не передавала по назначению. Обитательницы гарема ещё никогда не чувствовали себя лучше. Теперь Фейра точно знала, как лечить женщин, и всё же каждый день отправлялась на средний двор – в знак уважения. Врач, уже совсем одряхлевший, занимался самим султаном и его окружением, доверив Фейре лечить все недомогания двух сотен женщин гарема. Он даже два года назад с благословения старого султана удостоил её звания, которое она теперь носила с гордостью. Врач уже редко приходил на

средний двор, поэтому она удивилась, увидев, что он ждет её у Фонтана омовений.

Он казался взволнованным и ломал руки. Врач выглядел старым и слабым на фоне столь великолепной обстановки, знавшей его когда-то гордым и самоуверенным. Хаджи Муса, так звали врача, в свое время пользовался уважением во всем мире за свои хирургические способности и медицинские труды. Теперь же колоссальный свод арки словно давил его; плитки из Кютахьи, водянисто-зеленые, синие и белые, придавали его коже болезненный вид, а бьющий фонтан заглушал его дрожащий голос.

– Что вы сказали, Учитель? – переспросила его Фейра.

– Нурбану-султан, – брюзгливо произнес он, преодолевая шум фонтана. – Она больна. Так больна, что меня позвали из Второго двора, – он поднял трясущийся палец и покрутил им перед её вуалью. – Слушай меня, Фейра, никогда не забывай, что Нурбану – мать султана. Более высокородного больного у тебя никогда не будет.

Фейре не терпелось уйти. Она и так уже опоздала. Она не понимала, отчего Хаджи Муса так взволнован; в конце концов, ей уже много раз приходилось лечить свою госпожу. Она поклонилась ему, как в тот первый раз, будучи тринадцатилетней девочкой. Тогда она выказывала этим своё послушание. А теперь – желание удалиться.

Он сразу заметил это.

– Расскажи мне все. Я буду ждать. Благословенно имя султана, – произнёс врач.

Фейра выпрямилась.

– Он свет очей моих и радость сердца моего, – машинально произнося ответ, она уже направлялась к женской половине дворца. Поспешно удаляясь, она знала, что лекарь поправляет свой тюрбан, словно традиционное благословение султана вывело его из

равновесия. Репутация нового султана даже в спокойные времена внушала страх, а если что-то случится с его матерью, то его ярость поглотит всех и вся. Она знала, что Хаджи Муса опасался за свою голову и надеялся, что к заходу солнца она останется у него на плечах.

Фейра поспешила во внутренний двор, к воротам гарема. Здесь её никто не остановил с расспросами – два черных евнуха отворили ей двери, но она не удостоила их даже кивком. Она прошла Золотой путь, где наложниц когда-то осыпали дождем из золотых монет, прямо к комнатам Нурбану и открыла дверь во внутренние покои. В просторной комнате, отделанной великолепной изникской мозаикой, был небольшой открытый дворик с фонтаном и возвышением, на котором стояло ложе. Ещё с порога Фейра услышала стоны.

В дверях её встретила Келебек, гедик Нурбану, фрейлина султанши. «Благословенно имя Султана, Фейра», – произнесла она.

Келебек, женщина невзрачная, особенно на фоне всей этой красоты, была явно обеспокоена, но все-таки следовала этикету. Фейра слишком сильно волновалась, чтобы ответить так, как того требовали формальные правила поведения. Хотя она ещё не слишком переживала из-за состояния Нурбану: Валиде-султан иногда мучили боли в животе, которые вызывали сильное вздутие, но рвотное средство, которое Фейра сама готовила, обычно приносило облегчение в течение часа. Фейру больше волновало, что своим опозданием она навлечет на себя беду. На тумбочке возле ложа она заметила серебряное блюдо с охлажденными фруктами, и у неё заурчало в животе – ведь она ещё не завтракала. Зеленые ягоды винограда, свисавшего с блюда, выглядели так соблазнительно. Она протянула было

руку, чтобы сорвать одну, но с ложа снова слышался стон, и она остановилась.

– Она звала меня? – спросила Фейра.

– Нет. Она зовет Сесилию Баффо, – ответила ей гедик.

– Кто такая Сесилия Баффо?

– Мы не знаем. Никто не знает.

Келебек повела рукой, показывая на одалисок – девушек, которые готовились стать наложницами султана. Пять молодых женщин, все красавицы в длинных белых рубашках кусали губы или сидели, уставившись в пол. Необразованные, они все же понимали – что-то случилось.

Предчувствуя недоброе, Фейра поднялась по ступенькам возвышения и отдернула тонкие, расшитые муслиновые занавески, закрывавшие ложе Валиде-султан.

Мать султана лежала, скрючившись, с полузакрытыми глазами, кожа приобрела неестественный цвет – что-то среднее между слоновой костью и желчью. Вены на шее вздулись и стали иссиня-черными, словно у неё на шее выросла мандрагора. Щеки, обычно округлые и розовые, ввалились, будто две темные вмятины, а под глазами залегли фиолетовые тени. Жидкие светлые волосы потемнели от пота и прилипли ко лбу. Нурбану была женщиной лет сорока, с приятными полными формами и бледной кожей, как у иностранцев, но теперь её кожа под украшенной драгоценностями сорочкой казалась мешковатой, лиловой и покрытой крапинками, от приятных округлостей ничего не осталось, тело её стало рыхлым, обвисшим, словно сдувшийся пузырь. Крики прекратились, и Нурбану уснула.

Фейра взяла Валиде-султан за запястье – в том месте, где бьется пульс, отчего та пошевелилась и

застонала, взывая к кому-то на неизвестном языке: «Сесилия Баффо. Сесилия Баффо».

Голос Нурбану, обычно низкий и мелодичный, теперь походил на скрежет. Глаза у неё внезапно открылись – кроваво-молочные. Но она, казалось, узнала Фейру, назвав её по имени, и привлекла к себе, заговорив с ней на языке, который понимала только Фейра, – на родном языке Нурбану. Этот язык скакал и отплясывал, словно цокали копыта, язык, в котором каждое слово оканчивалось на а или о. Валиде-султан обучила её этому языку – она называла его финикийским – ещё тогда, когда Фейра маленькой девочкой приходила во дворец с отцом. Он стал их тайным языком, которым они пользовались, когда речь заходила о самых секретных поручениях Валиде-султан. Вот и сейчас она говорила на нём:

– Ты должна сказать ему, Фейра, ты и только ты.

Фейре показалось, что она поняла. Она с испугом повернулась к Келебек:

– Мы должны позвать врача и сообщить султану.

– Нет! – Валиде-султан внезапно села, очнувшись ото сна, и грозно крикнула, – Сесилия Баффо! Сесилия Баффо! Четыре всадника; едут, едут. *Иди и смотри.*

Дыхание Нурбану было отвратительным, желчная слюна тонкой ниточкой свисала с её подбородка.

Фейра принялась её успокаивать, гладя по щеке, как ребенка, пока её госпожа снова не заснула.

Фейра отступила к занавескам и задернула их за собой, подозвав Келебек.

– Сесилия Баффо, – прошептала Фейра. – Кто она? И кто эти Четыре всадника?

– Госпожу привезли сюда много лет назад корсары, которые похитили её. Может, их было четверо? – пожала плечами Келебек.

– Возможно. А имя? Кто такая Сесилия Баффо? – настаивала Фейра.

– Не знаю! – вскрикнула Келебек в страхе.

– Опиши мне весь день госпожи, в точности, с самого утра, – задумчиво попросила Фейра.

– Она проснулась и приказала одеть её в ночную сорочку, украшенную драгоценностями, потому что ждала гостя, – начала Келебек, сложив руки.

Фейра сощурилась. Протокол разрешал Валиде-султан, вдове, принимать любовника, но Фейра не знала, что её госпожа спала с мужчиной после смерти супруга – султана Селима, который скончался два года назад.

– Кого? Мужчину? – спросила Фейра.

– Нет. Она сказала, что собирается разговеться вместе с догарессой из Генуи, прежде чем генуэзский корабль отплывет с утренним приливом, ответила Келебек.

– Корабль уже уплыл?

– Несколько минут назад.

– Сесилия Баффо, – размышляла вслух Фейра. – Имя иностранное. Может, генуэзское. Как зовут генуэзскую догарессу? Кто-нибудь может это выяснить?

– Как, Фейра? – вполне решительная в повседневных делах, в тяжелый момент Келебек снова становилась простой деревенской девушкой.

Фейру разозлила её бестолковость.

– *Спроси* кого-нибудь, – процедила она сквозь зубы. – Например, кизляр-ага.

Глаза Келебек округлились от страха – кизляр-ага, надзиратель за девушками и глава черных евнухов, был наместником султана в гареме и вершил правосудие в этих стенах. Нынешний ага – Бейязид – был не человеком, а кровожадным василиском, внушающим смертельный ужас: семь футов росту и черный, как смоль. Если девушка навлекла на себя гнев султана, если вкусы султана казались ей слишком дикими и невозможными для неё, её сажали в мешок, и Бейязид сам сбрасывал несчастную с Башни справедливости

прямо в Босфор. Остальных девушек заставляли смотреть, как мешок, намокая, погружается в воду все глубже и глубже, и слушать крики жертвы, чтобы они знали, чем им грозит непослушание. При упоминании имени кизляр-агы Келебек попятилась:

– Я не смогу говорить с ним, Фейра.

Фейра раздраженно вздохнула. Она боялась аги не меньше, чем Келебек, но участь госпожи страшила её ещё больше. Выйдя из комнаты, она пересекла Двор наложниц. Солнце стояло высоко, и, когда Фейра повернула во Двор черных евнухов, тени под мраморными колоннами были густыми и темными, а солнечные лучи, преломляясь через кованые железные лампы, рассыпались ослепительными искрами. Когда она, постучавшись, вошла в покои кизляр-агы, то уже почти ничего не видела из-за яркого света.

Постепенно зрение вернулось. Фейра стояла в длинной комнате, на полу которой по двум мраморным каналам струилась вода. Слабый свет, серебривший воду, исходил от вырубленных в каменном потолке отверстий в форме звёзд, так что бледные лучи солнца падали на пол в виде геометрических фигур, как будто вырезанные из бумаги. Фейра встала между лучами, словно её ждало испытание светом. Казалось, она была одна в комнате; кожа Бейязида была блестящего эбенового цвета – черная, как и кресло, в котором он восседал; он курил кальян, пуская маленькие колечки дыма, когда говорил. Дым клубился над его головой и светился в звездных лучах.

– Фейра, дочь Тимурхана? Чего ты хочешь от меня? – спросил Бейязид, который, похоже, прекрасно её видел.

– О, кизляр-ага, как зовут генуэзскую догарессу, которая разговлялась с госпожой Нурбану-султан? – обратилась к нему Фейра.

Теперь она различала в полумраке его очертания, массивные, даже в минуты отдыха, мускулы на его

руках, которые вздувались под золотыми обручами, когда он подносил кальян к губам, а фальшивый звездный свет серебрил его бритую голову.

– Ее зовут Проспера Сентурионе Фаттинанти, – для человека такой комплекции голос у него был слишком высоким и чистым, как у мальчика: его кастрировали ещё до совершеннолетия. Странное несоответствие между голосом и телосложением внушало ещё больше страха. Он выпустил очередное облако дыма.

– Это все?

– Да, кизляр-ага, – Фейра направилась к двери, но затем повернулась, не ожидая от себя такого мужества.

– Нет, не все. Кто такая Сесилия Баффо?

Она заметила два белых полумесяца его глаз, которые раскрылись на долю секунды, словно невольная вспышка озарения. На мгновенье Фейра испугалась. Но глаза снова закрылись.

– Я не знаю. Теперь уходи. Благословенно имя султана, – промолвил он.

– Он свет очей моих и радость сердца моего, – произнесла Фейра в ответ.

Она вышла из темноты и двинулась обратно по залитому солнцем двору; ей не хотелось думать о том, что её ждет. Но в покоях Валиде-султан, казалось, солнце тоже сияло во всей своей красе. Келебек улыбалась, одалиски щебетали, как стайка белых голубок, и чувствовалось явное облегчение.

– *Иди и смотри*, – позвала её Келебек.

Фейра снова раздвинула муслиновые занавески вокруг ложа. Нурбану сидела, прислонившись к подушкам, набухшие вены на шее исчезли, глаза блестели, щеки порозовели. Глаза оттеняла лишь подводка, которой она обычно пользовалась, нанося её каждый день тоненькой кисточкой. Она поприветствовала Фейру, и та вздохнула с облегчением. Она присела на кровать возле Валиде-султан, что

дозволялось только ей, и снова взяла запястье Нурбану. На этот раз пульс был стабильным и размеренным, и Фейра обняла руку своей госпожи.

– Фейра, что случилось? – улыбнулась ей Нурбану.

– Госпожа, как вы себя чувствуете? – поинтересовалась Фейра.

Нурбану от души рассмеялась. Обычно Фейре нравился её смех, но сегодня он ранил слух, как фальшивая нота на цитре.

– Я? Превосходно – как никогда. Принеси мои письменные принадлежности, Фейра. А потом вели подать завтрак и скажи евнухам, чтобы подготовили мой баркас – поплывем в Пера? Сегодня чудесный день. Можешь ненадолго оторваться от врачебных дел?

Фейра послушно поклонилась, но встревожилась. Перемена в Нурбану была настолько сильной, что Фейра засомневалась, не выдумала ли она сама эту короткую, ужасную болезнь. Но Келебек тоже была здесь, и одалиски. Она медлила.

– Госпожа, когда я пришла сюда не более часа назад, вы бредили, на вас страшно было смотреть, вы засыпали, затем судорожно просыпались с криками, – осторожно произнесла она.

– Фейра, что ты болтаешь? – полное, доброе лицо Нурбану смотрело на неё насмешливо.

– Вы не помните? – удивилась Фейра.

Опасения вернулись к ней, когда она внимательно осмотрела свою госпожу. Блестевшие, словно бриллианты, глаза. Багровый румянец на щеках. Светлые влажные волосы вились теперь вокруг головы, словно ореол. И она не помнила, что произошло.

Фейра обернулась и стала осматриваться. Взгляд её остановился на охлажденных фруктах, которые невинно разлеглись на мозаичном столике. Она отвела гедик в сторонку.

– Келебек, – прошипела она прямо в ухо девушки, – госпожа что-то ела или пила этим утром?

– Еще нет. Но ведь ещё рано... Она съела только немного фруктов, которые привезла ей догаресса, – ответила та.

– Кто-нибудь попробовал их, прежде чем давать госпоже? – спросила Фейра.

– Нет, Фейра. Тебя здесь не было, но я подумала, что все обойдется; это же подарок от догарессы, она близкая подруга моей госпожи – и такая красивая! – глаза Келебек были круглыми и зелеными, как виноградинки.

Фейра в ужасе подошла к блюду с фруктами. Лед в серебряном блюде подтаял и треснул, словно в знак протеста. Фрукты выглядели аппетитно, свисая с краев блюда: круглые, дышащие свежестью. Уже не в первый раз Фейре казалось, что некоторые вещи слишком яркие.

Она сорвала виноградинку с ветки, ногтями разломилась её пополам и поднесла к окну. В желтовато-зеленой мякоти ягоды притаился темный комочек – там, где должна была быть косточка. Она вытащила его и развернула на белой мозаичной плитке подоконника. Достав из своего медицинского пояса линзу в медной оправе, она принялась изучать темный комочек. Раздавлив его, она увидела несколько мелких зерен, напоминавших по форме звездчатый анис. Фейра обомлела: это был яд.

Такой яд ей довелось видеть только однажды. Хаджи Муса когда-то предотвратил покушение на жизнь старого султана, обнаружив яд в преподнесенной ему бутылке английского эля. Врач показал Фейре споры в форме звезд, собранные из плодов варфоломейского дерева, которое растет на холмах Дамаска, и велел ей быть осторожней, потому что эти споры – один из самых смертоносных ядов: он не имеет вкуса, запаха и

противоядия. Сначала жертва чувствует недомогание, но примерно через полчаса приходит в себя, словно ничего и не было, а потом происходит стремительное ухудшение, по мере того как споры начинают размножаться в организме, поражая печень и легкие и превращая внутренности в кашу.

Завороженная столь могущественным ядом, Фейра выпросила хромого кречета у сокольничих султана и скормила ему несколько спор. Он жадно съел их. Затем Фейра уселась на каменный пол в конюшне Топкапы и стала наблюдать за ним. Полчаса он падал на пол, катался и бил крыльями, пронзительно крича. Фейра хладнокровно наблюдала, а затем птица чудесным образом исцелилась. В течение следующего часа кречет чувствовал себя превосходно; он вел себя бойко, казалось, даже лапа у него перестала болеть. Но прежде чем Фейра успела окоченеть на каменном полу, он снова упал и почернел, глаза у него остекленели, он задыхался и мучился, пока она не свернула ему шею. Он лежал у неё на руках, теплый и на удивление легкий, голова свисала. На мгновение Фейру обуяло дурное предчувствие; этот сокол уже никогда не поднимется над куполом Софии. Затем она, отбросив всякую жалость, разрежала его, прямо там, на каменном полу, скальпелем, который носила на поясе, и обнаружила, что его внутренности почернели от спор, органы истерзаны и превратились в кашу, так что невозможно было отличить один от другого.

Фейра стала быстро думать, пробегая мысленно все средства, какие знала, все, что у неё было на поясе. Ничто не поможет. Если бы она была здесь, Господь Всемогуший, если бы только она была здесь в тот момент, когда госпожа попробовала виноград, возможно, она смогла бы помочь. У неё было несколько масляных шариков тунгового дерева, которые, если их разжевать, вызывали мгновенную, обширную рвоту и

очищали кишечник. Но даже тогда, когда появились симптомы, когда началось первое недомогание, уже тогда было слишком поздно. А кроме того, мрачно подумала Фейра, как напомнила ей Келебек, если бы она была здесь, то как кире Нурбану ей пришлось бы попробовать виноград, и теперь она тоже ждала бы своей смерти.

Фейра задумалась на мгновение. Для госпожи уже слишком поздно – теперь надо подумать о тех, кого она ещё может спасти. Одалиски все были красавицы, девственницы, все они стоили немалых денег султану. Одалисок пощадят. «Оставьте нас – все», – голос её прозвучал резко, словно удар хлыста; она посмотрела им вслед.

Келебек осталась, Келебек – простая двадцатипятилетняя девушка. Фейра представила себе, как мешок, потемневший от воды, погружается все глубже и глубже, пока Келебек не захлебнется в последнем вопле. Фейра подошла к окну, где золотая шкатулка филигранной работы переливалась в лучах утреннего солнца. Она сдернула с головы покрывало и, обернув им несколько раз шкатулку, чтобы укрыть предательский блеск, вложила её в руки девушки.

– Келебек, возьми эту шкатулку..., – она порылась в карманах шаровар, – и три дирхама. Садись на лодку в Пера. Где дом твоего отца?

– В Эдирне, – ответила та.

– Продай шкатулку в Пера, купи мула и отправляйся туда. Езжай до самого Эдирне и не останавливайся. Пусть отец найдет тебе достойного мужчину из деревни, и выходи за него замуж. Твоя служба в Топкапы окончена, – сказала Фейра.

– Что это значит? – удивилась Келебек.

– Валиде-султан скоро умрет, а отравленные фрукты дала ей ты, – объяснила Фейра.

Келебек затряслась от страха.

– Как..., но я не... я *не знала...*, – стенала она, раскачиваясь из стороны в сторону и стараясь понять услышанное.

– А ты не можешь... должно же быть... разве у тебя ничего нет на твоём врачебном поясе?

Келебек, как и наложницы, считала пояс Фейры почти волшебным, он казался им панацеей от всех болезней, с целительным снадобьем в каждой закупоренной бутылочке. Фейра посмотрела девушке в глаза и покачала головой.

Этого оказалось достаточно. Келебек взяла шкатулку и убежала.

Фейра поспешила обратно, к ложу, и раздвинула занавески. Страх заставил её забыть о любезностях.

– Кто такая Сесилия Баффо? – требовательно спросила она у госпожи.

Нурбану-султан, томно возлежавшая на вышитых подушках, снова рассмеялась; но на этот раз смех её был нервным, наигранным.

– Не имею ни малейшего представления, Фейра. А теперь, будь добра, принеси мои письменные принадлежности, – произнесла она. Но Фейра не шелохнулась. Её госпожа не знала, что больна, не помнила тех кошмарных минут, когда она корчилась и извивалась от боли на своей постели, но прекрасно знала, кто такая Сесилия Баффо.

Фейра присела на постель без разрешения и пристально посмотрела в глаза Нурбану-султан. Она заговорила, четко произнося слова, немного громче обычного.

– Послушайте меня, госпожа. Виноград, принесенный догарессой, отравлен спорами варфоломейского дерева. Сначала человек, проглотивший споры, примерно полчаса чувствует себя ужасно, словно смерть стучится в дверь. Затем очень быстро состояние его улучшается. Кожа розовеет, глаза начинают блестеть. Но он не

помнит, что с ним было. Организм борется со спорами, которые даже благотворно влияют на настроение благодаря опию, который содержится в яде. Примерно час или чуть больше он чувствует себя лучше, чем когда-либо. Я велю принести вам козье молоко и галеты, чтобы замедлить всасывание. Но скоро, очень скоро вам снова станет хуже, намного хуже, и вы не сможете говорить. Теперь вы знаете все и, возможно, захотите сказать мне что-то сейчас? Рассказать мне о чем-то? Может, что-то передать вашему сыну или оставить завещание вашей семье, или отдать распоряжения относительно погребения? Или..., – произнесла она многозначительно, – вы откроете мне, кто такая Сесилия Баффо?

– Я скажу – к черту козье молоко и галеты. Что за глупости – говорить о смерти в такой волшебный день! Я собираюсь позавтракать, Фейра. А гемуэзская догаресса – моя подруга. И я больше не хочу слышать твои бредни, – глаза Валиде-султан, приподнявшейся на подушках, пылали гневом.

Фейра кивнула.

– Я знаю, что сейчас вы не верите мне, и понимаю вас. Настроение прекрасное и здоровья хоть отбавляй. Но это продлится недолго, а противоядия не существует. Яд безвкусный и действует не сразу, так что даже если бы я, ваша прислужница, не опоздала и попробовала угощение первой..., – промямлила она виновато, – это не спасло бы вас. Такой яд одолеть невозможно. Думаю, именно поэтому он так нравится гемуэзам. Теперь я оставляю вас, и пусть ваше тело расскажет вам то, чего вы не хотите слышать от меня.

Нурбану-султан раскрыла рот, чтобы закричать, но Фейра твердо стояла на своем. Гнев Валиде-султан мог быть велик, и она могла быть столь же грозной, сколь и доброй. Никогда, за все годы своей службы Фейра не

навлекала на себя гнев госпожи, но она понимала её. Никто не хочет признавать, что умирает.

За эти годы она, как врач гарема, видела всевозможные реакции – отрицание, гнев, ужас. Одни начинали рыдать, умоляя излечить их. Ей приходилось говорить женщинам с язвой на груди или на матке, что их ждет смерть, но ожидание может продлиться недели или месяцы, или годы. Но её госпожа, обрушившая на неё град упреков и обвинений, умрет к полудню, и это невозможно осмыслить. Фейра понимала, что оставаться здесь бесполезно. Валиде-султан должна смириться с истиной, а затем привести в порядок свои дела за то короткое время, что ей осталось. Наконец, Фейра придумала, что сказать. Словно бросая камнем в ураган, она тихо произнесла, когда Нурбану замолчала, переводя дыхание: «Сесилия Баффо». При звуках этого имени Нурбану замерла, тяжело дыша.

– Когда вы страшно мучились и не понимали, что говорили, вы звали не своего сына и не меня, а Сесилию Баффо. Очевидно, она очень важна для вас, – промолвила Фейра, опускаясь на колени возле кровати. – Времени мало, госпожа. Если хотите, чтобы я нашла её или передала ей что-то, говорите сейчас. Она поднялась.

– Подумайте. Я *никогда* не лгала вам. А вы солгали *мне*. Вы знаете, кто такая Сесилия Баффо, – Фейра говорила, нимало не сомневаясь в своих словах. – И когда вы захотите рассказать мне, я буду в Самахане.

Она поспешно спустилась с возвышения, распахнула дверь и наткнулась на одалисок, которые подслушивали у замочной скважины.

– Госпожа зовет вас, – бросила она им и вышла из комнаты – и дальше, как можно быстрее, чтобы больше не слышать гневных возгласов Нурбану.

Фейра прошла по тихим дворам к Самахану, церемониальному залу. Она вошла в зал и забралась на мезонин, так как женщинам запрещалось

присутствовать на церемониях. Она присела под одной из узорчатых арок и закрыла за собой шелковые занавеси. Ей нужно было время и место, чтобы подумать.

Она посмотрела вниз с балюстрады. Дервиши мевлеви кружились в танце. Девять из них вращались вокруг своего священника в центре группы, белые юбки развевались в идеальном круге, высокие коричневые шапки казались неподвижными, формируя центральную ось, вокруг которой они вращались. Их ноги двигались почти бесшумно на кафельном полу Самахане, тихо постукивая, словно дождь.

Фейра впала в транс, мысли закружились в голове, как мягкие вращающиеся шаги дервишей. Она знала символический смысл их наряда – белые одежды означали цвет смерти, а высокие коричневые шапки – как вытянутые фески – олицетворяли надгробие. Их одежда приближала их к загробной жизни – к той стороне. *Белый – для смерти*, подумала она, *а коричневый – для надгробия*. Дервиши предвещали смерть. Нурбану скоро завернут в белый саван и похоронят в склепе с каменным надгробием.

Ноги у Фейры онемели, а руки, опирающиеся на каменную балюстраду, заболели. Что станет с ней? Её схватят и посадят в тюрьму, потому что она пришла слишком поздно и не успела попробовать смертоносную ягоду, прежде чем её съела Валиде-султан? Потому что она не смогла излечить свою госпожу? Может, ей убежать, как Келебек? А отец? Заступится ли он за неё перед султаном? Или им лучше бежать вместе? Может, он увезет её за море – в те страны, о которых она грезилась ещё утром?

Внезапно её посетило яркое воспоминание – такое же яркое и лихорадочное, как отравленный фрукт и её госпожа. Она ясно увидела себя шестилетней девочкой, играющей в пыли с друзьями перед отцовским домом. У

одного из мальчиков была крышка, которую он мог крутить целую вечность. Фейра видела в этом волшебство – крышка висела в воздухе, почти не двигаясь, поддерживаемая какой-то невидимой небесной силой. Затем, наконец, неподвижность обрывалась дрожанием, потом раскачивание – и белая крышка летела в пыль, под ноги детям. Фейра подняла её и покрутила один раз, два раза, пока не поняла, в чем секрет; и пока крышка крутилась вокруг неподвижного центра, она не могла глаз отвести; её завораживало то, что какой-то предмет, как эта крышка, может двигаться настолько быстро, что кажется неподвижным. Остальные дети, потеряв к ней интерес, разбежались в поисках новых игр, а Фейра осталась – она наблюдала и ждала – с трепетом и почти что с ужасом.

Теперь, четырнадцать лет спустя, она поняла то чувство ужаса. Она ждала, когда упадет крышка, одновременно хотела этого и страшилась, не теряла надежды, что крышка будет вертеться всегда, хотя знала, что этому не бывать.

Теперь она смотрела на дервишей и ждала, когда же упадет один из них, но вдруг почувствовала, как чья-то рука отдернула занавеску. Она обернулась, ожидая увидеть одну из одалисок, и наперед знала, что та скажет: *«Иди и смотри»*.

Когда Фейра поднялась, распрямляя онемевшее тело, она обернулась к дервишам.

Они все ещё вращались. Кто же упал? Нурбану.

Глава 3

– Это я Сесилия Баффо, – прошептала Нурбану.

Фейра сидела на её постели. Валиде-султан была слаба, а её бледная кожа в мраморной сетке вен потемнела. Яд начинал действовать. Девушке показалось, что госпожа бредит, но разум её оставался ясным. Фейра покачала головой в замешательстве.

– Что вы хотите сказать? – спросила она.

– Что тебе известно обо мне? – попыталась немного приподняться на подушках Валиде-султан.

– Вас захватили корсары и привезли сюда, к султану Селиму, да покоится он в лучах рая, – повторила Фейра то, что слышала от Келебек. Она знала, что турецкие всадники внушают страх во всем мире; непревзойденные в битве, они спускались с холмов прямо на врагов, улюлюкая, как банши.

– Захватили корсары, – слабо улыбнулась Нурбану. – Да, так гласит легенда. *Захвачена корсарами*; но это даже не половина и не четверть правды – нет, это вообще не имеет никакого отношения к моей истории.

– Я думала, что знаю все, – сказала Фейра в недоумении, ведь столько лет мы делились друг с другом всеми своими секретами.

– Поговорим на нашем языке.

Фейра знала, что госпожа имеет в виду финикийский. Если они будут говорить на нём, ей предстоит узнать великую тайну. Это было важнее, чем тайна смерти султана Селима, супруга Нурбану, которую та скрывала от всего мира целых три дня, пока их сын и наследник, нынешний султан, не прибыл из провинции. Важнее того, что Фейра передавала ларцы с деньгами, тайно взятыми из казны её госпожой, архитектору Мимару Синану, который строил мечеть в честь Нурбану. Важнее всех тех тайных встреч, которые устраивала Фейра своей госпоже с её союзниками из разных стран, чтобы исправить или смягчить политику своего опрометчивого сына.

– Мне тяжело говорить на финикийском, – ответила Фейра.

– Не на финикийском, Фейра, – на *венецианском*, – поправила её госпожа.

Неверно понятое в детстве слово открыло Фейре истину. Она застыла в удивлении.

– Да, я венецианка. Я позволила всем забыть об этом. Я даже сама почти забыла. Но в той жизни я была Сесилией Баффо, дочерью Николо Веньера, – у Нурбану вырвался глубокий вздох.

– *Веньера?* – Фейра произнесла имя, ставшее проклятием в Константинополе.

Нурбану уловила её тон.

– Да. Мой дядя – Себастьяно Веньер, адмирал Лепанто и дож Венеции.

Не удивительно, что людям позволили забыть об этом. Венецианцы были врагами турок на протяжении многих веков, забирали их золото, насиловали женщин и даже оскверняли могилы султанов. Корону Мехмеда II, с

остатками его волос, выкрали из его могилы венецианские мародеры. А самым худшим, самым гнусным из этих кровожадных завоевателей был Себастьяно Веньер – фигура на носу военного корабля, которым была Венеция. Каждый день его имя мешали с грязью в памфлетах, которые продавались на каждом углу, а его портреты сжигали на улицах. С тех пор, как он разбил османский флот всего несколько лет назад в битве при Лепанто, султан и весь турецкий народ жаждали мести.

– Да. Ты, наверное, заметила, что мой сын не питает ко мне любви. Он считает, что я действую в интересах Венеции, что я необъективна. И он прав, – Валиде-султан посмотрела в окно, и её глаза увидели совсем другой пейзаж. – О, Фейра, ты когда-нибудь видела город, плывущий по морю? Ты видела башни, устремленные ввысь, как копья, вместо того чтобы сгибаться куполом; ты видела лезвие – прямое, а не изогнутое? Ты видела стекло, светящееся, словно драгоценный камень, и дворцы, где грубый камень становится изящным, как кружево? И вот мой сын замыслил страшную месть Венеции, и только ты можешь предотвратить это.

– Я?

– Да, Фейра, ты. Ты моя кира, ты – посредница между мною и миром. Но мир намного больше этого города. Я хочу поручить тебе дело, сложнее которого нет на свете.

– Почему мне?

– Потому что ты должна знать мою историю. Я Сесилия Баффо, дочь Николо Веньера и Виоланты Баффо. Мой отец был правителем Пароса и тысячи островков греческого побережья – островов Киклады – под властью Венецианской Республики. Хотя в то время я жила в Венеции, я провела на островах с отцом лето 1555 года – 962 по нашему летоисчислению.

Двадцать один год назад, подумала Фейра. Ещё до того, как она сама появилась на свет.

– Там вас и похитили?

– В каком-то смысле – да. В нашем дворце на Паросе был устроен великолепный маскарад – в честь моей помолвки. Меня хотели выдать за Ридолфо Фалиери – человека очень богатого, но в ту ночь, когда меня отдали ему, я полюбила.

– Значит, он был хорошим человеком?

– Вовсе нет. Он был стар, жесток и раздражителен – наш союз был продиктован исключительно династическими интересами. Нет, я полюбила не его. На маскараде был морской капитан – молодой протеже султана, чей корабль пришвартовался к острову, чтобы пополнить запасы продовольствия. Не прошло и часа, как я отдалась ему. В его команде были корсары. Мы взяли коней моего отца и поскакали к берегу, но я последовала за капитаном добровольно. Да, мне хотелось, чтобы целое море разделяло меня с Ридольфо; но в то же время я не могла допустить, что капитан уплывет без меня.

Фейра сжала пальцами простыню.

– Вы полюбили моего отца, – Это было утверждение, а не вопрос.

– Твоего отца, – подтвердила госпожа и посмотрела Фейре в глаза. – А когда мы доплыли до Константинополя, я уже была беременна.

Фейра замерла. Она видела, что её госпоже тяжело говорить; она слышала невнятную речь. Она не смела вздохнуть. И жаждала услышать продолжение.

– О, Фейра, я была неосторожна, в отличие от тебя. Я вижу, как ты одеваешься, сколько сил тратишь на то, чтобы скрыть свою красоту. Я была несдержанна. Я ходила по Султанахмету в своих прекрасных венецианских платьях, сияя любовью и радуясь ребенку, которого носила, – с открытым лицом и завитыми

локонами. Тогда я была красива, Фейра, у меня были золотистые волосы, перламутровая кожа и глаза цвета моря. Однажды, когда я возвращалась с базара, мимо меня пронесли носилки – там сидел султан Селим, и когда легкое дуновение ветра распахнуло занавески на носилках, наши глаза встретились на мгновение. Этого оказалось достаточно. К ночи я уже была в гареме, мне дали имя Нурбану Афифе, а Сесилия Баффо исчезла.

– Что сделал мой отец?

Сесилия слабо улыбнулась.

– Он был вне себя от гнева. Он ворвался во дворец, выломал двери голыми руками, требуя вернуть его любимую и ребенка, которого она носила. Стража отвела его к султану, который сказал, что если родится мальчик, его умертвят, чтобы он никогда не соперничал с истинными наследниками, рожденными мной. Сам султан не входил ко мне до рождения ребенка. Он ждал, чтобы заявить на меня свое право. Это были страшные месяцы ожидания, Фейра.

– Но родилась девочка, не так ли? – Фейра не нуждалась в подтверждении, но Сесилия слабо кивнула головой.

Внезапно все прояснилось: её ежедневные визиты в гарем, сколько она себя помнила; то, что до сегодняшнего дня госпожа ни разу не повышала на неё голос; что Нурбану сама учила её читать, писать и говорить на языке своей молодости; что она поощряла её занятия медициной и стремление получить знания, которые редко давались другим женщинам.

– Твоему отцу дали звание и высокое положение в обмен на покорность; и ему отдали тебя, его дочь, чтобы он спокойно воспитывал тебя здесь, в городе. Ему пообещали твою жизнь в обмен на две вещи: абсолютную преданность султану и всем его наследникам и обязательство никогда не пытаться встретиться со мной. И с того дня я его больше не

видела, Фейра, – глаза Нурбану остекленели. – К тому времени, когда произошло сражение при Лепанто, твой отец стал адмиралом – он получил то же звание, что и мой дядя дож. Я напряженно смотрела на море вот из этого окна, Фейра, представляя себе весь путь до Патрасского залива, где сошлись два флота, где мой любимый Тимурхан и мой дядя Себастьяно сражались друг с другом по приказу моего супруга Селима.

Фейре пришлось наклониться, чтобы слышать её.

– Со временем я вновь обрела счастье. Я научилась любить своего повелителя султана – не с юношеской страстью, которую испытывала к твоему отцу, а с уважением, питая к нему дружеские чувства. Он был хорошим, добрым человеком, в отличие от нашего сына. Я стала для него незаменимой, поднимаясь из одалиски до наложницы, из наложницы до кадины, а из кадины в султаншу. Постепенно я стала использовать свое влияние, чтобы продвигать провенецианскую политику. Но когда скончался мой супруг, всему этому, как ты знаешь, пришел конец. Ты, наверное, помнишь, Фейра, как мы старались, чтобы Мурад наследовал трон, и теперь ты понимаешь, почему я доверилась тебе и никому другому. Но было бы лучше, если бы я позволила соперникам Мурада завладеть троном; мой сын – поистине дьявол; он ненавидит Венецию и, как следствие, меня.

Фейра забралась на постель и поднесла ухо совсем близко к высохшим, потрескавшимся губам своей госпожи. Валиде-султан приласкала Фейру своей распухшей рукой и слабо улыбнулась, как будто эта близость наполняла её невыразимым счастьем.

– Не жалея меня. Все эти годы у меня было свое тайное утешение: ребенок – свет, озаряющий мои дни. Мой сын не знает, кто ты такая на самом деле, потому что он родился годом позже, а мои прислужницы умеют хранить секреты. Я смогла держать тебя при себе и

наблюдать, как ты растешь. Ты так умна, отважна и добра. Я вижу Тимурхана в тебе – каждый день, – имя возлюбленного немного оживило её, и голос стал чуть громче. – Обещай, что ничего ему не расскажешь. Это очень важно, потому что он – участник той трагедии, которую готовит мой сын, – она с видимым усилием подняла распухшую руку и провела ею по щеке Фейры.

– Если бы могло исполниться одно мое желание, я бы хотела, чтобы ты была не такой красивой. Хорошо, что ты покинешь город.

Фейра вздрогнула.

– Почему я должна уехать?

– Мой сын замыслил ужасную месть Венеции...

Рука, гладившая лицо Фейры, задрожала. Фейра тревожно сжала её. Гнев вредил госпоже – он вызывал прилив крови и волнение; споры, наверное, уже охватили все её органы.

– Спокойно. Говорите.

Нурбану стала быстро перебирать руками, стараясь снять кольцо с разбухшего пальца, хрустальное колечко, которое она постоянно носила.

– Возьми это, – сказала она, глаза её закрылись, речь становилась бессвязной. – Скажи моему дяде дожу, скажи ему. И если тебе понадобится убежище, есть домик с золотым циркулем на двери. Человек по имени Суббота живет там. Он поможет тебе.

Фейра взяла кольцо, не глядя. Она перестала слушать, как только госпожа произнесла имя дожа. Она задумалась, охваченная ужасом.

– *Что* сказать ему?

Но взгляд Нурбану был пустым и остекленевшим.

– *Куда* отвезти кольцо?

Глаза Сесилии Баффо в последний раз широко раскрылись, и она слабо произнесла:

– В Венецию, конечно.

Фейра наклонилась и приложила щеку к губам своей госпожи. Она ещё не могла называть её *Мамой*. Дыхание Валиде-султан было слабым, но размеренным: она ещё жива, но Фейра знала, что будить её незачем. Потрясение может оказаться слишком тяжелым для изъеденного ядом сердца.

Фейра посмотрела в окно – на море, за которым была Венеция. Солнце высоко стояло в небе, корабли теснились в устье Босфора. Какая-то таинственная алхимия превратила темно-голубую воду в золотистую. Небольшие черные корабли рассекали солнечные лучи; одни плыли через пролив, направляясь к Пера и обратно, другие поднимали паруса, отправляясь к дальним берегам. «Как всё это бессердечно, – подумала Фейра. – Как они могут торговать, зачем им шелк, соль и шафран, когда вот-вот оборвется человеческая жизнь?»

Фейра много раз бывала у постели умирающего и знала, что когда людям перед смертью хочется что-то сказать, они редко произносят последние слова ясно и отчетливо, что бы ни говорили османские рассказчики. Фейра не оставляла надежды, что Нурбану придет в себя ещё раз, прежде чем яд поглотит её, и её организм сделает последнюю отчаянную попытку побороть споры варфоломейского дерева. Но она понимала, что разум Нурбану уже не будет столь же ясным, как недавно. Фейра радовалась, что она успела услышать историю своей матери – и свою собственную – а теперь ей надо узнать, о чем попросит её госпожа, и тайну кольца.

Она повернула кольцо на пальце в лучах утреннего солнца. Оно было прекрасным – искусная работа: чистейший кристалл, украшенный цветным узором. Вдруг она заметила, что это не просто узор, а миниатюрные изображения коней – четырех коней,

скачущих по кругу. Она присмотрелась: кони совсем, как настоящие, нарисованы эмалевыми красками на чистом хрустале кольца тончайшим инструментом, не толще булавочного остря. Каждый конь был особой масти: один вороной, один рыжий, один белый и один бледный. Всего лишь час назад в Самахане она размышляла о том, как бы сбежать вместе с отцом, а теперь поняла, что не сможет покинуть свою госпожу. Она должна все узнать. Долго ей ждать не пришлось.

– Фейра, Фейра..., – слышался шепот умирающей.

Фейра снова сжала руку госпожи.

– *Иди и смотри*, – её дыхание теперь отдавало гнилью, словно смерть выползала изо рта Нурбану. – Они близко!

– *Кто?* – спросила Фейра.

– Четыре всадника, – мысли Нурбану путались. Видимо, она имела в виду кольцо, которое отдала Фейре, и четырех коней, которые увезли её с Фароса.

– Нет, нет, они не придут сюда, – постаралась успокоить её Фейра.

– Да, да... Я вижу их! Они несут Смерть! – глаза цвета моря уставились в пустоту.

– Нет, они не придут, – попыталась убедить её Фейра. – Я вижу отсюда до самого Пера, и там только несколько кораблей. В комнате никого нет, у дверей тоже.

– Они идут не ко *мне*, – возразила умирающая. – Они направляются в Венецию! Великая скорбь направляется в Венецию. Они несутся галопом по морю, по белым гребням волн, хотя только один из них белый, а остальные – другой масти.

Фейра снова взглянула на кольцо, на миниатюрную гравировку. Один из коней был белого цвета. «*Только один из них белый, а остальные – другой масти*». Возможно, госпожа вовсе не бредила.

– Что они означают? Что несут эти кони? – спросила Фейра.

«Иди и смотри, иди и смотри, иди и смотри».

– Я здесь, госпожа, – придвинулась к ней как можно ближе Фейра.

Внезапно Нурбану села на ложе и заговорила с такой силой, словно её тело не было охвачено смертельным ядом: *«И когда Агнец снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри! Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий, елея же и вина не повреждай!».*

– Так написано. Так написано в Книге, – прошептала она, опускаясь на подушки.

Фейра заволновалась. Она так ничего и не узнала. Валиде-султан бросала слова на ветер. Скоро она не сможет говорить и тратит последние минуты на воспоминания о вине и елее?

– В какой книге? – переспросила Фейра.

– Я не читала её много лет. Мне не позволяли. Книга, Книга Книг. Там написано о Великой скорби. *Иди и смотри иди и смотри иди и смотри.*

Ее взгляд снова застыл, и Фейра поняла, что время Валиде-султан на исходе.

– Что я могу сделать? – задала она другой вопрос.

– Тимурхан везет первого коня, вороного коня, на своем корабле. Отправляйся с ним, помешай ему. За ним по пятам следует рыжий конь. Когда придет третий конь, белый конь – победитель, Венеция погибнет. Тогда бледный конь воцарится над всеми землями; он страшнее всех, он внушает ужас всем людям.

– Кто такой бледный конь?

– Смерть, – слово госпожи эхом разнеслось по безмолвному двору, оно казалось последним. Но затем

Валиде-султан повернула голову на подушках и посмотрела Фейре в глаза.

– Я умру? – спросила она своим обычным голосом.

– Да, – слова застряли у Фейры в горле, словно огромный холодный камень, мешавший ей говорить, но она никогда не лгала своей госпоже.

– Будет больно? – жалобно, со страхом спросила Валиде-султан, будто она была маленькой девочкой, а Фейра – её матерью.

Фейра вспомнила сокола, которого накормила спорами варфоломейского дерева, и о том, что стало с птицей через два-три часа после заражения. Она подумала, какой станет Нурбану через час и каково ей будет, когда яд превратит её внутренности в кашу, как было с соколом. Сердце её ныло от боли, и напоследок она решилась солгать своей матери:

– Нет. Вы ничего не почувствуете.

* * *

Прошел час, и Фейра была уверена, что её госпожа мертва.

Глаза Валиде-султан были открыты и остекленели, кожа покрылась черными крапинками, словно синяками. Фейра закрыла госпоже глаза, голубые, как море – это море и то море, которое баюкало Венецию, а затем на цыпочках вышла из комнаты.

Она понимала, что пора звать врача, и спотыкаясь, направилась ко двору Фонтана омовений. Последний раз, когда она была здесь, её мир зиждился на прочном основании. Теперь же будущее Фейры было неопределенным, и она обрела и потеряла мать всего за несколько часов.

Девушка послала одного из черных евнухов за врачом. Когда тот пришел, он выглядел не намного

лучше её бедной госпожи. Он посерел и дрожал в своем накренившемся тюбране.

– Вижу, вы уже знаете, Учитель, что я скажу, – поклонилась ему Фейра.

– Фейра, это я тебе должен сказать: твой отец в опасности. Не дай ему уплыть, – ответил Хаджи Муса, посмотрев на неё так, словно заглянул в пропасть.

– Мой *отец*? Но я пришла сказать вам..., – она помедлила, – моя госпожа, она скончалась. Вы не знали? Но он как будто не слышал её.

– Я и так сказал тебе слишком много. Не дай ему уплыть. Он везет опасный груз. Это погубит его.

Фейра замерла.

– Его груз? Какой груз везет мой отец?

Утрата, растерянность, бесконечные намеки и угрозы терзали ей сердце.

– Расскажите мне все – сейчас же, – резко потребовала она.

Ее учитель и наставник, великий Хаджи Муса, весь сжался перед ней и попятился.

– Я и так уже сказал слишком много, – промолвил он, зажимая рот руками. – Ты сказала, твоя госпожа при смерти?

– Она уже скончалась.

Новость, казалось, совсем не заинтересовала его, словно это было что-то пустое.

– Тогда, Фейра, иди домой – *прямо сейчас*. Тебя не должно быть здесь, когда её обнаружат. И увези отца, *не позволяй ему выйти в море*.

– Подождите!

– Я и так сказал слишком много. Я могу лишиться головы даже за одно это. Если же скажу больше, мне точно не жить, – сказал врач, торопясь уйти.

Фейра посмотрела ему вслед и почувствовала, что больше никогда не увидит его.

Не зная, что делать, она прошла через тихие дворы к дворцовым воротам. Её мать велела ей отправляться с Тимурханом в плавание, а наставник убеждал ни в коем случае не позволять отцу ехать. И они оба упоминали его груз. Нурбану назвала его вороным конем, а Хаджи Муса предупредил, что он погубит отца. Внезапно Фейра почувствовала себя совсем ещё юной. Ей хотелось только одного – залезть на колени к отцу, потянуть его за бороду, как она делала в детстве, обо всем ему рассказать и спросить, что им делать.

Проходя мимо покоев султана, она услышала раскаты его громового голоса. Фейра ускорила шаг, как будто сам Мурад мог выскочить из своих покоев и сразить её за то, что она позволила его матери умереть. Если бы она прислушалась получше, если бы не торопилась так сильно, то наверняка узнала другой мужской голос. Султан беседовал с её отцом.

Глава 4

Султан Мурад III начал свое правление так, как собирался и продолжить его.

Вернувшись из провинции Маниса, чтобы заявить свои права на трон, он приказал задушить пятерых младших братьев, которых его отец прижил с другими женами. Путь к престолу был свободен; и теперь, в девятнадцать лет, молодой и решительный, не встретивший никакого сопротивления, он был готов, наконец-то, исполнить желание всей своей жизни.

По словам кизляра-агы, с которым он только что имел интереснейшую беседу, его мать должна быть уже мертва. Наконец он освободился от уз, которые в последнее время душили его, как удавка, и ему больше не придется терпеть её вмешательства.

Ему вовремя пришла мысль совершить это злодеяние руками генуэзки. Сам он вышел сухим из воды: хотя народ поддержал умерщвление его братьев, так как именно этого все и ждали от сильного правителя, но убийство матери, всеми любимой султанши, – это было бы слишком. А обвинить во всем генуэзку – ловкий ход.

Он велит задушить её гедик за небрежение и разоблачить гемуэзку, которая, как он считал, забрала себе слишком большую часть его города – с резиденцией в Галатской башне и её окрестностях. Теперь он мог не только оплакать свою мать, похоронив её со всеми почестями, но и выплеснуть праведный гнев на иноземцев. И такая ненависть только укрепит его последние, величайшие и самые дерзкие планы относительно внешней политики, какие только предпринимались.

Султан восседал на троне и взирал на человека, который покорно стоял перед ним на мраморной карте мира, покрывавшей весь пол просторного зала приемов. Человек этот, как ему и полагалось, стоял на море.

Этот человек однажды поклялся в верности его отцу Селиму и всем его наследникам. Некогда адмирал, а теперь, в мирное время, просто пожилой морской капитан. Что ж, его снова ждет адмиральское звание. Султан чувствовал себя великодушным – и наслаждался этим ощущением, сопутствующим власти. Старому морскому волку предстоит ещё одно сражение. Султан Мурад III собирался воспользоваться данной ему клятвой.

Отдавая распоряжения капитану, он думал, что угадал точный момент, ту *секунду* в их беседе, когда Тимурхан осознал, что никогда уже не вернется. Этот человек, который с детства бороздил воды Османской империи и других стран, теперь отправлялся в последнее плавание. Мурад наслаждался моментом. Это было частью общей картины. Золоченая комната, мраморная карта на полу, белые евнухи, глухие и немые (по его повелению им проткнули барабанные перепонки и вырвали языки), его одежда, окружавшие его дворцовые стены, гарем, полный женщин, послушных каждому его слову, – ничто не сравнится с властью,

позволяющей лишить жизни человека, требуя, чтобы он подчинился. И морской капитан подчинился.

Тимурхан бин Юнус Мурад был идеальным кандидатом для этого задания – никто не знал море так, как он, ветеран Лепанто, достаточно насмотревшийся зверства в этой великой морской битве, чтобы ненавидеть Венецию и дожа. И у него только один иждивенец – о котором султан жаждал позаботиться лично.

– Наш верный врач сыграл свою роль и отыскал ящик в одном из храмов за пределами города. Белые евнухи доставят груз на пристань сегодня в полночь. Вы поплывете на одном из венецианских кораблей, захваченных нами при Лепанто. Он называется “// *Cavaliere*”, – султан говорил это так, как будто сам был там.

На самом деле в сражении участвовал Тимурхан, благодаря которому и удалось захватить этот галеас. «Всадник» – это слово многое значило для него, как и для султана, который, зная все подробности истории своей матери, считал это название забавным. Ему нравились совпадения и случайности – так он чувствовал, что с ним Бог.

– Ты доставишь корабль в Венецию и подождешь, – сказал султан Тимархану.

Он поднялся с трона и бесшумно прошелся по карте, проложив курс корабля своими золотыми туфлями. Дойдя до мраморного изображения Венеции, он намеренно прошелся по всему городу. Ему было приятно топтать это место.

– Когда доплывете до устья лагуны, – султан встал на это самое место, – дождитесь шторма. Под покровом бури, да ещё и на венецианском корабле, вы сможете проскользнуть мимо острова, который сейчас на карантине. – Он указал на небольшой участок земли на карте, подписанный “*Vigna Murada*”. – Здесь тебя будут

держат сорок дней, если поймут, – и тогда все погибло. Моряков помещают в дома призрения, а груз моют и обрабатывают дымом, чтобы уничтожить заразу. Мне не нужно напоминать тебе, что если это произойдет, нашему предприятию придет конец. Доставь груз в пролив Святого Марка, прямо перед дворцом дожа. Именно здесь, – он показал носком туфли, – ты его выпустишь.

Султан выдержал паузу, чтобы убедиться, что возражений не будет. Морской капитан послушно следовал за ним, как дворняжка.

– Затем ты отправишься к острову Джудекка. Там ты найдешь убежище – это место называется «Санта-Кроче», – султан, уверенный, что Тимурхан не поймет, что означает это священное название, на всякий случай произнес его как можно быстрее и невнятнее. – Здесь тебя ждут помощь, кров и пища. Затем ты сможешь благополучно вернуться в Турцию.

Ложь далась ему легко.

Рассматривая карту, морской капитан хранил молчание. Султан привык к молчанию подданных в своем присутствии, но на этот раз тишина затянулась и стала его раздражать. Вдруг ему показалось, что этот человек, который столько раз беседовал с его отцом, а его видит впервые, напуган и подавлен его властью и величием. Ему было приятно. Его мать – да сгниет она в земле! – всегда говорила, что он отличается от своего отца, как день от ночи. *Конечно же*, этот человек боится его. Он – не такой, как его отец Селим, человек слабый, милосердный, тряпка и пьянчужка.

– Ты можешь говорить, – великодушно разрешил он морскому капитану.

На самом деле Тимурхан бин Юнус Мурад вовсе не боялся султана. Он считал его злобным щенком, не достойным лизать сапоги своего покойного отца. Он

молчал, потому что пытался смириться с этим последним ударом, который судьба обрушила на него.

Тимурхан привык к потерям. Он встретил женщину, которую любил и которая любила его, и потерял её из-за отца нынешнего султана. Он посвятил себя мореплаванию, возвысился после битвы при Лепанто и потерял свой флот. Единственное, что он сумел удержать в своей жизни, – это Фейра, и вот теперь ему предстояло лишиться и её. Какая ирония судьбы! Когда родилась его дочь, он поклялся в верности Селиму и его наследникам в обмен на то, что ему позволят забрать её к себе и воспитать в этом городе. Эта клятва и привела его сюда, в этот зал, чтобы ввязаться в то, что навсегда разлучит его с Фейрой. Наконец, он заговорил, задав один-единственный вопрос, который мучил его.

– О свет очей моих и радость сердца моего, что будет с Фейрой?

– А, с твоей умненькой дочкой. Да, очень умненькой, – произнес султан, вспоминая, что говорил о ней кизляр-ага. – Она знает больше, чем следует.

Тимурхан поднял руку, словно отражая удар.

– Повелитель, я знаю, она слишком усердна в учении, но если бы вы, по вашей доброте, позволили ей остаться здесь и служить вашей матери...

Султан перебил его.

– Моя мать выбрала, на чьей она стороне в этой войне, так что твоя дочь ей больше не понадобится.

– Но...

– Успокойся. Я не возражаю против врачебных познаний твоей дочери, которые могу только одобрять. Право, ученая жена – ценное приобретение. Но она также красива, хотя, как я заметил, всеми силами скрывает это.

– Что вы хотите сказать? – в ужасе спросил Тимурхан.

– Я хочу сказать, что в знак признательности за твое служение моей империи я лично позабочусь о ней. Я решил оказать Фейре великую честь и взять её в жены в гарем в качестве моей кадины.

Ловушка захлопнулась. Как мог Тимурхан открыть султану, что Фейра его сводная сестра, а он сам, смиренный морской капитан, когда-то делил ложе с его матерью? Его казнили бы на месте, и Фейру ждала бы не лучшая участь. Должен ли он поклониться и принять оказанную честь, отправиться в смертоносное плавание и смириться с тем, что Фейра будет цела и невредима, но ей придется каждый день терпеть домогательства брата?

Выбора не было. Он поклонился.

Султан смотрел, как он идет к двери, и улыбался. Тимурхан недооценил его, как и многие другие. Фейра была не единственной, кто знал то, чего ему знать не полагалось.

Ему было известно, что Фейра его сестра, но это султана не беспокоило.

* * *

Тимурхан шел по дворам Топкапы, понимая, что не вернется сюда никогда. Проходя мимо гарема, он задумался, как часто делал, там ли *она*. Для его глаз дверь была закрыта – всегда, и её охраняли черные евнухи.

Но не сегодня.

Наружные двери оказались распахнуты и внутренние тоже. Скрепя сердце, словно один только взгляд мужчины считался вторжением в этом месте, он заглянул в двери через небольшой дворик, за которым были настежь открыты другие двери. За этими вторыми дверями на подушках возлежала женщина. Она была

недвижна, кожа её потускнела, и казалось, что она умерла. Но когда он взглянул на неё, она открыла глаза – глаза цвета моря.

Внезапно он вернулся на двадцать один год назад, в тот день, когда эти глаза околдовали его на маскараде на Паросе. Эти глаза приковали его к себе, заставив похитить ту, которой принадлежали, галопом домчаться до его корабля и увезти её в Константинополь. Теперь он снова видел эти глаза, в последний раз. Осознав, что это конец, а не начало, он отвернулся.

Глава 5

Сейра никак не могла вспомнить, что они ели на ужин тем вечером.

Она приготовила ужин и зажгла медные лампы, когда зашло солнце. Пробуя еду, она не чувствовала вкуса.

Снова и снова Фейра обдумывала пути, открытые для неё. Она могла рассказать обо всем отцу и не сдержатъ слова, данного умирающей матери. Или могла сохранить тайну и ничего не говорить. Так ничего и не решив, она заняла свое место за столом – напротив отца. Единственное, в чем она была уверена, – она не уедет из Константинополя. Если её мать скончалась, а отец собирается покинуть её, этот город – единственное, что у неё остается.

Фейра внимательно смотрела на Тимурхана. Он казался рассеянным. Она взглянула на его лицо, загорелое и обветренное за четыре десятка лет, проведенных в море, – бороду, смазанную маслом на заостренном кончике и уже испещренную седыми волосками, янтарные глаза – точь-в-точь такие, как у

неё. Он сидел на своем привычном месте, во главе отполированного стола, перед решетчатым окном, которое бросало на него узорчатые отблески. Он молчал и тоже мало ел.

Фейра уважала отца, была послушна ему, как подобает всем примерным дочерям; она любила его и, что намного важнее, хорошо относилась к нему. Но все же она немного побаивалась его.

Он был строгого нрава. Ревностно оберегая её непорочность, он одобрял то, как тщательно она скрывала себя от мира. Он бил её, когда она перечила ему, и она не осуждала его за это – какой отец не бьет своих дочерей? – и целовал, когда был доволен ею. Но в последнее время, совсем недавно, что-то изменилось. Иногда, говоря о чем-то за ужином или рассказывая о своей работе, она замечала в нем перемену – столь же неуловимую, как изменение прилива, когда вода начинает двигаться в обратном направлении. Фейра стала замечать, что у него увлажняются глаза и, более того, в них мелькает страх.

Причиной этой обретенной ею власти над отцом стали её знания. Несколько раз он спрашивал её мнение по медицинским вопросам, а иногда уступал ей – даже в присутствии своей команды. В тот последний вечер, во время трапезы, он неохотно расспрашивал её о том, как лечить зараженного человека, как сдержать распространение серьёзного заболевания, если больной находится среди других людей. Она видела, что ему от всего этого не по себе, будто что-то утрачено навсегда.

Фейра решила рассказать отцу что-нибудь, что не нарушит слова, данного её матери, но поможет ей решить, что делать.

– Моя госпожа скончалась, – слова сорвались с губ Фейры и загремели в тишине, как мраморные кости на столе.

Глаза у отца сверкнули.

– Мне жаль, – тихо произнес он.

Фейра поняла, что ему уже все известно. Более того, ему действительно её жаль, он тоскует по ней и все ещё любит. Этого оказалось достаточно. Фейра с грохотом уронила свою тарелку и бросилась перед ним на колени:

– Отец, что мне делать? Она бредила перед концом и она наговорила столько странного – мне вернуться туда завтра?

Он погладил её щеку.

– Фейра, завтра я отправляюсь в путь. А ты вернешься в гарем, но уже как кадина султана, – ответил он, не смея смотреть ей в глаза.

Кровь бросилась ей в голову. Буря чувств охватила её, но сильнее всего был гнев. Все её ежедневные старания скрыть свою красоту оказались тщетны.

Султан разглядел её и сквозь вуаль.

Повторить путь своей матери было бы ужасно, но судьба Фейры оказалась намного хуже: её отдадут в жены собственному брату – какое надругательство над природой! Она сжала руку, которая гладила её щеку.

– Нет, отец, – произнесла она твердо, а затем взмолилась, – ведь ты не позволишь этому случиться, правда?

Он почувствовал, как спало напряжение, и спокойно посмотрел ей в глаза – наконец он нашел ответ. Он поклялся в верности султану в обмен на драгоценнейшую из дочерей. Если он лишится Фейры, что толку будет в его клятве или в его жизни? Он не отправится в эту безумную поездку. Он заберет Фейру, заберет корабль без груза и уплывет – туда, где султан не сможет до него добраться.

Может, они отправятся на Парос – в то место, которое навсегда останется раем для него. Он все ещё помнил запах лимонных деревьев, мимо которых мчался в ту теплую ночь, догоняя прекрасную Сесилию Баффо по дороге к морю. Его будоражило, что она неслась

быстрее него. Он вспомнил, как она обернулась и рассмеялась – одновременно испуганная и отважная и обезумевшая от любви.

Он взглянул на лицо, которое держал в своих руках, – несравненное лицо, которое ему редко доводилось видеть открытым. На руке, которая сжимала его руку, он узнал кольцо Сесилии. Ему хотелось о многом расспросить её, а ей – о многом рассказать своему отцу, но времени не было.

– Я не позволю тебе возвращаться туда. Собирайся. Мы отправляемся сейчас же, до захода солнца.

Фейра встала, схватила накидку и застегнула медицинский пояс. На это ушло не больше минуты.

– Готова, – сказала она. – Сегодня не придется закрывать лицо и заниматься всей этой бесполезной маскировкой. – Она взглянула на отца, и они улыбнулись друг другу.

Тимурхан открыл дверь и их улыбки погасли.

Снаружи, загораживая тускнеющие отсветы своим могучим телом, стоял кизляр-ага.

– Капитан Юнус Мурад, – сказал он своим неестественно высоким голосом, – я должен сопроводить вас на корабль, где вас ожидает команда. Госпожа..., – повернулся он к Фейре, – вы пока отдыхайте. Я оставлю стражников у двери, а на рассвете они отведут вас в гарем.

Фейре ничего не оставалось, как попрощаться с отцом, прижавшись щекой к его щеке так сильно, что их слезы смешались, и махать и махать ему рукой, пока он и кизляр-ага не исчезли за углом. Она держалась, пока отец не скрылся из виду, а затем рухнула к ногам стражников – на улице перед дверью своего дома.

На улице, где она когда-то вертела крышку.

Глава 6

Фейра лежала в темноте, теребя хрустальное кольцо. Её больше не терзали сомнения; она точно знала, что делать, и просто ждала своего часа. Она ждала – и крутила кольцо на пальце, словно считая секунды до того мгновенья, когда можно будет действовать.

Кольцо попало к ней не больше четырех часов назад, но уже стало частью её самой. Она поворачивала хрустальный круг на четверть оборота, чтобы каждый раз наверху оказывался следующий конь – вороной, белый, рыжий, бледный. А вдруг и её мать тоже имела привычку так вертеть кольцо?

Ее мать.

Нурбану была матерью для Фейры во всем, кроме имени. Да, она будет горевать по ней, когда пройдет потрясение, но ей не нужно было по-новому оценивать их отношения. Были взаимная любовь и уважение, объятия, ободрения, множество часов, проведенных вместе; больше, чем могла ожидать любая другая дочь. Фейра не мучила себя невысказанными признаниями.

Все самое важное прозвучало в те последние страшные часы, как и то, что хранилось в тайне двадцать лет до этого. Единственное, о чем сожалела Фейра, – это о том, что мама не успела подробнее рассказать ей об этих всадниках. О вороном коне, который её отец должен был доставить в Венецию, и о том, что ей самой предстояло сделать.

Наконец, на улице всё стихло. Пора.

Фейра встала, тихо, как кошка. Ей не пришлось одеваться, потому что она так и не разделась, но она решила всё же полностью укрыть лицо вуалью под шапкой. На этот раз она скрывала не свою красоту, а свое имя.

Бесшумно открыла она оконные створки и ажурные ставни, возле которых стояла ещё утром. Кизляр-ага не догадался поставить стражу за домом. Она тихо соскочила на крышу сарая, где соседи держали своих коз. Жалкие создания заблеяли. На неё пахнуло их вонью. Боязливо ахнув, Фейра спустилась на темную улицу. Скользнув за угол, она увидела, что на улице ни души, и со всех ног бросилась к пристани. Там, оглушенная биением собственного сердца, она увидела в лунном свете нагромождение сотен остовов деревянных кораблей, мачты которых, словно вражеские копья, преграждали ей путь. Как она найдет судно, на котором плывет отец? В каждое плавание он отправлялся на новом корабле. А вдруг он уже уплыл?

В отчаянии она бродила по гавани, читая безумные, помпезные названия, которые люди давали кораблям, – глупое бахвальство победой в битвах. Может, ей тайком пробраться на одну из лодок – на любую лодку и рискнуть уплыть с той командой, с которой сведет её судьба, или вернуться домой, а утром отправиться в гарем? Фейра знала, какими могут быть мужчины. Она понимала, что её ждет – единственную женщину на борту незнакомого корабля без защиты отца. Но разве

это хуже того, что ожидает её в гареме? Она станет игрушкой одного мужчины, а не двадцати, но этот мужчина – её брат и вдобавок чудовище. Выбора не было.

Но только она собралась повернуть назад в последний раз, как заметила название, написанное желтой краской на корабле: *“Il Cavaliere”*. Этот отличался от остальных прямыми бревенчатыми боками и украшенным носом и был похож на иностранный. Нурбану не забыла научить её буквам – это слово по-венециански означало просто «всадник».

Фейра спряталась за горой бочек и присмотрелась. Трап был опущен. При свете целого ряда факелов, закрепленных на портовой стене, два матроса из команды её отца грузили на корабль разные устройства и припасы, которые забирали со склада на причале. Она подумала, не попросить ли их проводить её к капитану, но, зная, что там будет кизляр-ага, решила этого не делать, и стала внимательно наблюдать за матросами, которые ходили туда-обратно, туда-обратно. Корабли с детства были для неё местом для игр, и в свое время она исследовала не один трюм, зачарованная бочками и ящиками с грузом, которые там находила. Обычно в трюм попадают через проем на палубе, но такого, как на этом венецианском купеческом корабле, она ещё никогда не видела: двери в трюм открывались наружу, чтобы груз можно было таскать прямо с пристани – через двойные двери, которые герметично запирались высоко над ватерлинией. Трап вел прямо к темному проходу.

В гареме, когда Фейра лечила наложниц, она любила повторять, что самое лучшее решение зачастую оказывается самым простым. Так и было. Выждав удобный момент, она проскользнула, как тень, по трапу вверх – и прямо в темное чрево корабля.

Она опустилась на пол в просторном темном помещении, примостившись за тюками с зерном, и приготовилась ждать. На неё накидали ещё несколько тюков, ей стало жарко и тяжело. Её медицинский пояс – старый друг, давно уже превратившийся в часть её тела, больно давил на талию и ребра. Она подумала, что будет, если одна из бутылочек разобьется, поранив её осколками, а ещё хуже – если её содержимое попадет в кровь: эти лекарства при превышении дозы становились смертельными.

В довершение всего лицо ей сдавливала грубая парусина. Она испугалась, что может просто задохнуться. Пока не было матросов, Фейра проделала себе отверстие для воздуха и устроилась поудобнее. В отблесках простой лампы, висевшей на подпорках, она разглядела, что весь груз с продовольствием складывали только с одной стороны трюма, поэтому её и зажали тюками. В носовой части трюма было место, огороженное муслиновой занавеской и отделенное от продовольственных запасов несколькими футами пустого пространства нетёсаных половых досок.

Наконец, Фейра сумела высвободиться от ужасающей тяжести, которая придавила её, и оглядеться. В полумраке трюма она стала осматривать тюки и бочки в поисках опознавательных знаков и смертоносного груза, который должен был везти её отец, – что-то связанное с конем, что-то черное. Было ещё кое-что странное: вместо привычной на корабле провизии – пеммикана и галет – в тюках были прекрасные твердые сыры, свежее мясо и белая мука высшего качества. Она протянула руку к кормовой части, протискиваясь через тюки, и почувствовала, как под её пальцами зашуршало зерно.

Когда матросы заходили в трюм, она старалась не издавать ни звука, даже не дышать. Но все же один из грузчиков насторожился: он опустил бочку и

выпрямился, подняв предупредительно руку с неуклюжими пальцами, чтобы его товарищ прислушался.

– Что случилось? – спросил тот, опуская свою бочку.

– Я слышал шум, – шепнул первый, с хорошим слухом, – оттуда.

Он показал на бочки, за которыми сидела Фейра. Сердце у неё готово было вырваться из груди. Пот с кончиков пальцев стекал прямо на зерно.

– Должно быть, крыса, – сказал второй. – Тебе всегда что-то мерещится.

– Крыса? Оторвать бы тебе никчемные твои уши. Разве ты не слышал приказ капитана? Никаких животных на борту – тут даже корабельного кота нет. Так что придется самим её найти.

– Почему никаких животных?

– Я не знаю. Это как-то связано с грузом.

– Ладно. Давай поищем, если надо, но нас ещё ждет главный груз.

Они подошли так близко, что Фейра почувствовала резкий козлиный запах – один из матросов, по-видимому, прежде работал пастухом. Второй, который видел намного лучше, чем слышал, посмотрел прямо на Фейру и воскликнул: «Нашел! А ну-ка иди сюда, негодница!».

Фейра отпрянула, но вдруг матрос поднял с пола огромную крысу, черную, скользкую, лоснящуюся, как масло, и визжащую от страха. Он свернул ей шею, и снова наступила тишина. Матрос перекинул длинное тельце через плечо, словно мешок, и понес его наружу, в ночь, сопровождаемый своим остроухим товарищем.

Фейра вздохнула с облегчением, сердце её колотилось.

Внезапный удар, суматоха и проклятия заставили её насторожиться: матросам предстояло загрузить ещё что-то. Что-то тяжелое. Она видела, как четверо мужчин

несли свою ношу на плечах – так несут гроб на похоронах.

Саркофаг.

Все носильщики были закрыты покрывалами. Могло показаться, что это знак уважения к тому, кого они несли, если бы не их поведение и речь. Носильщики раскачивали и ударяли ящик, жалуясь на его тяжесть и изрыгая проклятия так, что Фейра убедилась: они не могли нести тело. Саркофаг, украшенный цветными узорами, был, кажется, из серебра или свинца – из какого-то металла, который светился слабым серым светом. Носильщики, ворча, кряхтя и бранясь, отнесли его за муслиновые занавески и с грохотом опустили на дощатый пол, а затем поспешно ушли, забрав с собой факел. Воцарилась тишина – тяжелая, как свинец. Фейра видела белые отблески задернутой занавески.

Все было так же, но что-то изменилось.

Фейра почувствовала почти что осязаемую угрозу, исходящую от ящика за занавеской, – нечто более ужасное и тревожное, чем все, что она видела в тот день. Она посмотрела на занавеску цвета смерти и пустое пространство неструганных досок между нею и занавеской и вслушалась в тишину. Её пронзил – резко и внезапно, писклявый, легко узнаваемый голос кизляр-агы, который спускался по трапу.

Потом последовал сильный толчок, и раздался крик, длинный канат с плеском упал в воду, запахло горелым тросом – корабль снялся с якоря. Судно накренилось, покачиваясь на волнах. Всё. Обратного пути не было.

Они вышли в море.

Глава 7

Первые несколько часов пути Фейра старалась сидеть как можно тише.

Это было нетрудно: корабль раскачивался так, что она боялась пошевелиться. Она ещё никогда никуда не ездила, никогда не выходила в море – только на прогулки на золоченом баркасе Нурбану, никогда не покидала золотистые воды Босфора. Все было так непривычно – этот ритм, эти вздымавшиеся и опрокидывающиеся волны.

Каждый раз, когда корабль скользил вниз, она чувствовала себя невесомой, а когда он поднимался на гребень волны – её прижимало к тюкам с такой силой, что медицинский пояс, врезаясь в тело, причинял ей нестерпимую боль. Её лихорадило; качка казалась невыносимой, а предчувствие каждого нового подъема и падения вызывало панический страх. Когда судно замирало на верхушке гребня, прежде чем ринуться вниз, её тошнило. Только теперь Фейра поняла состояние отца, когда он возвращался из долгого плавания. Не удивительно, что несколько дней он

чувствовал себя больным: лицо его было зелёным, руки тряслись, и он не мог пройти по комнате, не раскачиваясь и не спотыкаясь.

Фейра была человеком практичным. Отец не раз говорил ей: «Достаточно одного дня и одной ночи на корабле, чтобы ноги привыкли к качке. И столько же на берегу, чтобы избавиться от этой привычки». Она постаралась дышать ровнее и вскоре сумела расположиться поудобнее, чтобы подстроиться под ритм корабля. Она вспомнила, как впервые села на лошадь. Женщина-конюх самой Нурбану учила её подниматься и опускаться в такт, чтобы сохранять равновесие и сделать езду плавной. То же самое было здесь, в этом чуждом для неё месте.

Вскоре она смогла сесть и отодвинуть тяжелые тюки от своего лица, а затем бесшумно принялась устраивать себе удобное гнездышко среди ящиков и мешков. Под ней лежал парусиновый матрас; с одной стороны располагалась корма судна – неструганный изгиб, обшитый внакрой деревянными досками, с другой – ряд бочек. Между бочками оставалась щель, через которую можно было видеть весь трюм и занавеску вдалеке, оставаясь при этом невидимой для чужих глаз. Фейра прикинула количество провизии в трюме и поняла, что её не обнаружат ещё несколько дней, а может, и недель; между её укрытием и проходом на палубу было множество тюков, коробок и бочек. Матросы возьмут сначала их.

Фейра понимала, что крайне важно – скрывать свое присутствие, пока они благополучно не минуют особую отметку на пути. Она видела, как отец наносил эту отметку на карты и чертежи, которые хранил в сундуке у них дома. Еще девочкой она наблюдала, как отец разворачивает огромные пергаменты у них на столе, достает серебряный циркуль и отмечает маршрут. Фейре нравилось смотреть, как циркуль вращается в

руках отца, шагая по морям, как серебряный человечек со стержнями вместо ног. В определенный момент человечек останавливался, подняв одну ногу в воздух и балансируя, как танцор. Тимурхан с силой надавливал одним концом циркуля на пергамент и ставил на этом месте аккуратный крест. «Здесь, – говорил он, – точка невозврата».

Точка невозврата, как она понимала, – это рубеж, преодолев который, вернуться обратно было невозможно, и приходилось плыть только вперед. Это был один из важнейших ориентиров в мореплавании: если запасов недостаточно или началось сражение, или за судном гонятся пираты, важно знать, может ли корабль повернуть обратно или лучше продолжить путь. Если Фейра сможет сохранить свое присутствие в тайне хотя бы полпути до Венеции, им не удастся уже повернуть корабль обратно. Так или иначе, она останется на борту и разделит судьбу своего отца – какой бы она ни была.

Кровавые отблески заката просачивались сквозь щели в обшивке судна. Фейра прижалась щекой к самой большой трещине, и ветер с солеными брызгами обожгли ей глаза. Но она ничего не увидела, кроме вздымающейся серовато-коричневой массы. Вода была уже не темно-синей, как ляпис или сапфир, а серой, словно бугристая спина морского чудовища, глубокая и опасная. Здесь даже море изменилось. Все, что она когда-то знала, осталось позади. Фейре вдруг нестерпимо захотелось обнять отца.

Слёзы смешались с брызгами воды, она смахнула их, прикрыв отяжелевшие от усталости веки. Вспомнив, что она врач, Фейра прописала себе отдых. Она не спала всё это время, казалось, что это было в другой жизни – когда она так тщательно по утрам одевалась перед зеркалом. Прежде чем провалиться в сон, она подумала, что утром могла бы добраться до другого конца

раскачивающегося трюма и заглянуть за белую занавеску.

И увидеть, какое зло притаилось за ней.

* * *

Фейра проснулась от мучившей её жажды, но не сразу смогла поднять голову, которая гудела, как барабан. Она с трудом села и сразу вспомнила, как тяжело ей было подняться вчера вечером. Тогда ей было плохо из-за качки. Сегодня что-то другое творилось с её телом.

Кожа горела, перед глазами все расплывалось, голова раскалывалась. Ей отчаянно хотелось пить. Она вспомнила, что видела капли дождевой воды, полумесяцем лежавшей на одной из бочек. Титаническим усилием воли она подняла правую руку и, цепляясь за мешки, поднесла её к крышке стоявшей неподалеку бочки и окунула в благословенную воду. Поднеся пальцы к губам, она слизнула несколько драгоценных капель.

Опуская руку, она заметила, что кончики пальцев почернели. В осколках золотистого утреннего света, падающих из щелей в обшивке судна, она увидела, что они потемнели, словно испачкались в чернилах. Наверное, в бочке была смола. Фейра снова облизнула кончики пальцев, но цвет не изменился.

Сами пальцы почернели, как деготь.

Фейра была знакома с симптомами гангрены, но у неё не было никаких ран или повреждений, которые могли бы вызвать заражение. Не в силах больше держать руку на весу, она опустила её – и тотчас почувствовала жгучую боль в подмышке. Другой рукой она стала ощупывать себя и обнаружила крупную опухоль, круглую и набухшую, размером с инжир.

Её воспаленная, горячая кожа поledenела от ужаса. В отчаянии она принялась исследовать шишку, и каждое прикосновение пронзало её, словно кинжалом. Может, у неё опухоль – такая же, какая бывает у наложниц в груди? Нет – за одну ночь рак не появится, к тому же такие опухоли не причиняют боль.

Тогда что? Фейра знала, что подмышки, паховая область и горло разбухают во время болезни, потому что именно там скапливается инфекция, как дождевая вода, но ничего такого она никогда не видела. Она почувствовала внезапную слабость от потрясения, её снова лихорадило, пот стекал в тюки под ней. И тут сознание её помутилось.

В течение следующих нескольких дней в моменты просветления она смутно осознавала, что люди приходили и уходили. Каждую ночь в трюм приносили лампу и вешали её на подпорку, чтобы старший матрос видел запасы, и каждое утро лампу уносили. Но скоро Фейра перестала замечать эти перемены и потеряла счет дням.

Время от времени она слышала свои собственные крики, бормотание, а иногда даже пение. Сначала она осознавала, что нужно лежать тихо, когда открывается люк, ведущий в трюм, и сильно стискивала ноющие челюсти. Но потом даже эти проблески сознания оставили её, и ей было безразлично, она желала только одного – чтобы её нашли, чтобы ей помогли, вылечили и отнесли к отцу – только бы не умереть и не гнить здесь, пока выйдет всё и её, наконец, обнаружат.

Слёзы жалости к самой себе увлажнили ей глаза, и вскоре, после долгих одиноких дней, когда её бросало то в жар, то в холод, она стала жаждать смерти. Она уже не помнила, каково быть здоровой; здоровье казалось другим миром, в который она уже никогда не попадет. Ей было слишком тяжело даже мечтать о выздоровлении. Легче было умереть. Она, наконец,

достигла точки невозврата. Она закрыла глаза, надеясь, что в последний раз, и отдалась на волю судьбы...

Фейра оказалась в гигантской, просторной комнате, украшенной мозаикой молочно-белых плиток, гладких, как яичная скорлупа. Посреди комнаты стоял гроб – прозрачный, как стекло. Она подошла к нему и опустилась на колени; склонившись над гробом, она увидела старого султана Селима, на ледяном ложе, мертвого, с остекленевшими глазами и бледно-голубой кожей. Она положила руки на лёд, и они сразу стали влажными и холодными. Она замёрзла. Надо согреть руки. Фейра поднялась и направилась к подоконнику; там лежала золотая шкатулка, подмигивая ей в солнечных лучах. Она взяла шкатулку и вдруг оказалась на улице.

Палящее солнце нагревало шкатулку в её руках так, что ей было больно нести её. Но она поднялась на холм Анатолийского берега к Ускюдару, где над городом строилась огромная мечеть. Она услышала свой голос, звавший *архитектора*; потому что ей велели передать шкатулку только в руки самого Мимара Синана.

Её было крайне важно найти архитектора. Она спрашивала у каждого каменщика, работавшего с острыми глыбами белого камня, разглядывала каждого мужчину, тянула за одежду, смотрела в каждое бородатое лицо. Она была в отчаянии. Надо было избавиться от шкатулки, золото жгло ей руки. Она вся горела. *Где же архитектор?*

Наконец, она подошла к двери с циркулем, выточенном на наличнике; циркуль был не серебряный, как у отца, а золотой и изогнутый – циркуль каменотеса. Дверь отворилась, и она увидела его – бородатого старика с добрыми глазами. «Это вас называют Субботой?» – спросила она. Он кивнул, и она с облегчением вложила шкатулку в его мозолистые руки, запорошенные каменной пылью. Он поклонился ей.

«Передай Валиде-султан, что её мечеть будет украшена великолепным куполом», – сказал он. Потом Фейра побежала вдоль полуострова, через базар и Белтан – бежала, бежала обратно к Топкапы. Она пересекла внутренние дворы и добежала до покоев Валиде-султан. Отдернув белые занавески на ложе, она нашла вместо своей госпожи труп – раздутый, с остекленевшим взглядом, гниющий прямо на покрывале. Фейра протянула руку, чтобы закрыть глаза цвета моря. Не успела она закрыть глаза своей матери во сне, как внезапно проснулась.

Фейра облизнула высохшие губы и попыталась сесть. Она была все ещё слабой и мокрой от пота, но знала, что зараза оставила её. Она поднесла руку к глазам – пальцы обрели свой естественный цвет. Верно, была ночь, щели в обшивке были темными, а лампа висела на своем месте – поскрипывая на подпорке, раскачиваясь дугой вместе с кораблем и отбрасывая безумные тени.

Её вуаль и шапка исчезли – потерялись, пока она ворочалась и потела на своей «постели». Медицинский пояс был в целости и сохранности, но висел расстегнутый на её измученном теле. Фейра зажмурила глаза и повернула голову, которая всё ещё болела, – волосы превратились в толстую солёную веревку, сползающую между лопаток. Она попыталась обернуться назад. Вмятина от её тела осталась на мешках, потемневших от пота там, где она лежала. Мерзкое черное пятно появилось на том месте, где лопнул бубон у неё подмышкой, и темный гной вытек прямо на парусину; её платье под левой рукой тоже оказалось в пятнах. Она не успела подумать, что это значит, потому что в это мгновение её внимание привлек голос.

Верно, горячка ещё не оставила её.

Голос снова позвал, хриплый, как воронье карканье.

Холодок пробежал по коже, потому что, когда голос позвал в третий раз, она разобрала произнесённое слово – слово, означавшее, что её обнаружили. Фейра притаилась в ожидании того, что сейчас мешки и бочки полетят в сторону, и её увидят. Но снова послышалось хриплое карканье, повторявшее одно слово.

Фейра оперлась на тюки руками – ослабевшие, они висели, словно два шнурка, и с неимоверным трудом высвободилась из своего заточения. Теперь она видела весь трюм и отметила с удивлением, что люк, ведущий на палубу, закрыт, и она по-прежнему одна. Девушка постояла, шатаясь, как дитя, которое только учится ходить, и пошла вперёд, преодолевая слабость в ногах и раскачивание судна. Она шла медленно, словно по песку, ставя одну ногу перед другой, как циркуль, отмеряя пространство между собой и занавеской.

Полпути; ещё ближе.

Она дошла до белой ткани и с ужасом отдернула её. В этот момент корабль бесшумно проскользнул мимо тёмного архипелага тысячи островов – Пелопонесских, откуда морской капитан однажды увёз венецианскую принцессу.

Точка невозврата.

Фейра взглянула на ящик и поняла, что была права, – голос шел изнутри саркофага. Почувствовав внезапную слабость, она не удержалась на ногах, опустившись на колени перед саркофагом, как когда-то перед султаном, лежащим в ледяном гробу.

– Девушка? – произнес голос.

– Да...

Глава 8

Фейра заговорила вновь, губы её ссохлись, словно гнилая деревяшка.

– Кто ты? – спросила она.

– Я Смерть.

Она замерла, подумав, что лихорадка всё же погубила её, и она оказалась в ином мире.

– Чего ты хочешь от меня?

– Твою душу.

Онемев от страха, Фейра уставилась на говорящий саркофаг, стараясь осмыслить происходящее. Теперь, подойдя совсем близко, она вспомнила, что уже видела такой. Это был сплав олова со свинцом, как ей показалось, с изумительной резьбой, украшенной разноцветной эмалью. Переплетающийся узор в османском стиле, увитый позолоченной декоративной каллиграфией в стиле дивани. Она видела точно такой же гроб во время торжественного погребения султана Селима в Софии, прямо под величественным куполом,

где оплакивающие подданные выстроились для прощания с ним.

Здесь, в этом сыром трюме, он выглядел по-другому. Из богато украшенного гроба исходил мерзкий запах человеческих испражнений, с серебряных креплений саркофага свисали веточки мирта – травы, способной поглощать вредные миазмы. В Софии лицо покойного султана четко просматривалось сквозь хрусталь гроба, здесь же стекло заменял кусок непрозрачного муслина – достаточно широкого, чтобы свободно пропускать воздух. Муслин опускался и поднимался, слабо вибрируя, как кожа на барабане.

Что-то ещё дышало внутри. Существо, находящееся в гробу, несмотря на своё имя, было живым.

Из гроба донесся вздох, и муслиновая ткань надулась, как парус:

– Я не собирался пугать тебя. Мне просто нужен друг. Уже четыре дня, как я заперт здесь. Мне одиноко.

Голос был мужской, глубокий и хриплый, как у того, кто не расставался с трубкой, как и её отец. Ей стало уже не так страшно.

– Я слышал, как ты говорила и пела, – продолжал голос. Я подумал, что ты одна из сирен, о которых ходит столько слухов, ликующих при виде греческих берегов, ведь мы уже должны были достичь их.

Значит, Смерть разбирается в морских путях.

– Теперь я знаю, что ты смертная. Я слышал, что ты страдала, – как и я. Мне жаль тебя, но я всё же рад, что ты оказалась здесь.

Фейра протянула руку и невольно дотронулась до свинцового гроба в знак сострадания. Она думала, что металл холодный, но он оказался тёплым на ощупь, словно внутри бушевал огонь.

– Расскажи мне свою историю.

– Сначала я должен спросить тебя. Ты предана нашему возлюбленному султану Мураду?

У Фейры была тысяча ответов на этот вопрос. Он убийца. Он мой брат. Он хотел взять меня в жены. Вместо этого она произнесла заученные слова.

– Он свет очей моих и радость сердца моего, – ответила она осмотрительно.

– Но предана ли ты ему? Я не смогу рассказать тебе свою историю, пока не буду знать точно.

Смерть хочет заключить сделку. Фейра читала персидские сказки и знала, как это происходит – обмен тайнами в доказательство доверия. Пленённая принцесса должна торговаться с похитившим её демоном за свою свободу. Она видела украшенные разноцветными рисунками книги в библиотеке Топкапы; смуглолицая дева, закинув ногу на ногу в пышных шароварах, беседовала с каким-то чудовищным видением, высоко подняв руки и растопылив пальцы веером.

Хотя она ещё никогда не читала о том, чтобы девушка перехитрила Смерть, Фейра знала, что нужно делать. Она должна раскрыть ему тайну, прежде чем он раскроет свою. словно все это было частью видения, закинув ногу на ногу в традиционной позе османского сказочника, она начала свой рассказ.

«В двадцать первый день месяца зулькада 982 года судьбе было угодно, чтобы меня назначили кирой к матери нашего возлюбленного султана – Нурбану. Когда отец нашего возлюбленного султана скончался – да ходит он вечно в лучах рая – так получилось, что нынешний султан Мурад был далеко от дворца, в провинции Маниса, где он тогда правил. Моя госпожа Нурбану, зная, что его вероломные братья попытаются захватить трон, решила скрыть смерть мужа. Она поручила это мне, и я велела изготовить гроб из льда, той же формы, что и ящик, в котором ты лежишь, и так, в летний зной, мы смогли замедлить тление. В течение нескольких дней мы вывозили его на молитву в

паланкине, чтобы народ его видел, и даже на ипподром, где он должен был провести гонки на колесницах, восседая на своем золоченом троне. Так нам удалось сохранить в тайне его смерть. Двенадцать дней Селим находился в ледяном гробу, на двенадцать дней больше, чем Господь отвел ему, пока Мурад не вернулся в Константинополь. Когда Мурад встал во главе Оттоманской империи, Нурбану удостоилась титула Валиде-султан за её старания, а Селима переложили в серебряный саркофаг, который поставили в Софии, чтобы каждый мог увидеть и оплакать его. Так что, можно сказать, я удостоилась чести помочь нашему возлюбленному султану заполучить трон. Об этом я не рассказывала ни одной живой душе».

Фейра ждала, когда Смерть прервет наступившую тишину. Согласно древним сказаниям, либо деву отправят в преисподнюю, либо последует ещё один рассказ.

«В седьмой день сентября 983 года, – услышала она с облегчением голос из саркофага, – Господу было угодно, чтобы я заболел смертельной болезнью в горах, возвращаясь домой из долгого путешествия. Мне некому было помочь, кроме одного пастуха. Он положил меня на плетень и потащил в храм на вершине горы, где жили имамы, искусные в медицине. Они взглянули на меня всего один раз, а потом перенесли в отдельную комнату и оставили там умирать. Но когда горячка отступила, я, открыв глаза, увидел, что за мной ухаживает врач султана, сам Хаджи Муса. – При упоминании имени своего наставника Фейра вздрогнула. Кроме того, она уловила нотку удовольствия в голосе рассказчика, словно Смерть до сих пор гордилась этим. – Он пришел ко мне и спросил, согласен ли я исполнить крайне важное поручение султана. Он боялся, я видел это по его глазам. Сначала я подумал, что он боится султана,

но оказалось, он боялся меня. Того, что сидело во мне. Чумы».

Фейра похолодела. Она, конечно, слышала об ужасной эпидемии в Константинополе в 747 году, когда погибли тысячи. Болезнь, пролежавшая в спячке несколько веков, теперь вернулась.

– Черная смерть? – шепотом спросила она.

– Чума, Черная смерть – у неё много имен. Хотя её не было в городе уже много лет, я слышал о ней. Я сразу понял, что мне конец. Врач тоже знал это. Он обещал мне – золото для моей жены, высокое положение для моих сыновей, хорошего мужа для моей дочери. Казалось, он знал обо мне все. Он знал, что я сражался в Лепанто.

Фейра наклонилась ближе. Значит, Смерть знает море так же хорошо, как её отец.

– Он сказал мне, что если я соглашусь исполнить план султана, я смогу сам, в одиночку, побороть нашего старого врага. Он объяснил мне так: я мог либо умереть в этом унылом месте на вершине горы, оставив свою семью в бедности, которая так и не узнает о моей судьбе, либо стать героем – и моё имя запишут в свитки и будут воспевать в сказаниях, а моя семья будет жить в богатстве и довольстве. Выбора не было.

Фейра услышала глухой стук и шуршание, словно Смерть повернулась, чтобы улечься поудобнее.

– Ты не могла бы дать мне воды? – попросил голос. – В горле пересохло от этих рассказов. Там возле тебя должна быть кружка. Иногда матросы вспоминают напоить меня, а иногда нет.

Фейра посмотрела вниз и увидела серебряную лейку с тонким носиком в форме клюва – как те, из которых умывались девушки гарема. Она поднесла лейку к муслиновой загородке и полила тонкой струей, представляя себе чудовище, скрывавшееся внутри. Смерть, почувствовав облегчение, зачмокала.

– Меня отнесли на носилках вниз, в хранилище со льдом недалеко от залива. На это ушло немало времени, потому что они выбрали путь как можно дальше от городских стен. Врача я больше не видел, со мной остались только люди султана – в черных одеждах, в черных тюрбанах, с масками на лицах. Я так и не смог определить – солдаты они или священники, потому что о своём задании и о войне они говорили не меньше, чем о рае и жертве, которую собирались принести.

Это были янычары – личная пехота султана, фанатики, носившие черную одежду. Их забирали из христианских семей ещё мальчишками и обращали в истинную веру, и они были преданы своему новообретённому Богу намного больше тех, кто родился на лоне Пророка. Но Фейра промолчала, чтобы не перебивать Смерть.

– Эти воины Божьи поместили меня в гроб. Мне положили подстилку из шерсти для естественных нужд, сушеное мясо, и время от времени поили водой. Ящик большой, как ты видишь, и я могу двигаться и переворачиваться, но не скрою от тебя своего ужаса, когда надо мной опустилась крышка, которую стали прибивать гвоздями. словно похоронили заживо, и я никогда больше не выберусь из этой могилы; но мне сказали, что я должен буду покинуть её – ещё один раз, последний. Если я доживу, то восстану из гроба в конце нашего плавания, смешаюсь с толпой и передам людям свой «дар». В Венеции.

Он с трудом произнес название города, словно это причиняло ему боль.

Фейра мрачно слушала. Это ужасающее откровение подтверждало то, что пыталась сказать ей Нурбану. Султан, наверное, действительно чудовище, раз он задумал такой отвратительный план. Она почувствовала сильнейший приступ тошноты и желчь, подступившую к горлу, словно болезнь вновь вернулась, но она знала,

что её мучает отвращение к тому, что этот живой труп собирався сотворить с целым городом. Она попыталась скрыть осуждение в голосе.

– А если ты не доживешь?

– Воин сказал мне, что если я умру, моё тело сбросят в воду, – последовал ответ. – Более того, он сам должен будет лечь в мой саркофаг, завернуться в мой саван, дышать моими миазмами и принести заразу в город.

Всё стало проясняться, и Фейра содрогнулась.

– Так этот человек на борту корабля?

– Да. А если он умрет, его место займет другой воин султана. Каждый человек на этом судне поклялся принести заразу в Венецию. Все мы обречены, девочка; и ты тоже.

Страх Фейры уступил место любопытству.

– Но к чему столько бессмысленных жертв? Зачем везти человека?

– Добрый врач сказал мне, что во времена Юстиниана чуму завезли в Константинополь в тюках с шёлком из Пелузия. Султан мог поступить так же, но он не хотел рисковать; и доктор сказал ему, что самое надёжное – перенести чуму в теле жертвы. Так что, когда я назвал себя Смертью, я не солгал. Я не могу открыть тебе своего настоящего имени, потому что поклялся именем султана, света очей моих и радости сердца моего. Удастся план или нет, важно, чтобы источник заражения остался в тайне. Воин сказал мне, что если страны неверного Христа узнают, что произошло, наш народ будет обречен, и мы навлечем Крестовый поход на Константинополь, как в древние времена.

Теперь Фейра поняла, почему Хаджи Муса так был напуган во время их последнего разговора во дворе Фонтана омовений, что едва заметил смерть Нурбану. Теперь его предостережения обрели смысл. Врач, поклявшийся спасти жизни, не мог смириться со столь

низким, бесчеловечным планом уничтожения тысяч людей.

– Но как же люди – жители Венеции? – в ужасе спросила она, не в состоянии больше скрывать осуждение.

– А что люди? – услышала она в ответ. – Врач сказал правду. Я был в Лепанто. Венецианские псы стреляли по нашим кораблям. Я видел, как они горели, девочка. Все эти матросы. Настоящий ад на земле. Нет. Я рад тому, что собираюсь сделать. Я жажду этого. И ни о чем не жалею.

* * *

За следующие два дня Фейра окрепла и поверила, что произошло чудо – и она каким-то образом излечилась от страшнейшей болезни. Она не рассказала об этом Смерти, потому что боялась дать этому человеку надежду на подобное исцеление. За эти несколько дней и ночей они подружились, и когда старший матрос, спускавшийся в трюм, возвращался наверх, она раскрывала белую занавеску и беседовала со Смертью.

По молчаливому согласию они больше не упоминали о цели их путешествия и о той инфекции, которую они везут. Они говорили о доме, о местах и вещах, которые оба знали; о базаре, о ярмарке в Пера, о регате в Босфоре. Когда у него были силы, он рассказывал о своих путешествиях, и каждый раз она вспоминала отца. Фейра спросила его осторожно, не слышал ли он о легендарном вороном коне или о коне другой масти, но он ничего об этом не знал. Она даже спросила, не слышал ли он о человеке по имени Суббота, произнеся это слово и по-турецки, и по-венециански; но при звуке венецианского имени он попытался плюнуть, собрав

остатки слюны во рту, в знак презрения; муслин над его лицом потемнел, и она больше не возвращалась к этому.

Единственное, о чем она не могла говорить с ним – это о его семье. Фейра знала, что он всё равно умрет, и не могла слышать его рассказы о дочери, которая пела ему, пока пряла на кухне, или о сыне, который смешил его своими историями, пока они запрягали быка на пахоту, или о жене, которая расчесывала ему бороду и целовала его, провожая утром на молитву. Она просто старалась, по мере сил, облегчить ему последние дни, потому что даже представить себе не могла весь ужас его положения – запертый в этом пространстве и разъедаемый не только страшной болезнью, но и собственными испражнениями.

Теперь она поняла, почему тогда за ужином отец спрашивал её о правилах изоляции больного на борту корабля. Это она посоветовала ему повесить занавеску, она придумала муслиновую загородку, она рекомендовала небольшое, закрытое пространство, обвешанное миртом.

Это она поместила Смерть в этот ящик.

* * *

– Девочка?

– Да, Смерть?

– Ты когда-нибудь думаешь о Джанна? Интересно, какой он?

Фейра задумалась. Ей задавали этот вопрос и раньше, в гареме, – умирающие всегда обращались мыслями к тому, что их ждет впереди. Джанна, рай – это место, которое ему обещали, и она не удивлялась, что он хочет мысленно вознестись над своей ужасающей тюрьмой к тому великолепию, которое ожидает его.

Она не знала, что сказать. Можно было бы пообещать ему, что он станет жить на цветочных лугах, пить сладкий мед и носить одежды, украшенные драгоценными камнями. Но она верила в добро и зло, в Пророка и Бога, поэтому совесть не позволила ей дать Смерти надежду на получение награды за уничтожение целого города. Но ей не пришлось придумывать сладкую ложь или говорить неприятную правду – её прервал крик, раздавшийся сверху, над палубой, над парусами и даже над самой мачтой.

«Земля!»

Глава 9

- Смерть? - позвала Фейра.
- Да, девочка?
- Мы остановились?
- Да. Они сбросили якорь. Мы, должно быть, уже близко.
- Почему же мы остановились?
- Они ждут шторма. Солдат рассказал мне и об этом. Только тогда удастся подойти к городу, где мне предстоит сыграть заключительный акт.

* * *

Фейра со страхом ждала приближения шторма, потому что ей предстояло выполнить нечто ужасное. Это было бы тяжело для любого человека, но для неё – особенно невыносимо: не только потому, что человек в саркофаге стал ей другом, но и потому, что, будучи врачом, она поклялась исцелять – лечить, а не убивать. Ей отчаянно хотелось обнаружить своё присутствие и

найти отца, но она не могла этого допустить, ради его же блага, пока не выполнит то, что замыслила. В конце концов, её жизнь – всего лишь перышко на одной чаше весов, а на другой десятки тысяч спасённых.

Наступило утро. Раздался первый раскат грома, от которого дрожь пробежала по её ребрам и зубы застучали от страха. Сверкнула молния – такая яркая, что на мгновение осветила сквозь щели в обшивке весь трюм. Почти сразу же Фейра почувствовала толчок, и внизу загремели цепи – поднимали якорь. Гигантские железные зазубрины прошли по боку трюма, словно чудовищный зверь царапался, требуя, чтобы его выпустили, – и корабль пришел в движение.

Высоко над головой раздавались крики матросов, скрежет туго натянутых канатов и треск поднимающихся парусов. Корабль стал крениться и раскачиваться; казалось, словно какая-то сила потянула его вперед. *“Il Cavaliere”* снова шел на всех парусах.

В последние дни она отдалилась от Смерти. Во-первых, его состояние ухудшалось: он с трудом дышал, речь стала путанной. Во-вторых, когда Фейра приняла решение, ей стало невыносимо сидеть с ним, зная, что она собиралась сделать.

Пока корабль набирал скорость, она пересекла трюм, шатаясь и спотыкаясь из-за сильного волнения на море, и отдернула белую занавеску в последний раз. Кроме шума ветра и волн и скрежетания бревен и балок, ничего не было слышно. В саркофаге стояла зловещая тишина. Возможно, он уже умер. Фейра надеялась на это.

Ухватившись за тяжелый ящик, она принялась толкать его изо всех сил. Насмотря на то, что на уже оправилась после болезни и регулярно питалась, пользуясь корабельными запасами, ей всё же не удалось сдвинуть ящик даже на дюйм. В конце концов, она решила положиться на силы природы: когда корабль

кренился в одну сторону, она толкала ящик вниз, а когда он переваливался на другую сторону, она упиралась в свинцовый гроб плечом, чтобы тот не скатился обратно.

Наконец, она достигла цели, и ящик оказался прямо у двери, ведущей на трап. Затем Фейра обмотала себя веревкой вокруг талии, чтобы её не смыло за борт, отодвинула задвижки и распахнула двойные двери.

Они сразу же полетели обратно ей в лицо, больно ударив по рукам. Она снова толкнула их, но бороться с ветром было тяжело. С невероятными усилиями она начала открывать каждую дверь по отдельности, рассчитав так, чтобы ветер удерживал их, не давая им закрыться. В глаза ей слепил яркий свет, легкие наполнились воздухом. После сырой, безмолвной темницы свежесть внешнего мира потрясла её.

Гроза бушевала. Тяжелые канаты хлестали по иллюминаторам. Фейру обдавало ледяными брызгами. Внизу бесновалось море, которое словно кишело гигантскими змеями, грозя утянуть её в пучину. Свинцовые волны вздымались так высоко, что в какой-то момент заслоняли собой небо, а потом корабль оказывался как бы на вершине серебристой скалы.

Цепляясь за промокшие веревки, Фейра едва разглядела крошечный остров, освещенный факелами и обнесенный стенами. Когда корабль проходил мимо него, она услышала вопль. Фейра толкнула ящик, потом ещё немного – и вот он уже на треть свесился с корабля. Вдруг среди оглушительного воя грозы раздался крик – ещё более пронзительный.

Это был крик Смерти.

Он понял, что она задумала, и принялся барабанить по ящику и кричать. Ей показалась, что кто-то ответил на его крики сверху, но их голоса потонули в отчаянной мольбе Смерти.

«Нет, девочка, нет! Оставь меня! Это мой час. Моя семья, что станет с моей семьей? Умоляю тебя! Если я не

выполню приказ, их не вознаградят!» – вопил он.

Она старалась не слушать его, упираясь плечом в ящик и готовясь к последнему толчку, но понимала каждое слово несчастного: «У меня есть сын, он хочет купить ферму рядом с моей! Его зовут Дауд, ему всего семнадцать! У меня есть дочь, Дениз, ей двадцать, ей пора замуж, но у неё нет приданого! Моя жена, моя Зарафа... любовь моя... Господь всемогущий, они так надеются на меня!».

Тогда она поняла, что он человек – всего лишь человек. Его могли называть вороным конем или Смертью, но он оказался просто обреченным смертным, у которого была семья, его дочь не старше её самой. Ветер подхватывал её слёзы ещё прежде, чем они успевали упасть, но девушка, стиснув зубы, продолжала толкать ящик. И вот она выпрямилась.

Ящик покачивался на краю, словно качели, и она с ужасом наблюдала, как он, накренившись, начал падать в ревущие волны.

Потом всё смешалось: двери за её спиной внезапно распахнулись, и целый отряд матросов ввалился в трюм. Мгновение – и ей скрутили руки веревкой, за которую она держалась, кто-то метнулся мимо неё и схватил край саркофага. Гроб рухнул на пол.

Пока матросы втаскивали его обратно, Фейра обессилела. Сопротивляться было бессмысленно – навредишь себе. Она никого из этих матросов в черной, как смоль, одежде янычар, с черными тюрбанами на головах не знала. Это не команда её отца.

Как только саркофаг оттащили от края, Фейра оказалась на его месте, её толкали вперед, пока она не увидела перед собой серебряную стену вздымавшихся волн. Зная, что теперь её постигнет судьба, которую она готовила гробу, Фейра ждала удара в спину, который отправит её в пучину, но услышала крик: «Нет!».

Она обернулась, чтобы посмотреть, кто кричал. Это был тот, кто бросился за гробом, и теперь он стоял, промокший насквозь, как и она. Его тюрбан унесли волны, и темные волосы развевались вокруг лица.

– Ее нельзя убивать, – сказал он державшим её матросам; его тёмные глаза смотрели сурово и властно. – Она дочь капитана.

Теперь она узнала его, потому что он часто плавал с её отцом. Его звали Такат Тюран. Он был намного моложе Тимурхана. Она вспомнила, что в Лепанто он впервые участвовал в бою и её отец спас тогда ему жизнь. Если именно поэтому он не допустил теперь её гибели, то она могла на что-то надеяться.

Фейра плохо представляла себе, на что она сейчас похожа, – промокшая, в грязной сорочке и шароварах, еле державшаяся на ногах. Она видела, как наложницы репетируют пленительный взгляд, а одалиски жеманно улыбаются перед зеркалом. Не владея подобным искусством, Фейра со всей своей страстью, которую прежде скрывала под вуалями, рванулась к Такату, с мольбой глядя на него:

– Пожалуйста, отведите меня к моему отцу.

Он взглянул на матроса, который держал её, и резко приказал:

– Выполняйте.

Тот пожал плечами.

– Как угодно. Я отведу её к капитану. Всё равно нас ждёт один конец.

Фейра услышала, как за её спиной закрылись двери, ведущие на трап. Она не сопротивлялась, когда её, толкая в спину, со связанными руками, повели на палубу – снова в слепящий свет. На корме верхней палубы она оказалась перед огромными дверьми, ведущими в каюту капитана.

Пока они шли по правой стороне борта, она размышляла, что скажет отец, когда увидит её. Ей так

не терпелось снова увидеть его, что она даже не задумалась, почему его держат под замком. Но когда её втолкнули в маленькую комнатку, она сразу всё поняла.

Тимурхан лежал бледный и мокрый от пота на своей койке, вцепившись почерневшими пальцами в одежду на груди.

Глава 10

Дверь закрылась за ней, и Фейра упала на колени перед кроватью. Она даже не слышала, как ключ повернулся в замке.

Капитанская койка, подвешенная на веревках к балке, чуть не сбила её с ног, когда она опустилась на колени. Эта койка подчеркивала положение своего хозяина: она была шире обычного матросского гамака, с деревянной рамой, поддерживающей её форму, и занавесками, дающими тень и уединение. Но в этой раскачивающейся кровати отец был похож на ребенка в колыбельке. В его положении было что-то унижительное – он лежал, скрючившись, на тонком батистовом покрывале. На мгновение Фейре показалось, что она мать, а он – её младенец.

Фейра взяла его почерневшую руку и заставила себя взглянуть на отца глазами врача. Он был бледен, кожа горела, дыхание затруднено. Она просунула руку ему под рубашку и нащупала красноречивые признаки болезни, набухшие в обеих подмышках. Отец узнал её,

открыв глаза, и слабо улыбнулся, стараясь произнести её имя иссушенными, потрескавшимися губами. Затем улыбку сменило отчаяние, как только он осознал, что означает её присутствие. Боль кинжалом пронзила ей сердце. Она крепко обняла его и поцеловала в горячую щеку. «Не бойся, – сказала она. – У меня уже была эта болезнь, и я исцелилась. Ты тоже поправишься».

Фейра заставила себя поверить в это. Вот почему её не бросили в волны, вот почему «нас ждет один конец»: янычарам было всё равно, погибнет она в море или в этой пропитанной заразой каюте. Что ж, она сможет ещё раз побороть чуму, на этот раз, спасая своего отца.

Она с трудом поднялась – из-за качки – и осмотрелась вокруг. На полу был половик из грубой ткани, раскрашенный под кафель, и ковры. Картины висели на балках и даже на угольной печи, которую топили зимой. Но сладкий аромат ясенника и ладана, витавший в воздухе, смешивался с запахом гнили и увядания. Вся эта роскошь ничем не могла помочь её отцу.

На столе Фейра нашла хрустальный стакан с водой и оловянную кружку с вином. Она быстро плеснула немного вина в стакан с водой, чтобы обеззаразить её, наблюдая за тем, как виноградный сок кровавым облаком замутнил воду, затем взяла чернильную губку со стола, оторвала испачканный край и окунула её в воду. Увлажняя отцу губы, она выжимала губку так, чтобы струйка воды попала ему в полуоткрытый рот, из-за чего он закашлялся – хороший признак. Наконец, она обтерла губкой его лицо и лоб. Тимурхану стало немного легче, и Фейре даже показалось, что он слегка порозовел.

В отличие от её прежней темницы, в каюте отца было много источников естественного света – от иллюминаторов до решеток на шканцах наверху. Здесь едва был слышен рёв бури, но дождь бил в

иллюминаторы, превращая стеклянные круги в тамбурины. Она взглянула на отца – не замечая шторма, втянутый в собственную лихорадочную битву, он забылся прерывистым, беспокойным сном.

Деревянный глобус на капитанском столе вращался вокруг своей оси так, словно все законы Вселенной упразднились и отдали Землю во власть ветра. Пустая бутылка из-под вина перекатывалась по деревянному полу с каждым креном судна. Через минуту Фейра уже не могла выносить этого и поставила бутылку на стол.

Она села в капитанское кресло и посмотрела в иллюминатор, вытерев его ладонью. То, что она там увидела, заставило её уже во второй раз за день задуматься – возможно, она умерла и оказалась в другом мире, потому что там, поднимаясь из тончайшей пелены тумана, прямо на воде стояла сияющая крепость; старинные шпили возносились к самому небу, а на берегу теснились дворцы цвета слоновой кости. Даже проливной дождь не мог испортить столь необычайную красоту. Место было просторное. Гавань переходила в широкую площадь, окаймленную каменными арками и столпами. Над всем этим великолепием возвышалась величественная башня, а золоченая церковь, блистая под дождем яркими драгоценными камнями, примостилась, сгорбившись, на углу площади.

Корабль проплывал мимо двух гигантских мраморных столпов, устремленных высоко в небо. Фейра услышала скрежет цепи – матросы снова бросили якорь. Она взглянула вверх, стараясь что-то разглядеть сквозь ливень. Верхушку одного столпа украшал неизвестный ей святой неверных, другого – существо, которого её с детства учили бояться: крылатый лев с книгой.

Она была в Венеции.

До неё донесся шум с капитанской койки, она обернулась и увидела, что отец пытается приподняться, опираясь на локти. Как истинный моряк, даже на краю

гибели он услышал шум якоря и понял, что час настал. «Фейра, – произнес он, задыхаясь. – Смерть идет...».

Она поняла его лучше, чем он мог себе представить. Она кивнула, повернувшись к иллюминатору, и стала смотреть, как опускают трап. Обзор был ограничен, но она видела через башни-близнецы величественную площадь, отраженную в воде. Несмотря на сильный прилив, там было немало людей, занятых своими мыслями, словно такие наводнения были для них обычным делом.

Фейра перешла к другому иллюминатору, стараясь разглядеть палубу, потому что услышала скрип и грохот саркофага, который тащили к трапу. С ужасом она смотрела, как снимали запоры, отбрасывая миртовые листья, которые уносило ветром. Янычары в темно-красных накидках встали полукругом позади гроба, обнажив головы. Они стояли, как вкопанные, дрожа от страха, как новорождённые жеребята.

Сначала он сел, затем поднялся из гроба, опираясь на него трясущимися руками. Вид его наводил ужас. Разорванный саван свисал с него лохмотьями – казалось, будто это труп, запелёнутый с ног до головы, восстал из мёртвых. Кто-то бросил ему накидку, которая, словно облако, накрыла его тенью. Он натянул её на себя, спрятав под черным капюшоном свою замотанную голову. Сзади накидку украшал крылатый вышитый золотыми нитками лев. Казалось, зверь движется при каждом прерывистом вдохе и выдохе своего хозяина, а на костлявой иссохшей спине словно поднимаются и опускаются крылья.

Теперь Смерть была одета, как ей и подобает, в черное.

Он замер на мгновение возле трапа, прежде чем спуститься по нему вниз под напором ветра. На причале он упал на колени, попытался подняться, но не смог.

Фейра смотрела, не в силах оторвать глаз от этого жалкого зрелища. Жалость к несчастному боролась в ней со страстной надеждой на то, что он утонет сейчас, упав прямо в воду, или его затянут в море волны прилива, которые посеребрили и намочили его тяжелую накидку.

С нечеловеческим усилием он поднялся на ноги и, пошатываясь, прошел между стоявшими на страже столпами. Из-за причудливых складок его накидки казалось, что он единственный на всей просторной площади, кто не отбрасывает тень. Это и ещё массивная черная накидка, которую трепал ветер, придавали умирающему зловещий, сверхъестественный вид; он был самым воплощением Смерти.

Тогда Фейра поняла, что сам галеас, как и накидка с этой жуткой химерой – крылатым львом с книгой, – все это часть задумки. Горожане увидят венецианский корабль и немощного человека в адмиральском плаще и бросятся ему на помощь. Вот уже несколько человек направились к нему.

Она принялась стучать по иллюминатору, кричать, но стекло было плотно пригнано. Способное выдержать и шторм, и нападение врага, оно даже не треснуло. Она ободрала кожу на пальцах и сорвала голос, но это ничего не дало. Тогда она бросилась к двери и загремела замком, зная, что это бесполезно. Она посмотрела наверх и в отчаянии рванула за решетки в шканцах, пытаясь открыть их. Потеряв надежду, Фейра схватила бутылку из-под вина и со всего размаха ударила об иллюминатор, но та разбилась вдребезги, поранив ей руку осколками.

Слизывая кровь с пальцев, Фейра увидела женщину с маленьким мальчиком на руках, которая хотела помочь несчастному. Мать поставила ребенка на мостовую и натянула ему на лицо маленькую треуголку, чтобы защитить от дождя. Мальчик уцепился за её юбку, не

желая отпускать её, так что они вместе подошли к укутанной фигуре.

Фейра уже не кричала, она в отчаянии молила женщину: *«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, уходите. Уведите ребенка. Спасайтесь»*. Но женщина с сыном, который не отставал от неё ни на шаг, подошла прямо к Смерти и протянула ему руку. Время словно остановилось; Фейра видела, как черная рука Смерти вылезла из-под накидки и обвилась вокруг белой руки женщины.

Дело было сделано.

Она видела, как женщина отпрянула с омерзением от лица под капюшоном, видела, как она отдернула белую руку и прикрыла ею мальчика, прижимая его к себе – той рукой, которой дотронулась до Смерти. Подошли поближе ещё несколько человек, пробираясь по колено в воде, чтобы посмотреть, что случилось. Фейра обернулась к отцу. Ей незачем было видеть, что будет дальше, или рассказывать ему о том, что случилось. Он прочитал всё на её лице и повалился на койку, подавленный. Корабль снова накренился, якорь подняли и галеас развернулся. Ветер надул паруса, и пристань стала быстро удаляться.

Фейра смотрела, как берег в иллюминаторе становился всё меньше и меньше. И эта обреченная кучка людей, окруживших Смерть, тоже уменьшалась с каждой минутой. Фейра смотрела на них, пока они не стали крохотными – не больше черных спор варфоломейского дерева.

Глава 11

Фейра вернулась к отцу – теперь он был единственной её заботой.

Она отринула все остальные чувства. Её учили ненавидеть жителей Венеции, но она не чувствовала ничего, кроме жалости, к той молодой матери и её ребенку и ко всем тем, кто хотел помочь Смерти. К тому же она не оправдала надежд *собственной* матери; не сумев предупредить дожа о грозящей городу опасности. Но для раскаяния у неё ещё будет время. Сейчас главное – вылечить отца и привезти его домой.

Доставив свой страшный груз, корабль развернулся и удалялся от города на всех парусах. Фейра опустилась на колени возле койки отца, чтобы успокоить его этой новостью. На мгновение ей показалось, что его уже нет, но, когда она взяла его за руку, он проснулся и снова закашлялся. Она обрадовалась – кашель помогает организму очистить легкие от заразы – и улыбнулась ему.

– Не волнуйся, отец. Мы плывем домой. Скоро мы снова увидим Босфор и Сераль, и купол Софии –

сияющий золотом в лучах солнца.

В ответ он еле заметно кивнул.

– *Джудекка*, – прошептал он хрипло.

Она не поняла этого слова, но знала, что чума вызывает бред. Фейра погладила его по голове. Отец схватил её руку и крепко сжал.

– Безопасное место, – продолжал он. – Султан обещал.

Она кивнула, радостно улыбаясь, хотя на самом деле не верила, что султан обеспечит их убежищем. Люди на борту *“Il Cavaliere”* значили для него ровно столько же, сколько и тот, кого они доставили в Венецию, поэтому каждая минута на пути домой лишь приближала опасность.

С этими тяжелыми мыслями она вернулась к иллюминатору. Она хотела увидеть, как Венеция, наконец, скроется вдаль. Город не показался ей красивым: ей внушало отвращение сознание своего участия в той ужасающей судьбе, которая ожидала его. Фейра поклялась, что если ей удастся добраться до дома, она никогда больше не покинет Константинополь. Она никогда не вернется сюда, никогда. Само слово «Венеция» было ненавистно ей, с его острыми слогами, которые резали, как нож, и шипели, как змея. Ей бы никогда больше не хотелось увидеть крылатого льва. Он чудовище, и каждая морская миля, разделявшая их земли, была счастьем для неё.

Но вместо выхода в открытое море корабль огибал серую отмель к северу от города. Здесь уже было немного таких величественных зданий, как на большой площади; дома казались проще и грубее с их коричневой и крапчатой, как куриное яйцо, кладкой. Кое-где лежали руины – темные пятна на горизонте, словно выпавшие зубы. Между ними простирались поросшие травой пустоши. К одному из таких диких мест и причалил корабль.

Фейра научилась распознавать, когда бросают якорь и когда корабль кренится, прежде чем замереть на месте. Однако всё ещё не понимала, почему они остановились? Почему не торопятся домой? Что им здесь нужно?

Она снова села рядом с отцом и взяла его за руку. Дождь прекратился и стало тихо.

Слишком тихо.

Достаточно тихо, чтобы услышать, как в замке капитанской каюты повернулся маленький медный ключ. Она в страхе вскочила; дверь отворилась, впустив полдюжины янычаров в черных масках.

Никто не сказал ни слова. Один из них взял Фейру за руку и отвел в сторону. Остальные взялись за веревки, на которых висела кровать её отца, и с металлическим звоном обнажили свои кривые сабли. На мгновение ей сделалось жутко: показалось, что отца казнят прямо на месте, но они лишь перерубили веревки и понесли кровать к двери, как паланкин.

Фейра успокаивала себя: эти люди не могли нарушить корабельный закон. Тимурхан, даже в таком немощем состоянии, всё ещё оставался капитаном корабля. Её потащили вслед за процессией. «Куда вы несете моего отца?» – спросила она. Но ответа не последовало.

Оказавшись на берегу, она увидела земляной вал, защищавший от ветра, который обрушивался на побережье, и гигантские каменные руины, укрывающие наполовину их корабль. За валом была стена с арочными окнами, пустынный двор с низкими стенами и колодцем посередине, где обитали лишь галки да коршуны, зловеще кричавшие с карнизов. Над архитравом виднелись стёршиеся буквы, некогда блестящие позолотой. Прочитать их могла только Фейра.

Santa Croce.

Полуразвалившийся каменный крест, источенный ветром и дождем, возвышался над зубчатой стеной. Увидев его, команда заспорила.

Фейра подошла ближе к янычарам, стоявшим на пустынном деревянном пирсе.

– Здесь был дом их пророка, их Христа, – сказал один.

– Мы не можем переступить порог, здесь нечисто, – согласился другой.

– Наверное, наш султан ошибся; никакое это не убежище, – поддержал его товарищ.

– Наш султан, свет очей моих и радость сердца моего, никогда не ошибается, – прозвучал звонкий голос.

– Взгляните. Здесь обитают только птицы, которые гадят на него. Их Бог покинул это место давным-давно.

– Мы не можем здесь оставаться.

– Нет, но эти руины хотя бы укроют нас от непогоды, пока мы решим, что делать.

Янычары внесли капитана внутрь и позволили Фейре устроить его поудобнее. «Хорошо, что плотный матрас прочно держится на деревянных рамах, – подумала Фейра, – отец даже не заметил, как его двигали». Она оторвала лоскут его простыни и направилась к колодцу посреди старого двора, спотыкаясь о камни, через которые многие годы упорно пробивалась трава.

Несмотря на ливень, который только что прекратился, воды в колодце было очень мало: она едва видела серебряный диск облачного неба, отражавшегося внизу. Возле старого каменного корыта лежали ржавая цепь и колесо, но ведра нигде не было, так что Фейра оставила мысль набрать воды. Она пошла на пирс и намочила лоскут в морской воде – так она сможет, если не напоить отца, то хотя бы немного остудить его горящую лихорадкой кожу.

Возвращаясь через обрушившуюся арку, она столкнулась с янычарами, стоявшими полукругом. Вода

стекала с лоскутка прямо ей на ноги; она остановилась, неожиданно испугавшись.

Она переводила взгляд с одного на другого, но никто не смотрел на неё. Наконец, один из них сказал:

– Поворачивай, мы возвращаемся на корабль.

– Но..., – показала она рукой на старую церковь, всё ещё сжимая мокрую тряпку, – мой отец..., – произнесла Фейра, будто объясняла тупым животным, которые ничего не понимали.

– Он остаётся.

Оказывается, это она ничего не понимала. Они бросят его здесь. Он заразный, и они не намерены брать его с собой на борт.

– Тогда я должна остаться с ним, – заявила Фейра.

– Нет. Ты идешь с нами, сказал один из них, жадно разглядывая её непокрытое лицо и тело, облепленное мокрой одеждой. – Если нас ждет смерть, я хочу насладиться временем, которое мне осталось.

Так значит она будет игрушкой в руках этих мужчин, пока они плывут в Константинополь. И некому защитить её честь. Отец лежал неподалеку на носилках, не чувствуя даже дождя, который капал ему на лицо. Ей безмерно хотелось вернуться домой, но не так. Вдруг один из них, стоявший в стороне, произнёс:

– Я останусь, как и планировалось.

Эти слова заставили его товарищей смолкнуть. Наконец, один из них взвизгнул от изумления:

– Зачем? Здесь нет убежища. Это же самоубийство.

– Что ж, я буду выполнять приказы султана до конца, как поклялся, – он свет очей моих и радость сердца моего. А после султана я подчиняюсь своему капитану. Здесь он наместник султана, и при Лепанто он спас меня, когда было намного тяжелее, чем сейчас, – ответил он, поднимая левую руку, на которой не хватало трех пальцев, остались только указательный и большой.

Теперь Фейра узнала в нем Таката Тюрана – того, кто уже спас её сегодня, не дав бросить в пучину. Она вспомнила историю, которую рассказывал ей отец.

Когда она спрашивала его об этом величайшем морском сражении, он рассказывал ей не о том, как сходились корабли, и не об отваге адмиралов, а о мальчишке, не старше неё, которого взяли на борт подносить порох для пушек.

Когда венецианцы взяли их на abordаж, Тимурхан увидел, что парень буквально пригвожден к фальшборту: венецианский кинжал пригвоздил его руку к дереву и вонзился так глубоко, что тот не мог пошевелиться. Тимурхан отсек ему три пальца своей собственной саблей и потащил истекающего кровью парня на полубак, где было безопасно. Он рассказал Фейре, что мальчик даже не заплакал. Когда венецианцев отбросили назад, парень мужественно наблюдал, как корабельный врач, смазав смолой его руку, ампутировал ему пальцы, и не проронил ни слова – только попросил сохранить венецианский клинок на память.

Фейра видела, что с годами мужество не покинуло его, но появилось в его глазах кое-что ещё – в них горела непонятная ей страсть.

– Ты безумен! – крикнул янычар, который пытался его отговорить.

Но голос Таката прозвучал спокойно и уверенно:

– Как бы то ни было, если мой капитан нуждается во мне, я буду служить ему до самой его смерти.

Подобная верность в столь смутный час, да в таком месте глубоко тронули Фейру. Она готова была, не думая, что этим опозорит себя, броситься к его ногам, но он продолжал.

– И ещё – вы забываете приказ султана, света очей моих и радости сердца моего. Ведь ни один из вас не должен вернуться. Помните: наша работа ещё не

закончена; нас ждет великая битва. А это был лишь первый выстрел.

В его глазах Фейра увидела истинную верность и – огонь фанатизма. Она задумалась, что же ещё они готовят осаждённому городу.

– Ты с ума сошел! Сколько, по-твоему, времени понадобится их офицерам и калифам, чтобы найти нас? Ты разве не слышал об адских пытках, которые они применяют? Византийские методы – ничто по сравнению с ними, – вскипел споривший с ним янычар.

– Пусть приходят. Как говорит султан, если они четвертуют меня, вырвут глаза и язык мой, я вознесусь в Джанна, где буду снова ходить и видеть, и говорить, чтобы славить имя Божье, – пожал плечами Такат Тюрان, словно такие муки ему нипочем.

Остальные тревожно засуетились, обсуждая между собой их спор. Наконец тот, что говорил первым, сказал:

– Как хочешь, – ответил Такату янычар, подходя к Фейре. Но путь ему преградила темная рука Таката Тюрана.

– Она тоже останется. – Он говорил медленно и сдержанно.

– Что? – возмутился янычар. – Чтобы она досталась тебе одному, похотливый пёс?

– Твой вопрос позорит тебя. Я служу своему Богу, своему султану и своему капитану, я невинен и не стану домогаться женщины.

Услышав это, янычар отступил, как громом пораженный. Воспользовавшись замешательством, Такат Тюран шепнул Фейре: «Госпожа, ложитесь рядом с отцом и обнимите его как можно крепче».

Она проскользнула под его покровительственной рукой и легла на носилки возле отца. Внезапно её охватила смертельная усталость. Пусть кто-то другой распоряжается её судьбой. Она лежала и смотрела в

небо – на налитые дождем облака, скользившие по небу, и слушала яростный спор среди древних камней.

– Забирай её, если хочешь. Смотри, где она лежит, рядом со своим отцом. Ты даже вытянул жребий, чтобы нести его с корабля. Я знаю, что мой Бог защитит меня на путях моих. А ты? Если да, то иди – сорви её со смертного одра, – слышался голос Таката.

Фейра ждала, наблюдая за облаками, что сейчас её схватят.

– И что потом? – продолжал он. – Кто из вас отведет её на борт и уложит в свою постель? Вы так же можете миловаться с Чумной девой, с её красным фартуком и метлой.

Ни один не решился дотронуться до Фейры. Осмелев, она подняла голову. Мужчины переминались с ноги на ногу, некоторые потупились. В нерешительности, ворча и стыдясь, они покинули двор, оставив умирающего капитана и молодых людей среди развалин.

Фейра смотрела из-под арки, как подняли якорь, выбрали канаты, и корабль поспешно оттолкнулся от пирса. Только тогда она обернулась к Такату.

– Спасибо, – тихо произнесла Фейра.

– Долги надо платить вовремя, – он ответил ей чуть заметным поклоном.

Она подумала, что он имеет в виду её отца, и обрадовалась. Фейра улыбнулась ему и спохватилась – ведь она ещё никогда не улыбалась мужчине, кроме своего отца, с непокрытым лицом.

Он не ответил на её улыбку, глядя на море – через разрушенный свод ворот, в котором виднелся удалявшийся корабль. Такат стянул свою маску, которая теперь висела у него на шее, и Фейра смогла рассмотреть его лицо – бороду, подстриженную и смазанную маслом, губы, казавшиеся полными на фоне черных волос. Его взгляд устремился вдаль – дальше,

чем корабль, даже дальше изгиба горизонта и всех тревог этого мира. Она доверилась ему.

– Что же нам делать теперь? – спросила она.

Такат Тюран задумался.

– Нужно перенести вашего отца в укрытие, – сказал он, осматривая руины. – Вон там крыша ещё сохранилась – это сторожка, кажется. Я помогу его нести.

Напрягая все свои силы, они потащили Тимурхана в старую сторожку. В лачуге они нашли складной стул, на котором когда-то, должно быть, сидел сторож, подставку для лампы, которая давно потухла, и гнездо скворцов под карнизом, которые недовольно заверещали, не желая делить с кем-то свой кров.

Фейра провела рукой по лицу отца, но он не шелохнулся. Он с трудом дышал, а пальцы у него ещё больше почернели. Она видела, как Такат взглянул на своего капитана, и поняла, что он подумал, хотя тот не проронил ни слова. Он посмотрел на дырявую крышу и видневшееся сквозь неё небо.

– У меня осталось немного еды, – сказал он, – но этого не хватит. До наступления ночи я должен добыть ещё.

Фейра знала, что ему придется воровать, но ей было всё равно. Голод становился невыносимым. Он собрался было идти, но она положила ему руку на плечо.

– Постой, – сказала она. – Тебе нельзя идти в таком виде. Ты отличаешься от жителей этих мест. Сними тюрбан.

Без тюрбана Такат выглядел не таким грозным. Ветер ерошил его черные волосы, и он казался моложе.

– Теперь иди, – разрешила Фейра.

Возле ворот темная фигура обернулась – на том месте, где Святой Себастьян однажды вонзил свой меч в землю.

– Спрячьтесь хорошенько, – предупредил он. – Я скоро вернусь.

Она смотрела ему вслед, пока он не повернул за угол. За ним виднелся *"Il Cavaliere"* – уже далеко в море, направлявшийся в Константинополь.

* * *

Она долго сидела в промозглой тьме, скорчившись на холодных камнях.

Так холодно ей ещё никогда не было, но она продолжала жаться спиной к острым выступам. Дважды за это время она слышала, как мимо проходили жители этого острова, и в щель между камнями увидела двух толстых прачек, которые держали свои корзины над головой, прикрываясь от дождя, а позже – рыбака с собакой. Фейра замерла, когда песик вбежал прямо в сторожку и даже обнюхал неподвижную ногу Тимурхана; она прогнала собаку и та помчалась догонять хозяина, услышав его свист. Сквозь полуразрушенную стену до неё донёсся запах рыбы, напомнив ей рыбный рынок в Балик Пазари. Когда рыбак проходил мимо, она заметила в щелочке между камнями серебристые чешуйки рыбин, блестящие в сумерках, которых он закинул на плечо. В животе заурчало. Она могла бы съесть рыбин живыми – с глазами, внутренностями, костями и всем остальным.

С наступлением ночи она поняла – Такат Тюрان не вернется.

Она поднялась – в такой темноте её вряд ли кто-нибудь увидит, и направилась через древние развалины на другой берег острова. Она взглянула на луну, а затем на хрустальное кольцо на своем пальце. Миниатюрный вороной конь оказался выше остальных, и она повернула кольцо, чтобы он был внизу, – тогда появился рыжий конь. Она не смогла остановить вороного коня и теперь уже никогда не найдет человека по имени Суббота, не

дойдет до дома с золотым циркулем на двери, не встретится с дождем, который – невероятно! – приходился ей двоюродным дедушкой. Все это походило на восточную легенду, столь же древнюю, сколь и невероятную.

Она наблюдала за странным городом, лежащим по ту сторону воды, – окна зажигались одно за другим, мерцая, словно звезды на небе. Она знала, что пока люди зажигают свет, готовясь ко сну, где-то в этих домах муж заметит лихорадочный румянец на лице жены, а мать почувствует горячую щечку своего сына, целуя его перед сном, и рассвет принесет с собой ужас чумы.

Часть 2

Человек-птица

Глава 12

В то утро доктор Аннибал Касон решил одеться с особой тщательностью.

Недавно назначенный врачом округа Мираколи в своей родной Венеции, он получил вместе с новым статусом слугу, который одевал его. Аннибалу было всё ещё непривычно, что его одевали, как младенца, и он не мог стоять спокойно, дергался и вертелся, заново завязывал и застегивал одежду, не давая слуге закончить работу. Наконец, он отпустил слугу и остался один перед мурановским зеркалом^[2], в котором отражался во весь рост. Сегодня его наряд был не просто символом статуса – ему предстояло выполнить ту функцию, ради которой он и создавался. Это была медицинская одежда, и он хотел надеть её сам, ведь она могла спасти ему жизнь.

Поверх обычной одежды он натянул длинные брюки из мягкой кожи, наподобие тех, которые носили рыбаки в лагуне, но эти защищали не от морской воды, а от ядовитых жидкостей, спасая ноги и область паха от заражения.

Затем Аннибал накинул на плечи длинный черный плащ, торжественно взмахнув им перед зеркалом. Он туго завязал его на шее и поправил длинные кудри, в беспорядке падавшие на затылок. Он специально не стриг волосы: его учителя в Падуе советовали максимально защищать открытые участки кожи, находясь в инфицированных районах, потому что болезнь передается по воздуху. Он поднял высокий ворот плаща, чтобы полностью закрыть шею и горло одеждой и волосами. Плащ, доходивший до пят, был смазан бараньим жиром, который не пропускал заразу. Ночью плащ обрабатывался дымом можжевельника.

Затем настала очередь символа его ремесла – уродливой маски, которая должна была скрывать приятные черты лица. Он учился семь лет, чтобы получить право носить это ужасающее изобретение в виде птичьего клюва. Аннибал знал, что форма маски основывалась на старинном представлении о том, что болезнь переносят птицы. Считалось, что врач, надев птичью маску, может отвести инфекцию от пациента и перенести её на свою одежду. Аннибал усмехнулся под маской подобному невежеству, которому давно уже не было места в Падуе, вдохнув при этом крепкий запах корицы и поташа, которыми был набит его нос. Клюв маски был заполнен травами с резким ароматом, чтобы пересилить миазмы и смягчить запах трупов, слюны, лопнувших бубонов и других радостей, которые ждали его сегодня. Красные стеклянные глаза на маске, как предполагалось, защищали человека от зла.

Наконец, Аннибал надел характерную черную шляпу с широкими полями и поправил её так, чтобы она покрывала белый выпуклый лоб маски. Он не боялся заразиться сам, но если он заболит, то уже не сможет лечить, а Аннибал не собирался останавливаться, не успев толком начать.

Прежде чем отойти от зеркала, он взял деревянную трость, стоявшую возле стены. Этой тростью он указывал близким пациента, что нужно делать. Кроме того, в инфицированных районах врач мог ею очертить вокруг себя круг, в который никто не смеет вступить. Аннибал взмахнул тростью, как рапирой, красуясь перед зеркалом. Но отражение не убедило его. Весь этот наряд казался слишком безупречным и новым – как с иголки.

На мгновение он увидел себя со стороны: для жителей города он – предвестник смерти. Кроме того, одежда чумного доктора призвана напугать и остеречь прохожих, сообщая им о случившейся беде. Особенно зловещей казалась маска с клювом.

Даже в обычные дни он рад был носить маску, потому что она скрывала его на удивление красивые черты лица. Аннибал смотрел на себя, как и на все остальное, глазами ученого – как на образец из пробирки на медицинском факультете в университете Падуи. Из четырех кошек, томившихся в банке, он с легкостью определял, у которой самые острые зубы или самая поджарая спина, или самые длинные лапы. Он знал, что как представитель вида являет собой прекрасный пример *homo sapiens* – высокий для венецианца, подтянутый, мускулистый, с длинными ногами и копной темных волос. Но его собственное лицо оставалось для него загадкой. У него были правильные черты, но ему они казались ничем не примечательными – темные глаза и изогнутые брови, прямой нос с изящными ноздрями и полные губы. Однако они обладали странной, непостижимой для него силой, которая действовала на женщин совсем не так, как ему хотелось. Аннибал любил порядок, но поскольку не мог контролировать обаяние собственного лица, то предпочитал прятать его.

По правде говоря, даже без всякой маски Аннибал решил создать себе образ грубого, бесцеремонного,

гордого, высокомерного человека лишь для того, чтобы держать женщин – и некоторых мужчин – на расстоянии. Когда он говорил, в его голосе звучало плохо скрываемое раздражение; он не выносил дураков и считался вспыльчивым.

Жестокая правда заключалась в том, что доктор Аннибал Касон был хорошим доктором именно потому, что не заботился о том, кто выживет, а кто умрет. После того как мать бросила его в младенчестве, а бесчисленные тетушки, воспитывавшие его, скончались одна за другой, у него не осталось эмоциональных привязанностей. Он так и не женился, несмотря на широкий выбор партий. Он воспринимал болезнь как вызов своему интеллекту, который больше касался его самого, чем больного, и поэтому был невероятно успешен. В университете его считали бесчеловечным, поговаривая, что он мог смотреть на умирающего ребенка без всякого сострадания.

Но товарищи его недооценивали. Аннибал не был таким уж бессердечным, но держал всех на некотором расстоянии – даже без своей трости. Друзей у него было немного, и этого ему вполне хватало. Те, кого он допускал близко к сердцу, знали настоящего Аннибала; их было мало, но ни в ком другом он более не нуждался.

Падуя была богатым городом, и в последний год обучения, когда у молодых врачей начинается практика, ему пришлось лечить многих состоятельных дам. Там, в городе, где он учился, омерзительная маска защищала его от домогательств этих скучающих матрон, которые, будучи очарованными его смазливой личиной, требовали проверить их дыхание, поднося губы к самой его щеке, или просили прижиматься ухом к их вздымающейся груди, чтобы послушать, как у них трепещет сердце. Сегодня, вернувшись в родной город, он наденет маску для того, чтобы выполнить своё истинное медицинское предназначение.

Аннибал не верил своей удаче. Рожденный и воспитанный в Венеции, крещенный в церкви Санта-Мария-дельи-Мираколи – в той церкви, которая теперь колокольным звоном возвещала чуму, – он вернулся из Падуи всего день назад и провел только одну ночь в своем старом родительском доме, а наутро Господь уже наказал этот город. Теперь, наконец, у него появится возможность применить на практике свои знания, накопленные за семь лет обучения в Медицинской школе, где он был одним из лучших учеников. Все травы, о которых он читал в библиотеках, все дни, проведенные в ботанических садах, все вечера в многоярусном деревянном амфитеатре, где он наблюдал, как его обожаемый учитель вскрывал трупы никем не оплаканных преступников, – все это теперь можно использовать.

Закончив приготовления, он прогнал все свои мысли, как и слугу, дал распоряжения насчет ужина своему повару и легкой походкой вышел из дома. Он чувствовал себя рыцарем из старинных баллад, который едет на битву, и судьба приготовила для него самого опасного врага, чтобы опробовать на нем свое копье. Он, *Доктор* Аннибал Касон, готов сразиться с Чумой.

* * *

Шагая по улице, он заметил, что его враг не терял времени даром и прочно закрепился на поле боя. Многочисленные красные кресты на дверях, липовые гробы на каждом углу, миртовый дым, поднимающийся из каждой трубы, – все это подсказывало, что Черная Смерть успела разбить лагерь даже за такое короткое время.

Дойдя до Кампо Санта-Мария-Нова, где он должен был встретиться со старшим врачом, Аннибале без

труда узнал доктора Валнетти, одетого точно так же, как и он. Хотя его маска немного отличалась, как у одного из шести старших врачей сестиери: красные глаза дополняли черные очки – признак мудрости и знаний. Хотя Аннибал высоко ценил недавно изобретенные очки, он считал, что эти черные круги придают его начальнику смешной вид.

Доктор Валнетти был назойливо суетлив и самодовольно пыхтел, что объяснялось утренним визитом, наряду со старшими врачами остальных пяти сестиери, к самому дожу. Он небрежно пожал перчатку Аннибала.

Аннибал вежливо наблюдал за тем, что делал его начальник, – тот копался в куче высушенных рыбьих шкурок, поднимая их на мгновение над разведенным прямо посреди кампо костром, словно коптил окуня, а затем складывал в кучу, как осенние листья.

Молодой врач вспомнил одну из своих многочисленных тетушек, которая любила готовить ему *risotto con rana*. Она разрезала каждую лягушку вдоль – от ног до головы и снимала кожу, как рубашку, перед тем как бросить её в кастрюлю. Он поднял одну рыбью шкуру с мостовой. На ней были конечности. И тут он всё понял.

– Жабы шкурки? Неужели? – недоверчиво спросил он, поворачиваясь к начальнику.

Хотя Аннибал и старался сохранить вежливый тон, но не смог сдержать презрение. Он проявлял уважение к людям только тогда, когда они действительно этого заслуживали, например, его кумир, учитель и наставник Иеронимус Меркуриалис с медицинского факультета в университете Падуи.

– Ну, не все они жабы – их так тяжело отыскать, – беззаботно ответил врач. – А вот лягушек в Венеции предостаточно, каналы кишат ими. Так что придется довольствоваться этим. Такие шкурки очень

пригодились во время последней вспышки чумы, – заключил он как бы между делом, забывая отметить, что это было сто лет назад. – Они эффективно очищают воздух в важнейших сосудах человеческого организма.

– Вы имеете в виду *кровь* в важнейших сосудах? – прищурился Аннибал за красными стекляшками своей маски.

– Да, да, – согласился Валнетти. – Я так и сказал, – добавил он торопливо. – Раздайте это в своём районе. Постарайтесь облегчить страдания, насколько сможете. Я жду вас здесь на закате. Он вручил связку жабьих шкурок Аннибалу, который с трудом удержал их в руках, – они расползались, сухие и хрупкие, как пепел.

– Должен сказать, – хлопнул его по спине Валнетти, – мы удивились, узнав, что в Венецию приедет врач, и я уж никак не ожидал, что вы из Падуи. Большинство врачей убегают со всех ног в противоположном направлении.

– Лучше умереть в Венеции, чем жить где-то ещё, – пожал плечами Аннибал, и одна из лягушачьих шкурок выскользнула у него из рук.

– Вполне возможно, что так оно и будет, – фыркнул под маской Валнетти.

Аннибал встревожился. Прошел не один век с тех пор, как алхимики считали, что воздух, а не кровь, течет по венам. Он, Аннибал, помог доказать обратное, когда всего год назад ассистировал при переливании крови от собаки человеку, перекачивая собачью кровь в открытые сосуды осужденного. Он мог рассказать об этом Валнетти, умолчав, конечно же, о том факте, что и человек и собака погибли. Но ему не хотелось зря болтать. Вместо этого он поднял шкурки и спросил:

– Это и есть лекарство? Лягушачья кожа?

– Пока да, – прозвучал ответ. – Я, конечно же, работаю над снадобьем собственного изобретения, а пока – делайте, что можете. И, Касон...

Аннибал повернулся, радуясь, что Валнетти не видит его лица.

– Не пугайте их своими мудреными падуанскими теориями. Это люди простые – не такие образованные, как мы с вами, – произнес врач и исчез, словно волшебник, в облаке дыма.

Первое, что сделал Аннибал, когда повернул за угол на улицу Сан-Канциан, – швырнул мерзкие жабы шкурки в первый попавшийся липовый гроб.

* * *

К тому времени, как он подошел к Кампо Санта-Мария-Нова к концу дня, ему стало ясно, что чума одолела его.

Аннибал не ожидал, что бой будет таким неравным; он боролся не только с болезнью, но и со всем остальным. Он боролся с человеческими чувствами – матери отказывались покидать своих зараженных сыновей, жены не желали оставлять мужей – и болезнь быстро распространялась. Он боролся с врачебными традициями: *Consiglio della Sanita* (Совет по здравоохранению) разделял мнения Валнетти и настаивал на использовании тех же средств, что и во время предыдущей вспышки чумы в 1464 году. Но хуже всего то, что ему пришлось бороться с самим городом.

Венецианские дворцы кишели слугами, которые ходили повсюду, разнося миазмы через своё дыхание и одежду по рынкам, модисткам и портным, а в бедных домах люди ютились в тесных задымленных комнатах, дыша одним отравленным воздухом.

Даже те, кому пришлось ставить кресты на дверях домов инфицированных, невольно переносили заразу из дома в дом на своих кисточках и одежде. Кошки и бездомные собаки, которых, по правде говоря, тоже

следовало изолировать, свободно бродили, где хотели; в богатых домах избалованные собачки переносили заразу с одних любящих рук на другие, а бездомные животные забредали в бедные дворы, где рылись в мусоре в поиске пропитания, и проникали в дома больных людей, хозяевам которых было не до них. Не было даже крысоловов, чтобы уничтожить этих гнусных тварей.

Хуже того: нищие выкрадывали трупы из инфицированных домов и садились с ними на улицах, прося милостыню, как бы для своих родственников, чтобы облегчить их страдания. Аннибал заметил: чем моложе труп, тем больше выручка.

Было еще кое-что: Аннибал обнаружил, что даже несмолкающие колокола не приносят пользы – в полдень Совет по здравоохранению издал указ о том, что колокол должен возвещать о чуме с утра до вечера. Непрекращающийся колокольный звон из Мираколи и Сан-Канциан терзали нервы больным, внушали страх здоровым и раздражали врачей. Аннибал вел себя как никогда грубо и резко с больными; это был его единственный ответ на мольбы и стенания их близких, столкнувшихся с непостижимой утратой. Не в состоянии помочь им, он злился на себя и тем паче на них.

Аннибал стал работать быстрее, отказываясь признавать, как этот день повлиял на него. В Падуе он действительно однажды видел мертворожденного младенца и не проронил ни слезинки; но сегодня даже его сердце дрогнуло, не говоря уже о гордости. Все его знания, начиная с основ Галена и четырех типов темперамента, которые он проходил на первом году обучения, и заканчивая хирургическим искусством на последнем году, оказались совершенно бесполезными.

Уже в сумерках он вновь встретился с Валнетти. Аннибал медленно шел к нему через *кампо*, с трудом передвигая отяжелевшие ноги, словно они были обуты в

железные рыцарские сапоги со шпорами. Старший врач, однако, хоть и был вдвое старше него, щеголял легкой походкой и находился в превосходном расположении духа.

– Тяжелый день, понимаю, – сказал он, прежде чем Аннибал заговорил. – Но завтра будет лучше: мои аптекари работали не покладая рук. – Валнетти заговорщически стукнул по своему клюву рукой в перчатке, а затем взмахнул плащом и хвастливо показал, что скрывалось за ним.

За спиной у него оказалась небольшая красная деревянная тележка на четырех колесах, на которой была нарисована фигура врача. В тележке страшнодребезжали крошечные стеклянные бутылочки. Аннибал взял одну и поднес к свету. Зеленый осадок прилип к стенкам склянки, когда он встряхнул её.

– Что это?

– «Уксус четырех разбойников», – гордо ответил доктор. – Его ещё называют «Марсельским уксусом». Мой собственный рецепт. Я немного изменил состав в соответствии со своими исследованиями. Меня удивляет, что вы не слышали о нем. Его использовали испокон веку в борьбе с Черной Смертью. Чему нынче учат в Падуе? В моё время в Салерно мы узнали о нем уже на первой лекции. – Он вздохнул, недовольный тем, что приходится всё объяснять, и начал нараспев рассказывать легенду. – Четырех разбойников из Марселя осудили за то, что они вламывались к больным, душили их в постели, а затем грабили. За это их приговорили к сожжению, но судьи удивились, почему разбойники сами не заразились. Эти негодяи признали, что чума действительно их не коснулась, и раскрыли свое тайное противоядие: уксус, который и получил соответствующее название. Суд потребовал от них раскрыть состав противоядия, обещая за это избавить их от сожжения.

– Что же с ними стало? – поинтересовался Аннибал.

– Их повесили, – произнес вскользь Валнетти, – но речь не об этом.

– Нет, конечно, – Аннибал был заинтригован. – Так какой же состав?

– Достаньте свои таблицы, – сказал Валнетти с важностью. – Это лучше записать. При иных обстоятельствах я не стал бы делиться такими знаниями с другим практиком, но если мы хотим сократить уровень смертности в этом сестииери и обогнать других врачей, то придется работать вместе, правда? – Он подошел к Аннибалу и достал пачку бумаг из рукава, затем, разделив её примерно поровну, отдал тому половину. – Таблица смертности. Бумажная работа, к сожалению. Нужно вписывать каждую душу, которую мы потеряли, даже бедную, – шмыгнул он носом. – Не считая вознаграждения от дожа и говоря строго между нами, я поспорил с другими пятью врачами на бочку гасконского вина, что в Сан-Марко мы потеряем меньше людей, чем в остальных районах. А теперь – слушайте.

Аннибал почтительно отложил таблицы и достал записную книжку с карандашом из рукава, хотя считал, что мало чему может научиться у своего начальника. Кроме того, Валнетти, казалось, совсем не заботился о своих пациентах, но разве Аннибал, любивший мериться силой с самой Смертью, разве он лучше? Смущенный, он начал записывать компоненты, которые перечислял Валнетти, загибая пальцы в черных перчатках:

– Розмарин и шалфей, рута, мята, лаванда, аир, мускат. Чеснок, корица и гвоздика, конечно; Святая Троица в лечении большинства болезней. Белый уксус, камфара. И, конечно, самые эффективные (и дорогие) ингредиенты – горькая и понтийская полынь.

– *Artemisia absinthum* и *artemisia pontica*, – вставил Аннибал, уязвленный пренебрежительным суждением начальника об его образовании.

- Опускаете травы в уксус на десять дней, - продолжил Валнетти, словно его не перебивали, - затем пропускаете через льняной рукав. Записываете?

- Да, да, - соврал Аннибал, который уже давно перестал писать. Это зелье - лишь успокоительное средство; случайная подборка трав и мазей не убьет, но и не вылечит. Он с сомнением посмотрел на начальника:

- Я должен разнести эти склянки по всем домам?

- Господь с вами, милый друг, нет! - воскликнул тот. - Каждая из них стоит целый дукат. Лекарство предназначено только для тех, кто может себе это позволить. Конечно, если купят две бутылочки - тем лучше. Хотя не настаивайте слишком усердно; мои ученики хорошенько поработали сегодня, так что до завтра мы больше не получим. - Он понизил голос и подошел так близко, что их клювы столкнулись, как у ворон, затеявших совещание. - Вот вам мой совет: если найдете мать, у которой заболел ребенок, - она заплатит *сколько угодно*.

Аннибал не слушал его. Он разглядывал намалеванного врача на красной тележке - с клювом и очками, аляповатыми красными кругами на щеках, символизирующими здоровье. Он казался смешным - как Пульчинелла, старый носатый персонаж *commedia dell'arte*. Более того, он был стервятником, готовым обобрать мертвых и умирающих - ничем не лучше четырех разбойников из Марсея. Аннибал почувствовал, что Валнетти всовывает ему ручку тележки.

- Тележку легко тянуть, смотрите; *один дукат за каждую*, помните, не меньше. Мои расходы нужно возместить. Продайте эту партию - больше у нас пока нет, а потом можете отоспаться. Касон? Касон? Куда вы?

Чувствуя подступившую тошноту, Аннибал бросил тележку и ушел. Не для этого он учился. Он направился к театру Фондамента Нуове, и миртовый дым сопровождал его, словно он фаустовский дух из самой

преисподни. Там, на пристани, он, наконец, смог дышать. Аннибал снял маску, откинул мокрые от пота волосы, стряхнул дым с одежды, вдохнул солёный воздух и задумался.

Что если бы жителям этого города не пришлось томиться здесь, как селёдкам в бочке, и умирать? Что если бы они могли дышать этим воздухом, а не удушливым дымом горящего мирта? Если бы он мог увезти их, лечить так, как он задумал, – не колдовством и суевериями, а здоровыми медицинскими предписаниями, чему он и посвятил годы обучения.

Он разом выдохнул ужасы этого дня и взглянул на море. Далеко на горизонте, сквозь бледно-жёлтый туман чумных костров, развернувшихся по всей лагуне, – там, где воздух был чистым и прозрачным, он увидел серебристую линию моря, прерывающуюся скоплением небольших островков. Остров стекла, остров кружев. А дальше – лазареты.

В глубинах его сознания зародилась смутная догадка, которая стала потихоньку обретать конкретные очертания.

Глава 13

Когда Фейра проснулась в то первое утро в Венеции, ей показалось, что отец уже мертв.

Сердце заколотилось в груди, и она замерла возле него, оттягивая момент, когда придется взглянуть на него, и боясь этого. Но та часть тела, к которой она прижималась, была у него ещё тёплой, а спина заоченела. Тепло дало ей надежду.

Она поднялась с носилок и потянулась. Скворцы на полуразрушенном карнизе уже проснулись и радовались новому дню. Она вышла наружу и увидела, что мир преобразился: светило ласковое солнце, облака, принесшие дождь и шторм, исчезли. Даже камни в стенах блестели своими стеклянными вкраплениями, и трава переливалась росой. Фейра почувствовала себя немного лучше. Возможно, её отец выживет.

Она направилась к колодцу, стоявшему посреди руин, – сегодня у неё было достаточно времени для того, чтобы приладить колесо. Так как ведра давно уже не было, она повесила на цепь обрывок отцовского покрывала и опустила его в колодец. Вытащив

намокшую ткань, она высосала из неё всю воду, которая показалась ей удивительно свежей и чистой после вчерашнего ливня. Фейра снова намочила ткань, вернулась к отцу и выжала воду ему в рот, придерживая окостеневшие челюсти кончиками пальцев, чтобы он проглотил.

Затем она села под залитым солнцем сводом и сняла с себя медицинский пояс, который уже много дней натирал ей поясницу. Расстелив бугристый кожаный ремень на коленях, Фейра стала проверять его содержимое. Склянки в кармашках были целы – пропала одна из корок пробкового дерева и исчез весь запас руты, но это не столь большая потеря, ведь такая трава встречается часто. Эта мысль внезапно остановила её. Встречается часто в Константинополе. Теперь она на другой земле.

Сухие травы в маленьких кармашках пропитались морской водой и превратились в сырой комок, – как те травы, которые калифы скручивали и курили в своих *наргиле*. У Фейры осталось несколько чудодейственных средств – от скромной лимонной мяты до порошка из измельченных драгоценных камней. Там был даже завернутый в виноградный лист засаленный узелок с амброй. Если сосчитать все склянки, кармашки и складки, то наберется сотня медицинских средств, которые она усердно собирала в течение длительного времени.

Фейра решилась на последнюю попытку спасти отца. Она отвергла комбинированную медицину – *murekebbat*, так как слишком плохо знала своего врага, чтобы подобрать лекарство. Вместо этого она решила применить практику *mufradet* – простую фармацевтику отдельных трав. Она будет давать Тимурхану каждое лекарство по очереди с интервалом, который можно отсчитывать по колоколам, звонящим каждый час, отложив в сторону слишком ядовитые вещества. Она

начала лечение с киновари – красной ртути, которая в небольших количествах прекрасно очищает кровь. Из складки на ремне она достала подвешенные за кольцо серебряные медицинские ложки разных размеров, которые заказала у кузнеца на площади Султанахмет. Разложив ложки веером и выбрав самую маленькую, она насыпала небольшую горочку порошка из пузырька и высыпала его Тимурхану в рот, раздвинув потрескавшиеся губы.

Теперь оставалось только ждать, и она решила заняться собой. Она отломил кусочек хлеба, который оставил Такат, и заставила себя медленно его прожевать. Затем, едва утолив мучительный голод, она побродила по развалинам в поисках руты, которую потеряла. Она опустилась на колени и провела пальцами по влажной траве – роса освежила её и почистила грязные ногти. Она внимательно разглядывала травы, растущие вокруг старых камней, живучие цветы, протиснувшиеся в щелях между кладкой, и травы, окаймлявшие остатки древнего сада.

Фейра вдохнула целый сонм запахов, приветствующих восход солнца, нежные лучи которого уговаривали листочки и цветы развернуться. Некоторые растения она знала, а некоторые нет. Однако ей все же удалось найти руту, которая росла возле колодца.

Фейра радостно вскрикнула и наклонилась, чтобы рассмотреть знакомые пушистые ростки с их сизо-зелеными листочками и жёлтыми цветами. Колени у неё промокли и замерзли на сырой земле, пока она раздвигала другие травы, чтобы сорвать драгоценные цветки с дольчатыми коробочками, содержащими множество семян. Ободренная, она продолжила поиски и в одном каменистом уголке, под свалившейся консолью, нашла нечто чудесное: куст лекарственной буквицы, растущий в столь любимой им тени. Здесь, когда её пальцы ухватились за упругие корни, она

обнаружила еще более драгоценную находку – круглый металлический диск.

Она стала тереть монетку об грязные шаровары, пока не увидела тусклый блеск позолоты. Она поднесла её ко рту и прикусила.

Золото.

Фейра стала разглядывать монетку в пестром свете, мигавшем сквозь арочные окна. На одной стороне был изображен человек с бородой и вытянутыми руками – она знала его, он был пророком, которого называли Иисус, и его символом служил крест. На другой стороне – человек, преклонивший колени перед другим человеком. У коленопреклоненного была шапка необычной формы, а у второго – круг вокруг головы. Он походил на статую, виденную ею на одном из столпов-близнецов, между которыми прошла Смерть. Но кем был коленопреклоненный, она не знала.

На мгновение Фейра с силой сжала холодный металл так, что почувствовала жжение в ладони, но затем спрятала иноземную монетку за повязкой, обтягивающей ей грудь. Она не знала, насколько монетка ценна, но на неё уж точно можно купить немного хлеба для отца, а может, и вина с мясом. От этих мыслей у неё потекли слюнки.

Колокольный звон отрезвил её, и Фейра поспешила к отцу. Пора давать следующее лекарство, и она положилась на удачу. Она попробует отвар буквицы, который лучше всего помогает при язвах, нарывах и угрях.

Возможно, из-за того, что стало светлее, ей показалось, что отец выглядит лучше. Она склонила голову и помолилась о нем, стараясь в точности повторять слова, которые произносили священники.

Одной из важнейших заповедей османской медицины был принцип *мизана* – равновесие. Равновесие крайне важно для здоровья, двойственность и

равноценность тела и духа. Нельзя вылечить одно, не вылечив другое. Размышляя об этом после молитвы, Фейра снова вспомнила о своём здоровье. Она дурно пахла, а волосы у неё кишели вшами. Фейра подумала было забраться в колодец, но решила, что морская соль лучше очистит тело и одежду.

Сняв покрывало с неподвижного отца, она направилась к безлюдному берегу. Раздевшись догола и прикрываясь только покрывалом, она опустилась в ледяную воду, которую не согревало палящее солнце. Держась одной рукой за небольшую пристань, другой она стала тереть себя солью и песком, пока кожа не покраснела. Затем, наклонившись вперед, окунулась с головой и принялась мыть её листьями чайного дерева, которые хранились у неё в медицинском поясе, чтобы избавиться от вшей. Выжав мокрые волосы, Фейра, дрожа всем телом, расчесала их, как могла, пальцами, давя вшей ногтями. Затем заплела косу, как это делали одалиски, перекрещивая пряди наподобие рыбьего хвоста.

Закончив с этим, она выстирала одежду, а затем поспешила укрыться в развалинах со своим мокрым узелком. Там, обмотавшись покрывалом, она развесила шаровары, повязку и сорочку на колодце, а вуали перекинула через ржавую кованую железную арку.

В сторожке Фейра сняла покрывало и накинула его на отца, надеясь остудить жар, и села, дрожа, на землю возле его постели, – съежившись, обняв колени и упершись в них подбородком. Целый час она дрожала так возле отца, ожидая, пока подсохнет одежда, а потом, чуть не плача, стала натягивать на себя всё ещё мокрые вещи. Надевая сорочку, она вдруг услышала напугавший её колокольный звон: сначала в одной церкви на острове, потом в другой – и им ответили колокола на противоположном берегу, в городе – один,

второй, а затем все вместе. Может, они бьют тревогу? Может, их скоро обнаружат?

Оглохшая от гула колоколов, Фейра потеряла счет времени, и остаток дня провела в беспорядочных попытках подобрать нужные травы и молитвы, пока не начали спускаться сумерки. Фейра понимала, что с каждым часом отцу становится хуже. В отчаянии, она решилась на последнее средство.

Пока не стемнело и храбрость не оставила её, она выбрала из пояса скальпель – острый, как бритва, изготовленный тем же кузнецом, который сделал для неё ложки. Затем она разрезала им рубашку отца посередине и, снимая прилипшую ткань с его опухолей, вскрыла левый бубон. Охваченная внезапным прозрением, она рассекла второй бубон и аккуратно собрала черную кровь в одну из своих склянок, затем приложила немного лимонной мяты к очищенным ранам.

В меркнувшем свете она наклонилась к самому лицу своего отца в надежде увидеть какие-то признаки улучшения. Едкий запах лимонной мяты ударил ей в нос и, видимо, ему тоже, потому что чудесным образом он открыл глаза.

– На ней была маска, – сказал он вполне внятно. Он говорил так, словно продолжал неоконченную беседу.

Фейра прижалась к нему, радуясь, и взяла его за руку, прощупывая хрупкую плоть, как тесто:

– У кого, дорогой мой, *дорогой* отец?

– У неё была маска на палочке, красивая, украшенная серебром и жемчугом. Это была голова лошади, я помню; она походила на единорога из древних сказаний. Я плохо говорил по-венециански, но мы больше объяснялись жестами, как в театре теней – ты помнишь театр теней? – Его янтарные глаза потускнели теперь, но он узнал её, задавая вопрос.

Фейра кивнула и сжала его руку. Тимурхан водил её однажды в театр теней карагез в Бейоглу – тонкие, с

причудливыми узорами, силуэты калифа и наложницы, которые двигались и танцевали всегда только в профиль, словно были живыми и дышали.

– Я спросил, любит ли она ездить верхом, и она, прижав руку к груди, сказала, что это её страсть, а затем показала мне свое кольцо – изысканное украшение из хрусталя. Подарок от её любящего дяди – он был дож. Потом мы мчались верхом мимо лимонных деревьев, которые подбадривали нас своим шепотом. Кони топтали копытами плоды. Я всё ещё помню их запах, Фейра. Я всё ещё чувствую его.

Она улыбнулась, зная, что он уловил аромат лимонной мяты, и надеясь, что операция прошла успешно, и теперь он поправится.

Минуту спустя его не стало.

* * *

И снова Фейре пришлось выбирать между колодцем и морем, но на этот раз причина у неё была более печальной. Она не хотела хоронить отца в земле, где молились чужому богу, и не могла рисковать, подыскивая другое место. Она также не хотела, чтобы отец покоился в море. Хотя океан был его домом, она не могла допустить, чтобы его, распухшего, вражеские воды вынесли на вражеский берег. Она выбрала колодец, потому что там он окажется погребенным под землей, как учил Пророк, но будет огражден каменной стеной от нечистого места, окружающего его. Эти развалины покинуты – вряд ли кто-то придет за водой к этому забытому источнику. И, возможно, однажды, если будет на то воля Божья, она вернется сюда и перевезет его кости домой, чтобы похоронить их со всеми почестями.

Она не смогла бы дотащить кровать до колодца, поэтому перекатила Тимурхана с постели прямо в покрывале, благодаря Богу за то, что оно скрывает его с ног до головы, и ей не придется видеть милое безжизненное лицо.

Все же ей, ослабленной болезнью, потребовалось больше часа, чтобы добраться с ним до колодца. Она глотнула напоследок воды из колодца, затем подтянула отца, уцепившись за его одежду, как гигантскую рыбу, и с трудом наклонила его над краем каменного резервуара, сжав в последнем, леденящем душу объятии, прежде чем выпустить из рук. Фейра закрыла глаза и, только услышав всплеск воды от падения Тимурхана, посмотрела вниз. На мгновение запелёнутый труп застыл вертикально, словно стоял, а потом колодезная вода, поднявшаяся из-за дождя, поглотила его.

Фейра смотрела, как появились пузырьки, а затем вода снова сделалась недвижимой. Она теребила кольцо на пальце, подумывая, не бросить ли его вслед за отцом, чтобы у него осталось что-то от её матери. Но её отец был в Джанна, а она здесь, и это кольцо – единственное, что связывало её с семьей, с матерью и, что самое невероятное, с дожем.

Внезапно она поняла, что кольцо спасёт её. Она отправится к дожу. Ей не удалось отвратить чуму от его города, но она могла вымолить у дожа безопасное возвращение в Турцию, пробудив у него с помощью кольца воспоминания о любимой потерянной племяннице Сесилии Баффо.

Она снова покрыла лицо вуалью, ощутив внезапное желание покинуть это место, где разделила с отцом последние часы его жизни, где проводила рукой по влажной от росы траве, где нашла буквицу и монетку. Но, оглядываясь вокруг в последний раз, она вдруг услышала удар и плеск на пристани.

Фейра бросилась к воротам и посмотрела через небольшую арку. Лодка ударилась о пирс, и на берег сошел человек в длинной накидке, привязывая лодку к столбу.

* * *

Фейра спряталась в сторожке, затаив дыхание, и наблюдала за ним через большие арочные ворота. Он прихрамывал немного; рассмотрев его поближе, она решила, что он страдает подагрой, учитывая его возраст и вес.

Когда он подошел совсем близко, она услышала его хриплое дыхание – либо в детстве переболел воспалением легких, либо дышал вредным воздухом во время работы, хотя последнее весьма сомнительно, судя по его одежде из меха и бархата. На голове у него была черная мягкая четырехугольная шапка. В Константинополе шапка указывала на статус человека. И этот человек носил её так, как будто здесь действовало то же правило.

Лицо у него было добрым, глаза – ласковыми, а борода – седой. Фейре захотелось выйти и обратиться к нему на его родном языке, но что-то остановило её и она продолжала наблюдать за ним, пока он расхаживал по руинам.

Она затаила дыхание, молясь о том, чтобы он не подходил к колодцу. Её молитвы были услышаны; он, казалось, совсем не интересуется колодцем. Он был занят тем, что ходил из стороны в сторону и как будто что-то считал себе под нос. Время от времени он останавливался, доставал блокнот и перо и записывал свои соображения. Однажды она четко услышала его слова, но не поняла их. Он сказал: «Шестнадцать на сорок шагов».

Больше часа он мерил пространство шагами и однажды нагнулся и копнул землю, словно тоже искал лекарство. Он насыпал образец почвы в свою сумку и, прежде чем уйти, поднял к свету небольшой кирпич, валявшийся на траве, хлопнул по нему и тоже отправил в сумку.

Фейра смотрела, как он возвращается к лодке. Она снова подумала, не попросить ли его довести её до города, но вновь что-то остановило её. Когда он отчалил, она вздохнула с облегчением и сожалением.

Её не обнаружили, но теперь, впервые с тех пор, как она покинула дом, девушка оказалась совершенно одна.

Глава 14

На второй день своего пребывания в родной Венеции Аннибал Касон не стал одеваться с такой же тщательностью, как в прошлый раз. Он оставил ключ висеть над зеркалом и вышел из комнаты.

Он не вышел из дома и не отправился на встречу с Валнетти в Кампо Санта-Мария-Нова, хотя именно это ему было приказано сделать после вчерашнего неповиновения. Вместо этого он сбежал вниз по лестнице в ночной рубашке, вытащив из-за пазухи маленький ключ, который носил на шее вот уже семь лет.

Маленький золотой ключ на золотой цепочке был ещё теплым после ночного сна. Он носил его на груди с тех пор, как отправился в Падую четырнадцатилетним мальчишкой, когда скончалась последняя из его многочисленных тетушек. Только тогда семейный нотариус вручил ему ключ от сундука Касонов – отцовского наследства, о котором он и не подозревал.

Аннибал спустился со свечой в винный погреб, ступая босыми ногами по холодным камням. Винные

бочки ворчали и покачивались под воздействием брожения и сразу почувствовали перемену температуры, когда Аннибал вошел в комнату. Мальчиком, спускаясь в погреб, он думал, что тут обитают призраки. Он слышал, как и сейчас, как воды канала бьются об каменные стены снаружи – погреб, где семья Касонов хранила вино и соль, веками находился под водой.

Семья Касонов, от которой остался только один потомок.

Здесь безопасно, никто об этом не узнает, потому что слуги не станут искать сундук здесь.

Все эти годы Аннибал бережно хранил семейное богатство, не проматывал золото на пирушки и бесчинства, как это делали его товарищи, а платил только за своё обучение, кровать и хлеб, а по окончании седьмого года – за докторский костюм. Так что когда он выкатил четвертую бочку «Вальполичелла» слева, маленький ларец, спрятанный за ней, был почти полон.

Он поставил свечу на пол, накапав немного воска, чтобы она стояла прочно, – и воск зашипел, как кошка, на сырых камнях. Затем Аннибал нагнулся вперед, чтобы открыть ларец, не снимая ключа с шеи (однажды он поклялся никогда его не снимать). Он вставил ключ в замок и открыл крышку дубового ящичка. Медные задвижки ларца со звоном откинулись назад.

Ящичек был набит маленькими золотыми монетками – цехинами, многими десятками цехинов. Они лежали на небольшом подносе, который представлял собой первое дно ларца. Под ним хранились сокровища поинтереснее – ряд золотых дукатов. Он выбрал один дукат и принялся внимательно разглядывать обе стороны – дожа в его отличительной шапке корно, коленопреклоненного перед Святым Марком с одной стороны, и Христа – с другой. Аннибал сжал монетку в руке, пока она не стала теплой, затем бросил её обратно и накрыл подносом.

Этого вполне достаточно – даже более чем достаточно для его цели.

Взяв кожаный кошелек с крышки ларца, он положил туда четыре золотых дуката, а горсть цехинов насыпал в карманы и запер ларец. Затем отыскал старый медный кубок, который закатился между винными бочонками, и потерял его об свою батистовую ночную сорочку, пока при свете свечи тот не блеснул бледно-золотистым светом. Аннибал взял его с собой. В Венеции всегда стоит носить с собой то, что можно использовать как взятку.

Он вернулся наверх и оделся гораздо быстрее, чем вчера. Он вышел из дома с ларцом Касонов – снова легкой походкой, но уже по другой причине. Возможно, первый бой со Смертью им был проигран, но битва ещё не закончилась.

Ему не составило труда найти лодку в Фондамента Нуове. Торговля и поездки почти прекратились, поэтому лодочники и гондольеры, которые ещё не заразились, скучали без дела на пристани. Он выбрал крепкого парня, который показался ему хорошим гребцом. Лодочник нахмурился, услышав, куда они плывут, но золотой цехин закрыл ему рот.

Когда они повернули к островам, которые Аннибал видел накануне, он уверенно стоял на корме. За годы, проведенные в Падуе, он не утратил привычку к качке; у него все еще сохранилась эта врожденная способность, присущая всем венецианцам, – стоять в лодке неподвижно и твердо. Снова надев маску, он стоял, как носовая фигура, устремив взгляд вперед, только вперед, и общительный гребец смог вытянуть из него не больше слов, чем из мумии.

Аннибал смотрел, как остров Мурано проскользнул мимо них, где стеклоплавильные печи теперь стояли безмолвные, потом Бурано – где кружевницы больше не сидели на пороге своих разноцветных домов. На Торчелло колокол собора скорбно гудел, возвещая новые

смерти и рассказывая ему, что чума добралась до этих берегов. Но когда лодка доплыла до лазаретов, там было тихо и спокойно. Аннибал приказал лодочнику причалить к острову Винья Мурада – острову, закрытому на карантин.

Когда они приблизились, Аннибал увидел серые пустоши, окаймленные деревьями и стенами. Там была длинная пристань, ведущая к деревянному сараю. То, что они увидели там, заставило гребца поднять весла и прикрыть рот воротом куртки. На сарае был нарисован большой – в человеческий рост – истершийся красный крест.

«Жди здесь, если хочешь», – кинул ему Аннибал, заметив, что лодочник не горит желанием плыть дальше. Лодка пришвартовалась возле трёх небольших ступенек, и Аннибал, проверив, что кошель и медный кубок надежно спрятаны в его рукаве, выпрыгнул из лодки, пряча ларец с сокровищами Касонов под накидкой. Он бросил лодочнику еще один цехин и приказал ему ждать.

В начале пристани находилась сторожка, вделанная прямо в стену, дверь которой казалась накрепко закрытой. Прямо перед ней сидели двое – старый и молодой – и рыбачили в лагуне. Седобородый уже настороженно следил за приближающимся врачом, а молодой уставился в никуда стеклянными глазами, и тонкая серебряная ниточка слюны свисала у него до колен, как леска. Ноги мальчика болтались высоко над водой; руки у него были короткими, а торс усеченным; только голова соответствовала размерам нормального человека и казалась огромной на его приплюснутом теле. Череп у него был необычной формы – видимо, врожденное искривление костей, подумал Аннибал. Ему уже доводилось видеть таких карликов – большинство из них топили сразу же после рождения; некоторых брали в актеры *commedia*, если они были нормальными,

могли говорить и петь. Аннибал видел такое существо в Падуе: герцог, державший его в комнате вместе с другими диковинами, научил его рассказывать похабные истории. Но этот был, очевидно, тупицей. Не обращая внимания на мальчишку, Аннибал поздоровался со стариком.

– Я доктор Аннибал Касон из Совета по здравоохранению, – соврал он. – Вы сторож?

Старик пожал плечами.

– Я был им, доктор, пока не явилась Чумная дева. Тогда все сбежали. Морской совет издал указ, чтобы ни один корабль не приближался к городу и не покидал его, пока мы снова не очистимся. Последний корабль прошел мимо нас во вторник – в жуткий шторм. Галеас под названием “*Il Cavaliere*”. Мы кричали, махали факелами, но он не остановился.

– Да, да, – сказал Аннибал, прервав бесконечный поток слов старика. – Так, значит, все уехали? Маршалы, начальники? И *bastazi* со своими семьями?

– Да, доктор. Все уехали, только одна лодка приплывала, кроме вашей, сеньор, с письмами из Совета. Теперь и почту окуривают, конечно, – я получил письмо сегодня утром и едва смог прочесть, так оно пожелтело...

– Ну конечно, – прервал Аннибал. – Значит, все уехали?

– Все, доктор. Собрали вещи и переехали в Трепорти. Все, кроме меня и мальчика. – Седобородый вздернул свой щетинистый подбородок. – Я сторож и, клянусь Богом, буду сторожить эти ворота. Мы живем здесь, доктор, мой мальчик никогда ничего другого не видел.

Бежали на материк. Аннибал кивнул самому себе, и клюв на его маске описал полукруг перед его лицом. Всё понятно. Богатые всегда бегут на свои виллы в Венето, а бедняки в Трепорти. Он взглянул на карлика, который

упорно продолжал рыбачить, не обращая никакого внимания на разговор.

– Вы разрешите мне тут осмотреться? – попросил он.

– Конечно, доктор. Сейчас впусти вас. Идем, – крикнул он мальчику. Отец и сын оставили свои прутики и вместе с Аннибалом, составляя весьма необычное трио, направились к сторожке. Седобородый не умолкал ни на минуту, а мальчик семенил, едва поспевая на своих коротких ногах. Возле двери старик достал связку ключей. Главные ворота вели к низкой арке, открывавшей перед Аннибалом заманчивый вид. Но сначала надо было кое-что уладить...

– Вы здесь живете? – указал Аннибал на низкую дверцу в стене слева.

– Именно так, доктор, именно так. – Старик торжественно пригласил его внутрь, словно это был Дворец дождей, однако в сторожке не было ничего, кроме стола, стульев и дымящегося очага. – Я получил должность сторожа Винья Мурада, когда женился, это было в день Святого Матфея, много лет назад. Я приехал сюда с женой, но когда у нас родился мальчик, она взглянула на него – и уехала. Сбежала – так же быстро, как вышла замуж.

Аннибал взглянул на мальчика, но его серые глаза были спокойными, как лагуна.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Я Бокка Трапани, а это вот Салве.

Бокка – не христианское имя, но Аннибал решил, что сторожа прозвали так, потому что он болтал не умолкая – за себя и за своего молчаливого сына. Он не хотел, чтобы старик мешал; ему надо было подумать. Салве – такое имя часто давали больным и увечным: оно означало «исцелять» или «спасать»; видимо, сторож – верующий человек. Аннибал придумал.

Он достал чашу и кошель из широкого рукава. Аккуратно положил их на деревянный стол и жестом

пригласил хозяев сесть. Он заметил, что мальчик мгновенно спрятался в тени, в углу возле печки, откуда виднелись теперь только его глаза.

– Слушайте меня внимательно, – сказал Аннибал. – Вот мое семейное сокровище, – показал он пальцем на кошель. – Я могу доверять вам, двум честным господам, посторожить его, пока я займусь поручением дожа? А это, – он постучал по ободку старого медного кубка, который глухо пропел в ответ, – это очень древний кубок. Некоторые говорят, – сказал он с благоговением в голосе, – что сам Христос пил из него.

Старик вытаращил глаза на ничего не стоящую чашу.

– Я вернусь через четверть часа, – произнес Аннибал, покидая тесный задымленный дом, чтобы направиться через арку в Винья Мурада.

* * *

Он надеялся найти лишь подходящее место для своих замыслов, но увидел зеленую поляну с сочной травой и прекрасную аллею белых тутовых деревьев, чьи листья с золотистой каймой раскачивались на фоне лазурного неба. Местами из земли торчали короткие столбы и огромные развалившиеся камни, которые хранили историю более древних построек, стоявших здесь когда-то. Сразу за подпорной стеной находилась площадь с низкими каменными домами призрачного, небольшой церквушкой в одном из её углов и большим зданием с открытыми арками в центре, которое венецианцы называли Тезоном.

Он слышал об этом месте и теперь представил себе мысленно, что будет, когда придет корабль. Сначала команда корабля высадится на берег и пройдет через неглубокую яму с известкой. Затем они перенесут груз с

корабля и сложат его в Тезоне, оставив свой отличительный знак на стене, прямо над грузом. Затем команда проведет в домах призрения сорок дней – именно отсюда происходит слово *quarantine*. Они должны будут следить за своим здоровьем, вести себя благопристойно и посещать мессу в маленькой церквушке, если, конечно, они христиане. Каждый день из сорока вещи будут выноситься из Тезона через открытые арки, окуриваться очищающим дымом, проветриваться, затем складываться под крышей на ночь. Если груз и команда будут объявлены незаразными, им разрешат покинуть остров и войти в Венецию, где они смогут свободно торговать.

Аннибал знал, что Совет издал указ о том, что все товары должны быть отмечены особым знаком, потому что на карантинных островах процветал черный рынок – товары, которые возвращались в ящики после окуривания и проветривания, иногда не совпадали по качеству и количеству с теми, которые доставали оттуда. Аннибал задумался, сколько денег Бокка заработал за эти годы, заменяя роскошные изделия простыми. Что ж, скоро он узнает, чего стоит честность сторожа.

Аннибал прошел через одну из больших арок в сердце Тезона. Когда глаза его привыкли к полумраку, он увидел огромное зияющее пространство – безлюдное и бесцельное, где ничто не говорило о его прежнем назначении, лишь только несколько пустых бочонков и пара сломанных ящиков. Стены, однако, рассказывали свою собственную историю. На каждом свободном уголке были нацарапаны надписи и рисунки – некоторые на венецианском, некоторые на тюркском, а некоторые представляли собой странные иероглифы, которых он не знал. Знаки были красные, и если бы это была тюрьма, он бы подумал, что они нанесены кровью. Подойдя поближе, он потер одну из надписей пальцем и понюхал

перчатку – она была сделана окисью железа, тем же веществом, которым отмечали груз. Некоторые моряки, которым явно наскучили сорок дней вынужденного пребывания в лазарете, упражнялись в художестве – вот нарисована гондола, а там прекрасный галеон, здесь рыцарь, а вот здесь, в тюрбане, правитель неверных.

В конце большой комнаты Аннибал оглянулся – каждый выступ создавал естественную нишу, и здесь поместились бы десятки матрасов. Придется только закрыть арки, чтобы защитить больных от дождя.

Аннибал взобрался на большую крепостную стену – *murada*, которая и дала острову его старое название. Вдоль стены располагались *torresin* – дозорные башни, с которых обычно маршалы наблюдали за кораблями. Он забрался на одну из башен и осмотрелся; за стенами открывался небольшой дикий лес, и тропинка *giro di ronda* пробиралась через лавровые деревья и терновник. А дальше – болотистое поле солончаков, ведущих к лагуне, которая прекрасно подойдет для ловли форели или стирки. Прямо на горизонте была Венеция – такая же крошечная, каким казался ему этот остров вчера, похожая отсюда на заостренную оловянную корону в середине лагуны.

Аннибал спустился по каменным ступеням, обогнул Тезон сзади и нашел колодец – довольно большой, с декоративным водосточным желобом. Подобные колодцы сооружали из семи слоев камней и песка, служившего фильтром между желобом и резервуаром, так что вода была чистой и свежей. На каменном резервуаре был высечен вездесущий крылатый лев, но книга, которую он держал, была закрыта.

Аннибал нагнулся, чтобы рассмотреть, позабыв о цели своего приезда. Обычно на таких изображениях книга в лапе льва была открыта на приветствии Святого Марка – *“Pax tibi, Marce, Evangelista meus”* – четко вырезанном на камне. Он задумался, что могла означать

закрытая книга; возможно, что-то здесь запечатано, скрыто.

Вспомнив, зачем пришел, он опустился на колени и выкопал глубокую квадратную ямку в мягкой почве возле колодца, куда спрятал ларец Касонов, зарыв его так, чтобы ничего не было видно. Но он почувствовал на себе чей-то взгляд, и на мгновение ему показалось, что это лев наблюдает за ним.

Поднявшись на ноги, он увидел большую серую кошку, которая выскочила из зарослей дикой травы, словно ею выстрелили из баллисты, затем она помедлила, лениво прогуливаясь, и беззастенчиво подкралась прямо к Аннибалу, напрашиваясь на ласку. Её ждало разочарование.

Аннибал продолжил свой путь между рядами домов. Он заглянул в пустой дом – две комнаты, одна над другой, с камином, хорошим освещением и вентиляцией. Здесь, вероятно, не меньше сотни жилых домов. Все они – в хорошем состоянии, кроме одного в углу, который казался ветхим, разваленным. Аннибал догадался, что когда-то в него попали из пушки – не все корабли, которых призывали остановиться на острове, соглашались соблюдать строгие правила карантина, действующие в Республике.

Там, где два ряда домов примыкали друг к другу, стояла небольшая квадратная церквушка, увенчанная крестом. Аннибал направился к ней и зашел внутрь; кошка не отставала от него. Для религии у него не было времени. Его воспитали в благочестии, но в Падуе он посещал тайные радикальные лекции, противопоставлявшие Богу науку. Временами он искренне разделял их точку зрения.

Он развернулся в центре небольшого нефа. Там было одно целое окно из мурановского стекла с фигурными разноцветными панелями в виде четырех кораблей с развевающимися ало-золотистыми флагами Венеции,

мчащихся по кудрявым фиолетово-голубым волнам. Но кроме нескольких грубо сколоченных деревянных скамеек и деревянного креста на простом алтаре здесь ничего не было – ни чаши, ни книги. Казалось, Бог давно покинул это место; птицы свили гнезда под крышей.

Однако кто-то подметал тут пол – он видел следы от прутьев метлы, оставшиеся в пыли, и белое пятно там, где кто-то пытался счистить птичий помет со скамейки. Аннибал запомнил это, закупорив информацию в бутылку, как любопытный экземпляр, и отложив на хранение в кабинет своего ума.

Снаружи он взглянул на архитрав; золотыми буквами было написано: *San Bartolomeo*. Святой Варфоломей. Хорошее имя для церкви, ещё лучше – для больницы, подумал он.

Он вернулся в сторожку. Старик сидел, уставившись на медный кубок, стоявший перед ним, словно ждал от него чуда. Его слабоумный сын, всё еще прячась в тени, возле печки, наблюдал за отцом.

Аннибал взял кошель. Он заметно полегчал.

– Спасибо, – сказал он. – А за ваши труды дарю вам кубок. Пусть он благословит вас и поможет вашему сыну, ведь сам Христос благословлял больных и увечных, не так ли? А свои дукаты, конечно, я заберу. – Он пробуравил старика красными испепеляющими глазами своей маски.

Тот взглянул на него круглыми, как дукаты, глазами. Аннибал заметил в них проблески раскаяния и вдруг понял, кто подметает в церкви. Он нащупал пальцами монеты в кошельке: их было три, а не четыре.

– Постойте, – промолвил Бокка, мучаясь от стыда. Он раскрыл свою грязную ладонь. – Вот монета, которую я... нашел... на полу. Она, должно быть, выпала из кошелька, когда вы клали его на стол.

Аннибал налетел на неё, схватив рукой в перчатке. Он заметил, как старик отшатнулся от его клюва.

- Что ж, спасибо, Бокка. Честные люди - такая редкость. В благодарность за ваше благочестие я предложу вам одну возможность. Совет по здравоохранению передал мне этот остров для строительства больницы. Буду рад вашей помощи, так что вы можете остаться и работать на меня.

- О да, доктор, позвольте нам остаться. Мы во всем будем вам помогать, - промолвил Бокка, падая перед ним на колени и целуя перчатку Аннибала.

Аннибал остался доволен собственной хитростью. Бокка был ему нужен, ведь он жил на острове двадцать лет и прекрасно знал его, к тому же старик со своим идиотом теперь будут преданы ему - и не попросят никаких верительных грамот.

- Прекрасно, - сказал он старику. - Я вернусь завтра, а пока не пропускайте никого через эти ворота. С этого дня остров будет называться *Lazzaretto Novo*.

Аннибал прошел в ворота, торжественно размахивая своим черным плащом, удовлетворенный проделанной работой.

* * *

Вернувшись на пирс, он обнаружил, что серая кошка следует за ним, семеня на своих мягких лапках по деревянным планкам к лодке. Когда Аннибал остановился, кошка стала тереться об его ноги, поглядывая на него с надеждой. Аннибал поднял её за шиворот. Одно из правил его острова - а он уже считал этот остров своим - гласило, что здесь не должно быть кошек и собак, которые могли распространять заразу. Кошка мирно висела в его руках, он поднял её высоко, чтобы заглянуть ей в морду, прежде чем бросить в море.

Это было ошибкой. Красные стеклянные глаза встретились с золотисто-зелеными, и Аннибал прочел в

них полное доверие. Выругавшись, он швырнул кошку в лодку к огромному удивлению гребца, и повёз её обратно к Фондамента Нуове, где и выпустил на свободу на улицы Венеции.

Он был по-королевски исцарапан за свои труды.

Глава 15

Фейра покинула остров позже, чем планировала, из-за приезда странного старика.

Уже спускались сумерки, окрашивая лагуну в серебристый цвет, а город по ту сторону залива – в серый.

Покинув руины и направившись вдоль берега, она почувствовала себя беззащитной, несмотря на то, что снова надела вуаль и медицинский пояс. Фейра достала монетку из-за повязки, повертела её в руке и глубоко вздохнула. Действительно, она была совершенно одна, но ум и знания всё ещё были при ней, и ещё одна золотая монетка. Этого достаточно. Должно быть достаточно.

Она шла по каменной дорожке со стороны города по направлению к селению, где дома тесно жались друг к другу. Подойдя, она заметила черную серповидную лодку, пересекавшую серебряный канал между островом и городом. Гребец направлялся к небольшому пирсу с разноцветным столбом. С бьющимся сердцем она подошла к месту как раз вслед за ним. Он высадил

пассажиров, и она с любопытством заметила, что две женщины прикрывали лицо шарфом от морского тумана. Возможно, её вуаль не вызовет вопросов, а покрывало отца, которое она набросила на себя, как накидку, скрывало её иноземный наряд.

Гребец стоял теперь на пирсе, протяжно выкрикивая слово, которого она не знала: *“Traghetto! Traghetto!”*. Фейра набралась храбрости и направилась к нему. Он протянул руку, и она положила в неё монетку. Он взглянул на монетку в изумлении, а потом на девушку. И пробормотал что-то непонятное ей.

Испугавшись, Фейра показала на монету, а потом на него. Он прищурил глаза, пожал плечами и снова протянул руку. Она сказала, тщательно выговаривая слова: «Это все, что у меня есть».

Он взглянул на неё снова, на этот раз добрее. «Этого более чем достаточно. Вашу руку».

Она подала ему руку, и он помог ей войти в лодку. Он был лишь вторым мужчиной в её жизни, который держал её за руку.

День клонился к закату, и Фейра была одна в лодке. Она подумала, что на закате столько же работников возвращаются из Константинополя домой, в Пера, сколько и здесь – из Венеции на близлежащие острова. В лодке не было скамеек, как на яликах в Босфоре, и когда гребец оттолкнулся от берега, она чуть не упала, и ей пришлось снова схватиться за его руку. Она дрожала от холода, несмотря на покрывало, чувствовала подступившую тошноту, вызванную качкой, и выбилась из сил, стараясь удержаться на ногах. Гребец ловко управлял своей лодкой одним длинным веслом, насвистывая по дороге, и она с большим облегчением смотрела на то, как приближается город, который внушал ей ужас. В ту минуту она хотела лишь одного – оказаться на суше.

Они собирались причалить далеко от того места, где высадилась Смерть. Хотя ей была видна башня, которая указывала на север, она была далеко и скрывалась за высокими зданиями. Она знала по Константинополю, что чем выше положение человека, тем больше его дом. Для того чтобы найти дожа, ей предстояло отыскать большую площадь, где два дня назад бросил якорь “// *Cavaliere*”.

Когда лодка достигла пристани, гребец спрыгнул на берег, чтобы помочь ей сойти. Она благодарно кивнула, и он снова взглянул на неё по-доброму. Когда она выпустила его руку, её монетка оказалась снова у неё в ладони. Она повернулась, чтобы возразить, но он уже оттолкнулся от берега и снова засвистел.

Благословляя его в сердце своем, Фейра убрала монетку и окунулась в темнеющие улицы, чувствуя себя намного увереннее. Она ступала по твердой земле, и в мире ещё была доброта, даже среди незнакомцев.

Но её оптимизм испарился вместе со светом. Место это было адским. Она долго шла и вновь оказывалась на том же самом месте. Ужасающие звуки эхом отражались от каменных стен, свет фонарей, искаженный водой, бросал дьявольские тени. Туман обволакивал её, застилая дорогу. К тому же повсюду горели каминны, едкий желтоватый дым которых заставлял её кашлять. Фейре казалось в этом удушливом дыму, что высокие узкие дома и крошечные проходы наступают на неё, чтобы раздавить. Как это было непохоже на Константинополь с его низкими строениями. К тому же здесь Неверный был повсюду: святилища младенца пророка и его матери освещались свечами на каждом углу, а на дверях домов то тут то там мелькали неровные красные кресты. Однако в тех же дверях лениво стояли нечестивые грешницы; ей даже дважды попались женщины с оголенной грудью, которые ухмылялись прохожим. В ужасе она отвернулась от них,

но наткнулась на ещё более омерзительное зрелище – пары прижимались друг к другу в тени арок. Фейра, воспитанная в гареме, не была скромницей; она знала, на что смотрит. Но султан, по крайней мере, наслаждался за закрытыми дверями – в Константинополе забрасывают камнями за прилюдное прелюбодеяние.

Но ужаснее жителей города были какие-то безобразные создания: в тошнотворном тумане Фейре мерещились страшные птицы, звери и демоны. Не сразу ей удалось понять, что она не бредит: люди носили разукрашенные маски. С детства она слышала легенды о том, что венецианцы наполовину люди, наполовину звери. Она знала, что это невозможно, но в кружащем тумане этого дьявольского города девушка почти поверила в это. Эти создания таращили на неё пустые глазницы, поворачивая искривленные носы. А над всем этим восседал крылатый лев – он был везде, наблюдал с каждой вывески и флага, вездесущий и грозный.

Фейра не знала, отчего она дрожит – от страха или холода, её одежда еще не совсем просохла после стирки, а солёные брызги, попавшие на неё в странной черной лодке, промочили её ещё больше. Бродя по узким проходам и улочкам, она часто упиралась в берег очередного зеркально-гладкого канала, который плескался у её ног, словно смеясь над ней. Девушка перешла сотни крошечных мостиков, пока не добралась до главного – большого деревянного сооружения, на котором толпился народ. Однако она, наконец-то, приблизилась к своей цели. В сумерках она снова увидела высокую остроконечную башню и решительно двинулась к ней.

Фейра решила по возможности держаться большого канала, который только что пересекла, – широкого серебряного канала, который змеился через центр города. Перейдя мост, она поняла, что зря потратила

целый час. Она могла бы до утра бродить там, где высадилась, но так и не найти башню, потому что та располагалась совершенно на другом острове. Идя вдоль канала, она вскоре вышла на широкую площадь, где вновь увидела высокую башню и сгорбленную золотистую церковь, которую сразу узнала.

Перейдя многолюдную площадь незамеченной, она столкнулась с другим препятствием – отвратительными серыми птицами, которые копошились у её ног, мешая пройти. Вспорхнувшие птицы метнулись ей прямо в лицо, чуть не сорвав вуаль грязными крыльями. Она с трудом удержалась, чтобы не броситься побежать.

Наконец, она добралась до башни, надеясь найти здесь дождя, потому что в её родном городе дворец Топкапы украшала самая высокая башня, и султан жил как раз под ней. Но стены этой башни, возвышавшиеся в тумане, были без единого окна, лишь в высоте гудели невидимые колокола. А рядом стояла золотая церковь, которая казалась такой величественной – со всей этой позолотой и росписью. Очевидно, это был храм. На площади оставался ещё великолепный белый дворец, украшенный изящными белоснежными каменными фронтонами.

Она отважилась зайти во двор, вымощенный камнем, где возле гигантской лестницы с двумя белыми статуями толпились люди. В эту минуту огромные двери наверху распахнулись, и вереница слуг с пылающими факелами вынесла блюда с горами хлеба. Толпа накинута на хлеб. От восхитительного аромата выпечки у Фейры скрутило живот, а рот наполнился слюной. Видимо, дождь – человек милосердный, раз он подает милостыню своему народу, подумала она. Кусок хлеба упал на мостовую, и Фейра, схватив его, набила рот теплым, сладким мякишем. Хлеб оказался таким вкусным, что на глазах у неё выступили слёзы. Подкрепившись, она решила рискнуть и бросилась по

ступеням на самый верх, где её встретили скрещенные копья двух стражников. Она произнесла – так четко, как только могла:

– Я желаю видеть дожа.

Один из стражников оглядел её с ног до головы.

– Конечно, сеньорита. Сейчас сбегая за ним. Не хотите ли бокал вина, пока ожидаете?

Фейра собралась вежливо отказаться, но эти двое громко загоготали. Через сомкнутые копья стражников она разглядела каменную голову льва в стене с черной прорезью во рту, куда опускали письма. Казалось, он тоже смеется над ней. В отчаянии она взмолилась.

– Прошу вас, я должна видеть его, сейчас же.

Но они расхохотались ещё сильнее. Потом, во внезапно наступившей тишине – толпа внизу с любопытством наблюдала за сценой – она воскликнула в отчаянии:

– У меня сообщение от Валиде-султан из Константинополя!

Стражники прекратили гоготать, словно громом пораженные, и тут она поняла свою ошибку.

Надо было назвать венецианское имя своей матери.

Слова «султан» оказалось достаточно.

Внезапно испугавшись, она попятилась по ступеням – медленно и осторожно, словно надеясь, что если она убежит, то злые чары рассеются.

– Ты...? – произнес один из стражников, догадавшись.

– Да! – воскликнул другой, напротив него.

– Ты турчанка? – спросили они девушку.

Фейра замотала головой, отступая; толпа молча наблюдала за разыгрывавшейся на каменной лестнице драмой. Она споткнулась и упала на спину, скатившись по ступеням и больно ударившись боком. С ноги у неё слетела жёлтая туфелька и осталась на лестнице, ярко

освещенная факелами, – жёлтая мусульманская туфелька, с характерным вздернутым носком.

– Видите, жёлтая туфелька! – крикнул кто-то в толпе.

– Она мусульманка! – слышалось вокруг.

Фейра вскочила и побежала.

Толпа сорвала с неё покрывало и порвала на ней одежду, пытаясь поймать её и передать стражникам. Она отчаянно вырывалась, стараясь не слышать оскорблений, которые сыпались на её народ; столько желчи и ненависти к туркам она ещё нигде не встречала. Её вуали промокли от плевков, бок кровоточил в том месте, где разбилась во время падения одна из склянок, находившихся на медицинском поясе. Но Фейра, словно загнанное животное, оторвала от себя руки, грозящие растерзать её, и вырвалась на свободу.

Она кинулась на другой конец площади и на бегу взглянула наверх. Там она увидела нечто ужасное – с галереи храма прямо на неё надвигались четыре гигантских бронзовых коня, брызжущих пеной и бивших передними копытами.

Четыре коня уже были здесь.

Больше страшась их, чем толпы, она побежала быстрее. Тёмные улицы и проходы, которых она боялась, стали теперь её друзьями, помогая ей скрыться от толпы. Двое стражников, гремя тяжелыми доспехами, которые выдавали их, начали отставать. Не разбирая дороги, Фейра бежала сквозь ночь, пересекая десятки, сотни мостов. Несколько раз она слышала звон доспехов то ближе, то дальше, обманутая звуком, отраженным в воде, и коварными шепчущими камнями. Однажды, на пустынном канале жертва и преследователи оказались на соседних мостах и на одно жуткое мгновение встретились взглядом. Теперь она потеряла преимущество, потому что они знали, как до неё добраться, а она не знала, как сбежать от них.

Держась за кровоточащий бок, она побежала наугад и снова оказалась в тупике: водная преграда оказалась слишком глубокой, чтобы пройти вброд, и слишком широкой, чтобы её перепрыгнуть. Она развернулась в отчаянии и юркнула на темную маленькую площадь, и здесь злобный город, наконец, взял над ней верх. С площади был только один выход – туда, откуда она пришла. Сзади уже приближался звон доспехов.

Фейра больше не могла бежать. Обессиленная, она рухнула на мостовую и ждала, когда стражники догонят её. Она зажмурила глаза, задыхаясь после быстрого бега, теплый мокрый обрывок вуали прилипал к губам и надувался с каждым вздохом. Она стала молиться, уверенная, что это конец.

Открыв глаза, она заметила знакомое мерцание позолоты на другом конце площади. Перевернутая «V» блестела над дверью – такие знакомые и дорогие её сердцу очертания. Фейра поднялась и пересекла площадь, всматриваясь в обволакивающий туман. Она остановилась на пороге перед двойными дубовыми дверями. Она не ошиблась. Над дверью, выгравированный в камне и покрытый позолотой, висел циркуль.

Дом с золотым циркулем над дверью.

Вдруг до неё донеслись крики её преследователей и звон их оружия. Она отчаянно забарабанила в дверь, колдовская сила этих улиц не давала понять, где они – далеко отсюда или совсем близко. Дверь открылась, за ней стоял человек с седеющими волосами, которые торчали в разные стороны непослушными прядями. Его тонкие губы раскрылись в удивлении, а в испачканной чернилами руке болтались новомодные очки.

– Человек *по имени Суббота*, – выдохнула Фейра. – Мне нужен человек по имени Суббота.

– Это я, – ответил он, – но мне нечего дать тебе.

Он хотел было захлопнуть дверь, но она вставила в проем ногу в оставшейся жёлтой туфельке.

- *Пожалуйста*, - взмолилась она, срывая с пальца кольцо с конями и стараясь найти нужные слова. - Ради этого кольца. Именем Сесилии Баффо, вашего друга.

Невыносимое давление на ногу ослабло. Человек с любопытством взглянул на кольцо, затем на неё, затем осмотрел улицу за её спиной - направо и налево, быстрыми, словно птичьими движениями. Наконец, схватив её за руку, он втащил девушку внутрь.

Фейра ничего не различала в тусклом свете свечи и только услышала глухой удар закрывшихся за ней дубовых дверей.

Она была в безопасности.

Глава 16

«Сесилия Баффо, – произнес человек по имени Суббота. – Вы должны извинить меня. Вот уже много лет, как я не слышал этого имени».

Фейра перестала есть и взглянула на него. Глаза его, казавшиеся неестественно большими в очках, устремились вдаль. Он обернулся к ней, и стеклянные круги его очков в свете свечи превратились в плоские золотистые монеты, скрывая глаза. Но его тонкие губы улыбнулись: «Вкусно?».

Она кивнула, поскольку не могла говорить с набитым ртом. Он принёс ей тарелку с едой, которую «украл на кухне». Ломоть хлеба, кусок сыра и вяленую рыбу она проглотила мгновенно, хотя знала, что после длительного голодания надо есть медленно, хорошенько прожевывая пищу. Но ей было все равно. Она выросла во дворце, и всё же этот ужин был самым вкусным, какой она когда-либо пробовала.

Они находились в небольшой невзрачной спальне с низенькой кроватью, стулом и распятием на стене. На

кресте маленький Пророк, которого она уже видела, висел в причудливой позе и умирал с терновым венцом на голове. Фейра намеренно села на кровати спиной к Пророку, но она так устала, так проголодалась, так замёрзла, что ей не страшен был и сам дьявол.

Наевшись и согревшись, она принялась рассматривать этого необычного человека. На нём были камзол и рубашка, штаны до колен, чулки и мягкие кожаные туфли. Его взъерошенные волосы торчали во все стороны, а впалые щеки были покрыты пепельной щетиной. На длинных чувственных руках, испачканных чернилами, с шелушащейся сухой кожей были видны красные пятна, которые он нервно расчесывал. Он то надевал, то снимал свои очки, садился и снова вставал, словно не мог успокоиться. Когда он говорил, слова так и сыпались у него с языка – словно щебет, взволнованный и возбужденный; манера разговаривать и суетливость придавали ему сходство с птицей.

– Я знал Сесилию Баффо, – сказал он. – Давным-давно, в пору её молодости я был её учителем рисования. Я служил герцогу Николо Веньеру на острове Джудекка. – Он прекратил шагать по комнате. – Вы слышали об этом месте?

– Джудекка. Слышала, – тихо ответила Фейра.

– Герцог Николо хотел обучить свою единственную дочь всем искусствам, приличествующим молодым дамам, чтобы в своё время она удачно вышла замуж, оправдав все его надежды. Я был тогда молодым чертежником, одаренным не по годам. Мы были ровесниками. Я был очарован ею, но и помыслить не смел, что она заинтересуется таким, как я, но она все же обратила на меня внимание.

Фейра взглянула на него по-новому. Она представила, каким он был, когда взъерошенные седые волосы были черными, а лицо подтянутым и гладко выбритым. Он действительно мог быть красивым.

– Она как раз вступала в наследство. – Он вскинул голову. – Я имею в виду не её богатство, а красоту. Никогда не видел столь прекрасного создания; таких золотистых волос и голубых глаз, а талия – тоненькая, как у борзой.

Он суетился возле небольшого окна, мысленно перенесясь в другое место и в другое время, где тысячи звёзд мерцали в густом тумане.

– Я родился в субботу, а в Венеции считается, что рождённых в этот день благословил Господь, поэтому ребенка называют в честь этого дня. Мой отец родился в тот же день и получил то же имя, так что я был дважды благословлен именем Сабато Сабатини. Всю свою жизнь я ждал, когда же проявится столь невиданная удача – мы не были особенно богаты или знамениты. Но, помню, в минуты, проведенные с Сесилией, мне казалось, что мое имя все-таки принесло мне счастье. – Он повернулся к Фейре. – Я оказался безоружен перед её красотой; и однажды, в классе, нас застали врасплох в объятиях друг друга.

Глаза Фейры округлились. Впервые она подумала о своей матери как о молодой женщине – Сесилии Баффо, которую никогда не знала такой – своевольной, красивой, забавляющейся своей властью женщиной, которая могла соблазнить молодого учителя рисования шутки ради, а затем сбежать с морским капитаном, зная его не более часа. Впервые она осудила свою мать за легкомыслие и беспечность. Отдалась ли она этому человеку – до её отца, до султана Селима? Она не знала, как спросить об этом Сабато, да и не хотела.

Но он ответил сам:

– Это был всего лишь поцелуй. Но Николо Веньер пришел в ярость от одной мысли о том, что я лишу её девства и разрушу его планы на замужество дочери и все надежды, которые он возлагал на этот союз. Он уволил меня и тотчас перевез Сесилию в их летний

дворец на Паросе, где сразу же приступил к свадебным переговорам. Кажется, именно там её похитили турки.

Фейра прекрасно знала продолжение истории, и знала также, что страсть, которую зажег в её матери этот странный, худощавый человек, угасла не сразу.

– А теперь она мертва, – промолвил он.

– Две недели назад. В Константинополе, – подтвердила Фейра.

Сабато снова сел.

– Так значит, всё это правда, – произнес он тихо. – Я слышал, её увезли турки.

– Мой отец. Он был морским капитаном. Он привёз её в Турцию, – кивнула она.

Он вскинул брови – чёрные, как когда-то были его волосы:

– И отдал её султану?

– Да.

Сабато посмотрел ей в глаза.

– Она была счастлива?

Фейра задумалась.

– Да.

Она верила в это. С султаном Сесилия обрела и супружескую радость, и возможность поупражнять свой острый ум в византийской политике. Скорее всего, она была намного счастливее как Нурбану, чем как Сесилия, которая стала бы женой бедного чертежника, или даже Сесилия – жена турецкого морского капитана.

Мысль об отце напомнила ей о том, что ещё нужно было рассказать.

– Я её дочь.

Впервые за весь вечер Сабато замер. Он всматривался в её лицо, стараясь разглядеть его черты сквозь тонкую вуаль.

– Да, – произнёс он медленнее обычного. – Да, так оно и есть.

Запинаясь, она рассказала ему все остальное – о смерти матери и отца, об исчезновении корабля и Таката Тюрана. Она показала ему хрустальное кольцо и увидела, что он узнал его.

Сабато покачал головой, словно отгоняя слёзы, снова встал и зашагал по комнате.

– Я писал ей на Парос. Я даже писал ей в Константинополь, передавая письма с нашими купцами, даже с нашим послом. Последний раз я написал ей о своём положении здесь, в этом доме, обещая навсегда остаться её преданным слугой, но так и не узнал, получила ли она мои послания.

Фейра не сомневалась.

– Думаю, получила.

Он быстро кивнул – один раз, второй, третий.

– Да, да, да. И теперь ты здесь и можешь рассчитывать на любую помощь, на какую только способен Сабато Сабатини. Как мне тебя называть? – спросил он, протягивая ей руку.

Она нерешительно дотронулась до неё кончиками пальцев, а потом приложила руку к груди.

– Меня зовут Фейра Адалет бинт Тимурхан Мурад.

Сабато опустил руку и покачал головой.

– Так не пойдет. Если ты собираешься тут скрываться, никто не должен знать, откуда ты. Турок здесь никогда не любили, а после Лепанто ненависть к ним вспылала как никогда раньше.

А будет ещё хуже, подумала Фейра, если станет известно, что сделал её отец.

– Надо придумать тебе венецианское имя, – сказал Сабато.

– Сесилия? – спросила она.

– Конечно. А фамилию можешь взять мою – Сабатини, а я скажу всем в доме, что ты моя племянница, – кивнул Сабато.

– Мне можно остаться здесь?

– Где же ещё? – пожал он своими костлявыми плечами.

– Я хочу увидаться с дожем. Он должен помочь мне вернуться домой.

– В Константинополь? Нет и нет и нет!

Фейра похолодела.

– Почему?

– Ни один корабль не подойдет к Венеции и ни один не покинет её, пока здесь гостит чума, это приказ Морского совета. Тебе придется подождать, пока она не уберется отсюда.

Фейра сглотнула слюну. Сколько ей придется томиться здесь?

– А дож? Я могу его увидеть?

– Я не знаком с дожем, хотя Себастьяно Веньер – брат моего старого хозяина. Я работал на *Николо* Веньера, но он выгнал меня из своего дома тридцать лет назад. Удача покинула меня вместе с моей любовью, и с тех пор я перехожу с одной должности на другую, – начал мягко Сабато. Он увидел, как погрузнела Фейра, и нагнулся к ней, сложив испачканные чернилами руки на коленях. – Сегодня мы потеряли нашу служанку. Именно поэтому я открыл дверь.

– Чума? – спросила Фейра, затаив дыхание. Если зараза проникла в дом, этот добрый человек и все его домочадцы, скорее всего, уже обречены.

– Нет. Она отправилась к своей семье, на материк. – Он снова встал и показал на ворох одежды кремового цвета, висевшей на спинке стула. – Вот её платье. Сейчас отдыхай, а утром оденешься в это. – Он бросил платье на кровать.

Она потрогала непривычную ткань и взглянула на него.

– Можно мне носить вуаль?

– Нет. Вуаль сразу выдаст тебя, – покачал головой Сабато Сабатини. Он заметил её взгляд и снова

постарался утешить её.

– Тебе полагается жалованье нашей служанки вместе с её одеждой. Один цехин в неделю, а также кровать и стол. Со временем мы найдем способ провести тебя к дожу или отправить домой.

Фейра хотела поблагодарить его, но у неё ничего не было, поэтому она предложила ему единственное, что могла дать.

– Ваши руки, – сказала она. – Натрите их этим, сказала девушка, протягивая ему маленький сосуд с мазью, висевший у неё на поясе.

Он недоверчиво взглянул на него сквозь очки.

– Камфара и драгант. Каждую ночь. А по утрам пейте лимонный сок.

Он посмотрел на свои руки, потом на неё и улыбнулся своими тонкими губами.

– Отдыхай. Я зайду к тебе на рассвете и расскажу о твоих обязанностях.

Когда он уже собрался уходить, она, наконец, нашла слова, чтобы задать ему мучивший её вопрос:

– Почему вы делаете это?

Он обернулся в дверях, и улыбка исчезла.

– Сесилия забавлялась мной, оттачивала свои коготки. А для меня это было всерьёз. Понимаешь, я любил её, – тихо произнёс Сабато.

* * *

Утром Фейра проснулась и оделась до того, как в её дверь постучались.

На пороге стоял Сабато Сабатини.

– Хорошо спала?

– Да.

Матрас оказался чистым и мягким; и теперь, когда не было ни качки, ни тревоги за здоровье отца, ни вшей,

она действительно проспала несколько часов – без сновидений. Сабато отступил немного, насколько позволял темный узкий коридор.

– Дай-ка я взгляну на тебя, – сказал он, и Фейра почувствовала на себе его взгляд – добрый, не хищный.

Ей было не по себе в одежде служанки. Ткань сама по себе была довольно мягкой и вполне сносной, но платье немного давило в подмышках и сохраняло запах пота бывшей хозяйки, да к тому же фасон у него был непристойный. В комнате не было зеркала, но Фейра все же видела многочисленные изъяны своего наряда. Шея слишком оголена, а декольте открывало грудь почти до самых сосков. Она не смогла перевязать грудь, потому что лиф держался на тугом корсете, из-за которого её грудь казалась огромной. Рукава на предплечье были узкими, а манжеты из простого кружева на локтях едва прикрывали руки, оставляя запястья открытыми. пышные юбки, занимавшие чуть ли не всю комнатку, едва доходили до икр, открывая ноги в чулках. Кроме всего прочего, Фейра была выше сбегавшей служанки, а это значило, что корсаж оказался ниже, рукава короче, а юбки выше, чем надо. Её громоздкий медицинский пояс, который она привязала под нижними юбками, заставлял их ещё больше топорщиться на бедрах, отчего талия казалась меньше. На голову следовало надеть мягкую кружевную шапочку, и когда Фейра заплела и уложила волосы, тщательно спрятав под ней все золотисто-коричневые локоны, шея и плечи у неё оказались совершенно неприкрытыми. Её собственная одежда годилась разве что для печки. Вместо желтых туфель она надела кожаные сапожки, стоявшие под стулом. Они были ей немного малы и поношены, но кожа оказалась на удивление мягкой. Свою единственную желтую туфельку, испачканную в грязи, она спрятала под кроватью – как единственное напоминание о прежнем наряде.

Она выпрямилась и показалась человеку по имени Суббота. Ей было холодно, неудобно, она чувствовала себя незащищенной, но Сабато остался доволен.

– Настоящая венецианская служанка, – сказал он, кивнув ей. – Пойдем, я покажу, что надо делать. Ни с кем не говори, акцент выдает тебя. Я сказал всем, что из-за болезни тебе тяжело разговаривать. Главное – держись подальше от моего хозяина; он не питает особой неприязни к туркам, но сейчас ему поручили тяжелейшую задачу, которая мучает его день и ночь. Со временем, конечно, мы можем – с твоего разрешения – раскрыть ему твою тайну, потому что он-то как раз *знаком* с дожем. Лично.

– Хозяин? Разве не вы здесь хозяин? – удивилась Фейра.

Он рассмеялся – странным, фыркающим смехом, с ноткой горечи.

– Нет. Я говорил тебе – удача покинула меня вместе с твоей матерью. Времена были тяжелые, и с тех пор я всегда был чьим-то слугой. Пойдем.

Фейра вышла из комнаты вслед за ним. Вскоре ей придется хранить молчание, так что она задала свой последний вопрос:

– А как имя вашего хозяина?

Спускаясь по винтовой лестнице, Сабато ответил ей через плечо:

– Его зовут Андреа Палладио.

* * *

Где-то в мрачных глубинах Дворца дождей двое стражников, которые упустили Фейру, стояли в комнате без окон. Перед ними за темным деревянным столом сидел человек со светлыми волосами, задававший им вопросы; но голос у него был таким приятным и

дружелюбным, что они всерьез поверили, что смогут избежать наказания, которого ожидали. С другого конца стола сидел низенький человек в четырехугольной секретарской шапке. Он царапал пером по бумаге, пока старший из стражников описывал беглянку.

– Она была смуглая?

– Кожа или волосы?

– И то и другое, сеньор.

– Темнее венецианцев?

– Темнее некоторых, я уверен, сеньор, – ответил тот, который был помоложе. – Но вообще-то она могла сойти и за южанку, если бы не одежда.

– Особые приметы?

Стражники переглянулись.

– Чем она *отличается* от других? Кроме одежды. Вы говорили о жёлтых туфлях.

– Понимаете, сеньор, она... как сказать... когда толпа сорвала её вуаль...

– Она хорошенькая, – выпалил второй.

На мгновенье воцарилась свинцовая тишина.

– Вы хотите сказать, что она *красива*.

– Да, сеньор.

– Вы хотите сказать, что мы ищем *красивую турчанку*?

Первый стражник – старше и умнее второго, испугался. Было что-то в тоне инквизитора такое, что заставило его снова вспомнить о жалящей плетке.

– Теперь я вспомнил, – начал он, – кожа у неё была смуглой, почти черной. – Он бросил взгляд на своего товарища.

– Точно, – согласился второй. – А нос крупный такой...

– Крючком! – торжественно закончил первый. – Он свисал вниз, а туфли у неё были загнуты вверх.

Человек со светлыми волосами одобрительно кивнул, а секретарь ещё быстрее заработал пером. Когда он закончил рисунок, инквизитор показал его стражникам.

– Вы думаете, – спросил он, и голос его снова стал ележным, – это похоже на неё?

Стражники уставились на набросок. На них смотрела уродливая старуха с крючковатым носом, темнокожая, замотанная в вуаль и в бесформенных шароварах. Нос у неё свисал вниз – прямо к вздернутым туфлям. Оба стражника радостно закивали.

Инквизитор взял рисунок рукой, на которой сверкали перстни, передал старшему стражнику.

– Отнесите это художникам в Кампо Сан-Вио, – приказал он. – К заходу солнца эти изображения должны висеть на всех углах в каждом сестиери.

Глава 17

С первыми лучами солнца человек в птичьей маске вышел на безмолвные улицы Мираколи, подметая мостовую подолом своего длинного черного плаща.

Он остановился возле двери с красным крестом и постучался тростью. Семья, закутанная в накидки с капюшонами, безмолвно покинула дом и последовала за ним, неся свои немногочисленные пожитки.

Он направился к следующей двери, помеченной крестом, и сделал то же самое. Вскоре за ним шла небольшая процессия, петляя по улицам, в которую по пути вливались новые члены.

Возле церкви Мираколи Аннибал поднял трость, и люди остановились. Он вошел в церковь, где его крестили, но не преклонил колени и не стал любоваться мраморным убранством. Вместо этого он поднялся по небольшой лестнице на каменную арку, которая серовато-коричневой радугой нависала над улицей и вела к небольшому монастырю, примыкавшему к церкви. Через решетчатые окна он видел людей, которые толпились внизу, ожидая его. Внезапно его охватила

паника. Но ведь это он привел всё в движение и теперь должен довести дело до конца.

Он прошел по арке к расположенной за ней дверце и постучался ручкой своей эбеновой трости – вложив в это столько уважения, сколько смог. Ему открыла дверь престарелая монахиня в черной рясе и белом апостольнике. *La Badessa* – аббатиса прихода Мираколи, с которой он имел продолжительную беседу накануне.

– Вы готовы, госпожа Бадесса?

– Да. Мы готовы, – кивнула она, сохраняя абсолютную серьезность.

– И никаких сомнений?

Тень улыбки скользнула на её губах.

– Мы – сельский приход, доктор. Если люди едут, мы тоже едем.

Аннибал повернул обратно, а аббатиса с сёстрами последовали за ним. Он подождал, пока аббатиса преклонила колени перед мраморным алтарем. Она заперла шкафчик для священных сосудов в алтарной стене, где хранились Святые Дары. Поклонившись дарохранительнице, она сожгла два кусочка ладана перед золотым крестом и опустила крест на мрамор. Возвращаясь к монахиням, ожидавшим её в проходе между рядами, она не склонилась перед лежащим навзничь крестом. Священник умер прошлой ночью, и сейчас это уже была не церковь, а прекрасный мраморный мавзолей. Господь покинул её, а теперь и сестры аббатства Мираколи тоже должны уходить.

На улице Аннибал возглавил процессию, как гамельнский дудочник, похитивший детей. Но его растущая команда привлекла к себе внимание – доктор Валнетти, тащивший свою тележку с фальшивой бутылированной надеждой, выпустил красную ручку и бросился за ними. Аннибал стиснул зубы под маской. Он знал, что этот момент настанет.

– Аннибал? Куда вы ведете этих людей?

– В свою больницу.
– Что за... И где же она находится? – спросил Валнетти.

Аннибал промолчал.

– Это мои пациенты, – повысил голос Валнетти.
– Мои тоже, – услышал он в ответ.
– Вы не смеее этого *делать*, Касон.
– Однако делаю.
– Но зачем?
– У нас с вами разные методы. Я попробовал ваши, а теперь собираюсь попробовать свои.

Валнетти принялся лебезить перед ним.

– Мы можем договориться.
– Не думаю, – холодно ответил Аннибал, проходя мимо Валнетти, но тот преградил ему путь.
– Знаете, моя семья из Генуи.
– И что?

– Там есть одна легенда, – Валнетти споткнулся, стараясь поспеть за Аннибалом, и продолжал громко тараторить. – На пастуха Николаса, когда он был ещё совсем ребенком, снизошло Божественное видение, и он повел тысячи детей через Альпы в Крестовый поход против неверных мусульман. – Теперь он уже бежал, чтобы догнать своего подчиненного. – Они пришли в Геную, все эти дети, сотни детей. Николас верил, что море расступится, и малыши сели на берегу в ожидании. – Он остановил Аннибал, схватившись за его черный плащ на груди. Их клювы столкнулись. – Николас не был пророком, Касон, он был просто глупым ребенком.

Аннибал отпихнул его и продолжил путь, не проронив ни слова. Валнетти оказался в толпе идущих, некоторые из них толкали его, обходя. Он попытался обратиться то к одному, то к другому, но не получил ответа, и ему оставалось только семенить за Аннибалом, пока вся процессия не дошла до Фондамента Нуове.

Валнетти молча наблюдал, как Аннибал рассказывал людям в ожидавшие их лодки, но когда молодой врач прыгнул в самую большую лодку, он нанес ему последний удар.

– Я добьюсь, чтобы вас исключили из *Consiglio Medico*, Высшего медицинского совета – предупредил он.

– Это ваша обязанность – быть внимательным и осторожным, – пожал плечами Аннибал.

– С каких это пор? – фыркнул в свой длинный нос Валнетти.

Аннибал не стал медлить с ответом. Он оттолкнул ногой лодку от пристани.

– С сегодняшнего дня, – сказал он.

* * *

Маленькая флотилия во главе с Аннибалом, который снова возвышался на носу лодки, везла больных с их семьями на остров. Самые тяжелые больные находились в его лодке – как первопроходцы. Когда они достигли Лаззаретто Ново, он увидел, что Бокка выполнил его поручения, данные ему на прошлой неделе. Красный крест стерли со сторожки; здесь больше не будет никаких скорбных знаков. Светильник на причале поправили. Когда его зажигали, лодки должны были останавливаться здесь; когда же он не горел, они не могли сюда приближаться. Бокка выкопал небольшую яму перед воротами и наполнил её известью по приказу Аннибала, чтобы люди, прибывающие на остров или покидающие его, могли продезинфицировать свою обувь.

Аннибал, велел остальным лодкам ждать, повел свою маленькую группу тяжелобольных через ворота; некоторых несли на носилках те, у кого ещё хватало сил, некоторые шли сами, некоторые ковыляли на костылях

или опирались на своих товарищей. Аннибал провел их в Тезон, уложил на кровати и каждому дал воды. Затем большие ворота закрыли.

Вернувшись к лодкам, он забрал пассажиров и разместил их в домах призрения, категорически запретив входить в Тезон, как бы им ни хотелось навестить своих близких. Два дома остались свободными: разваливающийся дом возле церкви и угловой дом рядом со смотровой башней, который он взял себе. Аннибал оставил привезенных детей играть под белыми тутовыми деревьями и направился в Тезон.

Но сначала он заглянул в церквушку. Там он заметил чью-то тень, коленопреклоненную. Аннибал отошел, не желая мешать молитве, но Бадесса обернулась и поднялась.

– Входите, – сказала она.

Он подошел нерешительно, стягивая широкополую шляпу. Ключ он оставил.

– Прошу простить меня за маску, – сказал он. – Это больше для вашей безопасности, чем для моей. – Но он всё же поклонился – неуклюже, чтобы выказать своё уважение; не алтарю, а ей.

– Я не хотел мешать вам.

– Я не говорила ничего, чего нельзя было бы прервать. Я продолжу позже, – сказала она, протягивая ему руку и указывая своим шишковатым пальцем на балки на потолке. – Наш разговор длится всю жизнь и сегодня он не завершится. – Она поправила рясу на своих полных бедрах.

– Что вы здесь делаете, доктор?

Он тербил щепку, торчащую из скамейки, и печально улыбнулся под маской.

– Честно? Я не знаю.

– Думаю, я знаю. Вы собираетесь взвалить на свои плечи великое дело, – улыбнулась она тоже, затем села на одну из скамеек и пригласила его сделать то же

самое. – Когда вы пришли ко мне вчера и спросили о бедном отце Орландо, вы напомнили мне, что приход сестер Мираколи был учрежден для ухода за *incurabili* – умирающими, которых Господь покарал проказой и другими неизлечимыми болезнями, занесенными сюда Крестовыми походами. Эти первые пациенты знали, что их болезни неизлечимы. Первые сестры тоже знали об этом. Но они верили в Чудо. – Она взглянула на него. – Когда вы пришли ко мне со своей задумкой, это напомнило мне о смирении. Именно поэтому мы с нашими сестрами последовали за вами. Когда-то давно мы творили чудеса. И, кажется, до сих пор не разучились.

Аннибал слушал молча. Бадесса сжала простой деревянный крест, висевший у неё на шее. – Сын мой. Я слышала рассказ Валнетти; говорят, это правда. Николас и детский Крестовый поход – они сидели на берегу и ждали чуда. Но есть и другой рассказ – намного важнее, один из лучших на свете. Однажды человек повел свой народ в Землю обетованную, и на их пути оказалось море. Он не стал дожидаться, когда воды отступят; он ударил своим посохом о землю и *повелел* морю расступиться.

Бадесса поднялась, и свет, льющийся через разноцветное стекло единственного окна, запестрел на её рясе. Она обернулась и посмотрела на него сверху вниз.

– И море расступилось, доктор. Расступилось.

* * *

Шли дни, и на острове кипела работа, как в пчелином улье. Сестры Мираколи трудились не покладая рук, заполняя ниши Тезона плетнем и обмазкой. Мальчик Салве, несмотря на свой недуг, понимал простейшие

приказание и очень пригодился, даже больше, чем Бокка. Среди прибывших был плетельщик, который руководил работой, а сёстры Мираколи, известные своим здоровым, практичным уставом, не боялись испачкать руки.

Аннибал отправил нескольких сестер за хорошей тканью на рынок в Трепорти, который находился на материке, куда зараза ещё не успела добраться. Бокка и Салве должны были каждое утро собирать чистую воду из колодца и ловить рыбу в лагуне, а также запустить в озёра форель и разводить устриц на длинных узловатых верёвках. Одна из монахинь, крепкая женщина по имени сестра Анна, умевшая разводить домашнюю птицу, купила парочку несушек и петуха и привезла их на остров в рыбацкой лодке, перебросив кудахчущую добычу через плечо. Аннибал считал, что если выращивать продукты питания на месте и ловить здесь же рыбу, то люди получают свежую еду, которая не сможет заразиться через воздух.

Один из приплывших был школьный учитель, который открыл класс для мальчиков в маленькой церкви. Сёстры, придерживаясь своего устава, поочередно пели мессы в отведенные для этого часы и проводили ежедневные службы, на которых непременно присутствовал Бокка, а Аннибал редко появлялся. Бокка с превеликой гордостью пожертвовал Бадессе медный кубок, который дал ему Аннибал, в качестве сосуда для Святых Даров. Так простой медный кубок из заброшенного винного погреба превратился в настоящую святыню церкви Святого Варфоломея.

Аннибал продумал каждую деталь своей маленькой утопии. Монахини посеяли травы на плодородной осушенной земле за колодцем, а Аннибал составил для них план Ботанического сада в Падуе, чтобы на месте выращивать целебные травы и готовить из них мази.

Женщины шили матрасы для больных и по указанию Аннибала набивали их рутой и вереском, обладающими лечебными свойствами. Врач укладывал эти матрасы на больничные полы аккуратными рядами. Больных держали в Тезоне, их семьи – в домах призрения, и они никогда не встречались. Никому не разрешалось переходить из Тезона в дома, кроме Аннибала в его защитной одежде. Расходов было много. Сокровищница Касонов постепенно пустела в своем тайном укрытии возле колодца под надежной охраной каменного льва.

Каждый день Аннибал прерывал работу, забирался на башню в юго-восточном конце стены и смотрел на Венецию через море. Когда ветер дул в нужном направлении, он слышал непрерывный звон чумных колоколов в городе, призывавших души умирающих. Шесть врачей *сестиери* проигрывали битву. Сквозь красные мутные стекла его маски Венеция казалась ему охваченной огнем.

Аннибал сознавал всю шаткость своего положения. Он понимал, что присвоил себе остров, являвшийся собственностью Республики, и мог только надеяться, что сумеет доказать эффективность своих методов, и тогда Совет оставит его в покое. Валнетти не любил, когда ему перечили, и Аннибал подозревал, что тот уже побывал в Совете по здравоохранению и сообщил о поведении молодого врача. И каждый день, вглядываясь в розовеющее море через красные мутные стекла маски, он ждал, что кто-то явится сюда, чтобы остановить его начинание.

Глава 18

Сесилия Сабатини быстро привыкала к новой жизни служанки в доме с золотым циркулем.

Вскоре она хорошо изучила высокий дом с множеством связующих лестниц и переходов. Она привыкла к полумраку задних комнат и слепящему свету приемных залов, где своды и округлости окон пропускали золотистые лучи, преломляющиеся в ослепительную радугу. Возле дома находилась уединенная площадь с колодцем посередине, там, где главный вход для посетителей был отмечен циркулем над дверью. Со стороны фасада, выходявшего на сверкающий канал с его оживленным движением, находились водные ворота; сзади – крошечный грязный дворик, над которым нависали ещё три высоченных дома. Дворик служил для сбора мусора, отходов и нечистот со всех домов, пока раз в неделю их не вывозили мусорщики на своих навозных телегах. Там ужасно пахло, и новая служанка, посчитав это место негигиеничным, избегала его, как только могла.

Домочадцы хорошо приняли высокую молчаливую девушку; она была умна и услужлива, ей не приходилось объяснять дважды, она выполняла работу, не дожидаясь, пока её попросят. Они были добры к Фейре – отчасти благодаря ей самой, отчасти из-за её немоты и отчасти потому, что она находилась под защитой своего дяди Сабато, которого все любили и уважали, и который был при этом близким другом хозяина. Двое лакеев были добры к новой служанке ещё по одной причине – любой дурак видел, что она красива, как бы девушка ни пыталась скрыть это.

Кухарка, которую все называли Корона Кучина – она сама считала себя Королевой кухни – была в курсе всего, что происходило в её царстве. Она сразу заметила нескромные взгляды лакеев и решила действовать. Ласково потрепав Фейру за подбородок, когда та впервые спустилась вниз, она с досадой воскликнула: «Матерь Божья, дорогуша, ты выглядишь так, словно собираешься работать на *ponte delle tette*, размахивая своими малышками для господ! Я дам тебе кружево, чтобы прикрыть вырез, и нижнюю юбку подлиннее».

Кухарка потащила Фейру в подвальную комнату, похожую на комнату Фейры, и стала рыться в своих шкафчиках. Она нашла для девушки длинную нижнюю юбку, которая спускалась почти до щиколотки. «И вот это», – Корона Кучина накинула на плечи Фейры кружевную шаль. Она продолжала искать что-то в ящике комода. «У меня где-то должна быть старая булавка – а, вот она – сейчас закрепим».

Добрая кухарка приколола булавкой шаль к платью. Фейра посмотрела на свою грудь. Булавка была в форме крошечного металлического крестика с маленькой фигуркой, висящей на нем.

Носить символ пророка-пастуха – это не единственное, на что ей пришлось пойти. Без вуали запахи дома атаковали её: рыбные кости, варящиеся на

кухонной плите, восковая полировка в чулане и прогорклый бараний жир свечей в *studiolo* – мастерской архитектора. Удушливый смолянистый запах угля, который ей приходилось носить, вызывал у неё кашель; даже затхлый запах книг в кожаных переплетах в маленькой библиотеке, расположенной ярусом вдоль стен кабинета, заставлял её чихать.

Однажды, когда её отправили за солью в небольшой погреб под домом, она испытала настоящее потрясение, наткнувшись на что-то колючее в темноте. Подняв свечу, она увидела тушу свиньи, висевшую вниз головой, – бледную, с вывалившимся языком, истекающую кровью. Фейра выронила свечу, которая с грохотом упала на пол, и побежала, чувствуя подступившую тошноту, к небольшому дворику посреди дома. Корона Кучина выскочила к ней и стала гладить Фейру по спине, пока её тошнило, спрашивая, что случилось. Забывшись, Фейра с трудом выговорила:

– *Porco*.

– Не бойся его, дорогуша. В таком виде он тебя не обидит, правда? – кухарка похлопала девушку по холодной щеке.

– Надо же, ты бежишь от свинины, как какая-нибудь мусульманка!

Фейра замерла. Снова это слово.

Muselmana.

Слово, которое Нурбану никогда не произносила, слово, которое она слышала на ступеньках дворца дожа, когда потеряла свою туфельку. Она прищурилась и посмотрела на озабоченное лицо кухарки.

– *Muselmana*? – спросила она, стараясь подражать венецианскому произношению.

– Да – они боятся свинины. И именно так мы, венецианцы, смогли вывезти останки благословенного Апостола Марка, – Корона Кучина перекрестила свою пышную грудь указательным пальцем, – из языческой

земли, чтобы он покоем здесь, в христианской Венеции, в базилике. Тело Святого положили в большую корзину, покрыв её травами и кусками свинины, а носильщики должны были кричать: «Свинина!» всем, кто собирался обыскать их. Так они перехитрили мусульман и привезли нашего Святого домой.

На лице Фейры читалось недоумение, и Корона Кучина повысила голос, будто девушка была непонятливой.

– Мусульмане! Которые ходят в церковь в желтых туфлях и повязывают голову тюрбаном! Боже, твой дядя говорил, ты немая, а не глупая. – Она ущипнула Фейру за подбородок. – Что ж, они не знают, чего лишаются, ведь через недельку я приготовлю из этой свинины *панчетта* и пирог с начинкой, от которых у тебя слюнки потекут. Тогда уж тебе эта свинка точно понравится.

С тех пор Фейра избегала заходить в маленький дворик всякий раз, когда Корона Кучина готовила свинину. Даже вдыхать этот запах было кощунством; хуже, чем носить крест.

Однако в доме преобладал другой запах – запах чернил и бумаги. У её невидимого хозяина были целые стопки этого добра повсюду; бумаги валялись со столов, лежали на сундуке для карт и даже на обеденном столе. Пару раз она заглядывала в них. Она не поняла пояснений, но рисунки были ей знакомы. Она много раз видела такие у Мимара Синана.

Это были планы, чертежи.

Этот Палладио, как и Синан, архитектор.

Фейра начала привыкать к венецианскому акценту. Слуги говорили иначе, их речь отличалась от чистого, благородного языка, которому учила её мать. В их диалекте было столько *z*, что они гудели, словно пчелиный рой, и так размахивали во время разговора руками, что иногда ударялись друг о друга в узких проходах дома или сбивали свечи с подсвечников. Но

два раза в день, когда слуги трапезничали вместе на кухне – утром и вечером, Фейра наблюдала за ними, прислушиваясь к их речи, и стала приспосабливаться к ней.

* * *

Фейра редко выходила за пределы небольшой площади перед домом, но когда её посылали на рынок, она видела, что днём Венеция отличается от того города, который встретил её ночью. Казалось, чума ещё не затронула этот район; Сабато говорил, она свирепствует в районе Каннареджо, поэтому если Фейра сделает покупки в Риалто и сразу вернётся домой, никакой опасности не будет.

Так что Фейра хорошо изучила свой шестой округ Кастелло. Она заметила вездесущего пророка-пастуха – он присутствовал на каждом углу, над каждой церковной дверью. Её вера запрещала изображать Бога; это считалось не только нечестивым, но и невозможным. А здесь христиане жили со своим божеством так, словно он их сосед, и избежать его было невозможно. Казалось, он имеет только два образа – младенец на руках матери и умирающий, висевший на кресте, словно потроха. Начало и конец его жизни; а в середине – пустота. Даже на рынке, где торговали мясом, подвешенным на деревянных крюках, пророк-пастух висел над ними – выше всех.

Обычно на рынок ходила Корона Кучина, потому что не доверяла никому выбор своих драгоценных ингредиентов, но иногда у неё так болели ноги, что ей приходилось садиться на стул и поднимать их выше. Фейра однажды увидела эти ноги, отёкшие, словно лодка, с искривлёнными пальцами и взбухшими тёмно-синими венами. Фейра видела такие вздутые вены в

гареме и подумала, хватит ли у неё смелости предложить кухарке лекарства в благодарность за её доброту.

Она тосковала по медицинской практике не только из-за своего нынешнего положения служанки: девушке хотелось, чтобы её мнением по-прежнему интересовались, а её врачебные навыки применялись на деле. Здесь она была самой неприметной и скромной из слуг, которой вменялось в обязанность чистить, приносить, разжигать огонь в комнатах хозяина.

После первого же трудового дня она перестала носить хрустальное кольцо с четырьмя конями на руке. Работа была тяжелой, требовала физических усилий, поэтому в какой-то момент кольцо могло потрескаться или повредиться. Она оторвала кусок ленты с подола одной из своих многочисленных нижних юбок и повесила кольцо на шею, надежно спрятав его за корсажем. Фейра вспомнила турецкую традицию носить амулеты, чтобы сохранить здоровье, – стих из Священного Корана на небольшом закрученном свитке, имя Бога, написанное на обрывке бумаги, который носили в сумке, или подвеска в виде руки Фатимы с пятью пальцами. Амулеты были тайными и личными; их носили под одеждой, и они много значили для их хозяина. Итак, кольцо станет её амулетом – единственная связанная с ней вещь, которая прошла вместе с ней весь этот путь из Константинополя. Благодаря ему, она многое узнала о своей матери после её смерти – о жизни изнеженной женщины, которая могла позволить себе десятилетиями носить стеклянное кольцо, не боясь разбить его.

* * *

В Венеции, как заметила Фейра, вращаясь среди слуг, положение женщин было не самым завидным.

Казалось, ни одна из них ничему не училась; когда по вечерам мужчины спускались на кухню поиграть в карты, женщины расходились по своим комнатам. В Венеции, она была уверена, ни одной женщине не разрешили бы стать врачом.

Но кое-что здесь было таким же, как у неё дома. Корона Кучина очень напоминала жен султана, трудившихся на кухне Топкапы: такая же добрая, шумная, дерзкая и непристойная. Она болтала без умолку, и иногда Фейре приходилось закрывать уши, чтобы не слышать историй о том, какие приключения выпали на долю кухарки в дни её молодости, или о том, кто кого обхаживал и кто с кем спал в доме.

И все же Фейра испытывала лишь чувство благодарности к своим врагам. Она никак не могла забыть молодую женщину с ребёнком, которая подала руку Смерти, лодочника, который не взял у неё монету, и Сабато Сабатини, который приютил её. В такие моменты она вспоминала, потрясённая, что она сама наполовину венецианка. Она принадлежала двум народам, каким бы широким ни было море, разделявшее их.

* * *

Фейра могла гордиться тем, как чудесно прижилась в доме Палладио, но её присутствие заметили не только молодые лакеи. Весть о новой красивой служанке быстро облетела *сестиери*, особенно в городе, отрезанном от остального мира. И снова ей пришлось привыкать к мужским взглядам. Её редкие походы на рынок вызвали бурный интерес среди лавочников, и она ужаснулась бы, узнав, что за неё осушили не одну кружку в местных трактирах. Привыкнув к своему венецианскому платью, она теперь воспринимала вуали

и закутывающие наряды её родины как часть другой жизни, но однажды, спеша через рынок домой, Фейра окаменела перед ярко-желтым рисунком, прикрепленным к стене.

Она подошла ближе, и сердце её замерло; расправив листок внезапно повлажневшими пальцами, девушка увидела безобразный рисунок, изображавший пожилую турчанку в вуали, огромных шароварах и жёлтых туфлях с загнутыми носами. Из-под покрывала торчали, как проволока, чёрные завитки волос, больше похожие на штопор, а над вуалью свисал крючковатый нос. Фейра читала по-венециански хуже, чем говорила, но она узнала слово *muselmana*. Это относилось к ней. Она быстро сорвала бумажку со стены, скомкала её и спрятала в корзинке. Оглядевшись по сторонам, чтобы проверить, не видит ли кто это, Фейра не заметила высокую, укутанную в плащ фигуру, наблюдавшую за ней с площади.

Глава 17

Аннибалу выпало всего семь спокойных дней на своем острове. Это Бокка поднял тревогу, примчавшись из сторожки. Фанатично преданный своему хозяину, который подарил ему столь драгоценный кубок, он сообщал Аннибалу о каждой проходящей мимо барке или лодке – достойной внимания или нет.

В тот день Аннибал сразу понял по торопливой шаркающей походке старика и по выражению его лица, когда он крикнул: «Корабль на горизонте, доктор, корабль на горизонте!», что речь идет о чем-то важном, ещё до того, как Бокка рассказал, в чем дело.

«Галера, доктор, на сорок весел, плывут из Сан-Марко».

Аннибал поспешил к воротам, хотя он был не настолько взволнован, чтобы забыть опустить ноги в известку. Он увидел точку на горизонте и удивился острому зрению сторожа, хотя ему самому мешали затуманенные стекла маски.

Баркас подошел поближе, и он различил лопасти весел, блестящие на солнце, которые опускались и

поднимались – все сорок – в едином ритме. Видимо, судно было сделано из светлого дерева, потому что золотилось в солнечных лучах. Пока оно приближалось, Аннибал понял, что не ошибся, – галера действительно была из позолоченной. Увидев же морду льва на носу с гривой в форме солнечных лучей, он понял, что все кончено.

Это была *Бучинторо* – галера самого дожа.

На носу стоял человек в пурпурном плаще, который раздувался и потрескивал на ветру, как парус, морской бриз ерошил его короткие светлые волосы. У него был не слишком представительный вид, но выражение его лица говорило об огромной власти.

– Вы Аннибал Касон, чумной доктор?

– Да, это я.

– Я – камерленго Себастьяно Веньера, его Светлости Дожа Венеции.

Аннибал был рад своей маске. Он взглянул на камерленго, под плащом у которого виднелась черная одежда, сделанная словно из гладкой эластичной кожи. Мужчина был моложе, чем ожидал Аннибал, со светлыми волосами и голубыми глазами северянина. Опрятный, чисто выбритый, коротко стриженный, как тевтонец, он говорил вежливо своим низким голосом. В нем не было ничего угрожающего, однако же всё в нем внушало ужас. И неожиданно Аннибал испугался.

– Мы можем где-нибудь поговорить с глазу на глаз? – спросил камерленго.

– Да, – Аннибал взглянул на его стражников. – Все пойдут?

– Только я, – приятно улыбнулся камерленго.

Аннибал немного успокоился и осмелел.

– Если не возражаете, не могли бы вы пройти через эту яму? – предложил он.

Камерленго приподнял свой пурпурный плащ и любезно прошёл по известке. Аннибал проследовал за

ним через ворота.

Оказавшись внутри, Аннибал повел его через лужайки, держась как можно дальше от Тезона. Он старался представить себе, о чем думает камерленго, и попытался взглянуть на это место его глазами. Был ясный осенний день – солнце сияло, тени таили свежую прохладу, а в воздухе чувствовалось приближение зимы. Тутовые ягоды стали розового и янтарного цвета. Он видел детей, бегающих возле дома, где располагалась школа, и слышал звон колоколов Святого Варфоломея, возвещавших службу третьего часа. Тёмная почва сада, где были аккуратно посеяны травы с ботаническим делением на сектора – круги и квадраты, приятно контрастировала с зеленеющим дерном и дикой частью острова, которую он выкосил и выделил под кладбище, ожидавшее свою первую жертву. Дела шли так хорошо! Аннибал указал своей тростью.

– Мой дом, – он запнулся, это звучало слишком собственнически, – место, где я остановился.

Камерленго замер и глубоко вдохнул прохладный осенний воздух.

– Прекрасный день, не так ли? Может, останемся здесь? Я провожу почти всё свое время в правительственных залах. – В его словах не было ни намека на хвастовство: власть камерленго была неоспорима. – Так что дышу свежим воздухом, как только выдается случай. К тому же здесь намного приятнее, чем в нашем обезумевшем городе. В такой день лучше уехать подальше, как вы думаете?

Он присел на древний сваленный столп возле тутовой аллеи, а Аннибал настороженно пристроился рядом. Он решил, что вопрос не требует ответа, но камерленго, видимо, считал по-другому.

– Как вы думаете, Касон? – повторил он.

В этом праздном вопросе чувствовалась нотка угрозы. Аннибал повернулся к нему, и солнце блеснуло

холодом в его голубых глазах. Камерленго ожидал получить на свой вопрос, пустяковое замечание, обдуманый ответ, как и на все будущие вопросы. Аннибал задумался, спускался ли камерленго когда-нибудь из величественных расписанных покоев замка дожей в темницы, чтобы применить свои инквизиторские навыки более действенным способом – возможно, с помощью огня и железа. Его взгляд переметнулся на стражников за воротами. Они стояли на пристани аккуратным полукругом, сложив руки перед собой. Они не смеялись и не шутили, как солдаты, ждущие возвращения своего господина. Он знал, что это была личная охрана дожа и обитателей его дворца. Так что Аннибал ждал следующего вопроса, прекрасно понимая всю свою беспомощность.

– Вы знакомы с Советом по здравоохранению?

Аннибал прекрасно знал этот Совет и не однажды бывал в огромном белом здании рядом с Джекка – монетным двором на Сан-Марко. Там размещалась администрация Совета.

– Я был там недавно, – сказал камерленго, – по приказу моего господина дожа, чтобы найти настоящего врача. Вы понимаете, что он имел в виду?

Аннибал точно знал, что он сам понимает под словами «настоящий врач», но ему было неизвестно, разделяет ли дож его мнение. И тут проявилось его обычное высокомерие.

– Да. Меня, – произнёс он.

Тень улыбки мелькнула на губах камерленго.

– Любопытно, что вы это сказали. Должен признаться, что в Совете я встретил врача по имени Валнетти, который очень громко жаловался на вас. Вы знаете его?

– Знаю. – Аннибал начал понимать камерленго, человека острого ума, который ничем этого не выдавал. Напротив, он расспрашивал человека, позволяя тому

раскрыться. И Аннибал решился на полную откровенность.

– Он глупец.

– Мне тоже так показалось, – усмехнулся Камерленго. – И, должен сказать, дож того же мнения. Итак, – он пригладил края одежды своими длинными пальцами с очень аккуратными квадратными ногтями. – Этот ваш остров. Как тут всё устроено? Больные находятся в том большом здании?

– Да, – произнес Аннибал, обрадованный его интересом. – А их семьи в домах призрения.

– Вы и их привезли? – бледные брови подскочили. – Из милосердия?

– Нет, – мгновенно отверг это предположение Аннибал. – Они могли тоже заразиться, и тогда болезнь проявится и у них. Когда удаляешь опухоль, нужно вырезать всё полностью – саму опухоль и здоровые ткани вокруг неё.

Камерленго презрительно скривил губы, услышав эту метафору.

– Понятно. И что же, болезнь у них проявилась?

– Пока нет.

Камерленго казался довольным.

– А как вы лечите больных? Насколько я понимаю, вы не одобряете снадобий Валнетти?

– «Уксуса четырех разбойников»? Нет. Я считаю его несколько... старомодным. Я лечу своих пациентов с помощью последних хирургических методов – я прошел обучение в Падуе.

Камерленго кивнул.

– К слову, я разделяю доказанные теории Галена, которые, как все мы знаем, истинны: четыре типа темперамента и соответствующие им жидкости в организме (кровь, флегма и желчь), а также необходимость балансировать их. Я прикладываю пиявок, чтобы удалить излишние жидкости, а также

начал вскрывать опухоли, появляющиеся в паху и подмышках. Это имеет благотворное действие.

Вдруг ему показалось, что он слишком много сказал камерленго.

– Смерти были?

– Пока нет.

– А семьи больных? Вы принимаете меры, чтобы уберечь их от заражения?

– Конечно. Мы изолировали инфекцию и принимаем определенные меры, чтобы миазмы не вырвались на свободу. К примеру, здесь есть дымовая комната, через которую я прохожу каждый раз, входя в больничные помещения или выходя из них. И ещё одна яма с известью и поташем около дверей.

– А вы согласны, что эти меры можно применить в отдельном доме?

– Конечно. – Аннибал начал догадываться, куда ведут эти вопросы, и осмелел настолько, чтобы самому задать вопрос. – Вы желаете, чтобы я лечил дожа?

– Нет, нет. Он не опасается за свое здоровье. Но есть один человек, который очень важен для него, человек, который должен остаться жив – любой ценой.

Чья жизнь могла быть драгоценнее для Венеции, чем жизнь дожа? Аннибал задумался.

– Вы гадаете, кто это? – камерленго, казалось, был не в силах изменить своей привычке постоянно задавать вопросы.

– Да.

– Его зовут Андреа Палладио.

Это имя отозвалось где-то в закоулках памяти Аннибала.

– Архитектор? Но почему?

– Мой господин дож поручил ему построить храм на месте старинного монастыря на острове Джудекка – на руинах, где когда-то, в дни чумы, произошло чудо – с колодцем, который благословил Бог. Сеньор Палладио

должен построить церковь столь величественную, чтобы смягчить Божий гнев, тогда Он отвратит Свою месть от Венеции.

Аннибал еле сдержался, чтобы не усмехнуться.

– Вам это кажется странным? А дож верит – при всем уважении к вам – что Господь Всемогуший имеет больше шансов спасти город, чем врачи – по крайней мере, те, с которыми он встречался. – Камерленго не признался, разделяет ли он сам веру дожа; он прибыл сюда, чтобы выполнить волю своего господина, и он это делает.

– Однако ему всё же нужен врач, которому он мог бы доверять, чтобы защищать архитектора от чумы, пока он не завершит работу.

– Он здоров? Архитектор?

– Думаю, в целом да. Он в преклонных годах, но разве не всех нас ждет это несчастье?

Аннибал посмотрел на Тезон и подумал о больных, находящихся там. Какая нелепость – каждый день ездить к здоровому человеку, в то время как у его пациентов уже стали чернеть пальцы и появились нарывы чумы. Он встал, внезапно потеряв терпение.

– Благодарю за великую честь, оказанную мне, но, к сожалению, вынужден отказаться. Я не могу тратить время на здоровых.

Камерленго взглянул на него, щуря голубые глаза от солнца. Он не стал спорить, а задал ещё один вопрос:

– Что я вам сейчас отвечу на это?

Аннибал посмотрел в сторону ворот на фалангу стражников, которые ни разу не пошевелились в течение всей беседы. Он перевел взгляд на камерленго, безмятежно сидевшего на покрытом мхом столпе, который казался таким же неподвижным, как и его каменная скамья. Аннибал опустился рядом с ним, подавленный.

– Вы скажете, что я не имею никаких прав на этот остров и должен убраться отсюда вместе со своими

пациентами и их семьями, и что меня заберут ваши стражники.

– А если вы согласитесь лечить архитектора?

– Я смогу сохранить остров и больницу и спокойно работать до тех пор, пока служу сеньору Палладио.

– Совершенно верно. Поздравляю вас, вы так быстро всё поняли, – камерленго опустил руку в свой кожаный рукав и достал металлическую плашку. – Это, – сказал он, – печать моего господина дожа. Можете предъявлять её в любое время во всех своих делах в любой части города, и будет так, словно ваше слово – его слово.

Аннибал взглянул на печать, лежавшую у него на ладони: изысканное медное изделие в виде круга с изображением дожа и крылатого льва, завершенное петлицей из темно-красной ленты. Он взвесил печать в руке. Камерленго знал, что Аннибал согласится на его предложение. Наконец он поднялся.

– Итак, всё улажено. Вы едете со мной? – это был не вопрос.

– Я должен проинструктировать своих помощников, – предусмотрительно произнёс Аннибал. Он не назвал сестёр Мираколи, поскольку не был уверен, что они покинули город вполне легально.

– Хорошо.

Аннибал нашел Бадессу и сказал ей, что вернётся к вечеру, а затем последовал за камерленго на галеру. Когда стражники опустили весла на воду, он смотрел, как удаляется остров, и тревожное беспокойство сжало его сердце. Он не понимал, что происходит, – никогда раньше с ним не происходило ничего подобного; но когда галера устремилась прочь от острова, ему показалось, что он испытывает нечто схожее с тоской по дому.

Глава 20

Прошло не меньше недели, прежде чем Фейра встретила со своим хозяином.

Она видела доказательства его присутствия – чертежей становилось больше, менялись композиция и перспектива. Тарелки и стаканы опустошались и отправлялись на кухню. Но её первая встреча с ним оказалась более драматичным событием, нежели случайно брошенный взгляд в коридоре или в дверях комнаты.

В доме с золотым циркулем самой большой ценностью был свет. Фейра была обязана вовремя менять свечи в подсвечниках и следить за тем, чтобы под ними всегда стояли подставки для стекающего воска, дабы он не капал на драгоценные чертежи, а также пополнять запасы сала и чистить бесчисленные лампы. Хозяин мог сесть за работу в любой час, и даже темной ночью в комнате должно быть светло, как днем. У неё была ещё одна неизменная обязанность – вечером приносить в мастерскую архитектора огромный прозрачный стеклянный сосуд, наполненный до краев

водой, – аквариум. Она знала его назначение и восхищалась его свойствами: если за стеклянным пузырем поставить свечу, вода начинает играть роль линзы; свет от огня свечи усиливается, проходя сквозь воду, и полностью освещает рабочий стол.

Однажды, когда она поздним вечером несла стеклянный сосуд из кухни в комнату хозяина, во мраке коридора её остановил тонкий золотистый прямоугольник света с человеческий рост.

Фейра направилась к нему с сосудом в руках и понемногу стала различать контуры. Вдруг она поняла, что смотрит не на уютное пламя камина, а на зарево пожара.

Она с трудом распахнула дверь, и поток горячего воздуха чуть не сбил её с ног. Огромный стол впервые за время её пребывания в этом доме был пуст; чертежи горели в камине, свертываясь и превращаясь в огненный пепел, улетающий в трубу. Не раздумывая, Фейра вылила воду из сосуда на длинный чертежный стол, затем стянула с него холст и кинула его в огонь, мгновенно потушив пламя и затоптав выпавшие угольки своими кожаными сапожками.

Закашлявшись от черного дыма, Фейра во внезапно нависшей темноте ощупью добралась до створчатого окна, и распахнула его. Высунув голову наружу, она с жадностью вдохнула свежий воздух, глядя на небосвод, усеянный блестками звезд.

Закрывая окно, она вдруг услышала голос, донесшийся из угла, где стояло кресло. Девушка чуть не вскрикнула от страха. Когда её глаза привыкли к темноте, она разглядела белые очертания фигуры.

– Что вы делаете? – произнесла фигура.

– Что я делаю? Что *вы* делаете? – от страха и волнений Фейра забыла, что говорить надо по-венециански, и перешла на свой родной язык.

– Вы с ума сошли! Разве можно так разжигать огонь? Как вы можете спокойно сидеть там и смотреть на то, как тут все горит? Разве вы не знаете, что если бы огонь добрался до гобеленов над камином, то весь дом сгорел бы дотла? А он такой высокий и нелепый, как веретено, что слуги на мансарде оказались бы в ловушке! Вам все равно?

Она остановилась, чтобы перевести дыхание; фигура хранила молчание. Девушка никак не могла понять, кто это, и видела только белоснежную бороду, светящуюся во мраке.

– Да кто вы такой? – спросила Фейра, но, осознав свою ошибку, смолкла. Сердце у неё бешено билось, она вернулась к венецианскому. – Я Сесилия Сабатини, новая служанка.

– Неужели? – голос из темноты казался удивленным. – Рад познакомиться. Вы уже нравитесь мне больше, чем прежняя служанка. Зажгите лампы, – произнес Андреа Палладио. – Если мы собираемся обмениваться любезностями, лучше при этом видеть друг друга.

– Как я их зажгу? Я же их не вижу, – фыркнула Фейра, все ещё злясь на него.

Голос Палладио хрипел, как гармоника, в темноте.

– Одна находится в нише возле пилястра главной двери. Две – на архитраве камина. Ещё одна – между вторым и третьим окном и три – над бордюром и под карнизом. Зажги одну и увидишь остальные.

Он произносил слова, которым Нурбану не учила её.

– Я не понимаю вас, – сказала она.

– Найди-ка мне уголёк. Я сам все сделаю.

Фейра отыскала обрывок бумаги, которому посчастливилось спастись от пламени, и свернула его в трубочку. Хозяин поднялся из кресла и прошаркал мимо неё. Он поджег бумажку от теплящегося уголька и прошелся по комнате, поднося её к каждой свече. Когда

комната согрелась светом, она сразу узнала его – это был тот самый старик, который приезжал на руины Джудекки после смерти её отца; шагал и все рассматривал, ощупывал и записывал в блокнот.

Он вернулся к креслу своей шаркающей, подагрической походкой и тяжело опустился в него, словно нёс на плечах бремя всего мира. Фейра подошла к огню и поворошила пепельный пергамент. Листы, покрытые рисунками и чертежами, все погибли. Она присмотрелась внимательно и вытащила тлеющий обрывок бумаги. Чертежи были порваны на мелкие кусочки, прежде чем попали в камин, словно он хотел полностью уничтожить свою работу. Она подняла глаза, не выпуская обрывок из руки.

– Почему вы сожгли всё это?

Он вздохнул так тяжело, что от его дыхания разлетелся пепел.

– У меня ничего не получается.

– Что не получается?

– Построить церковь.

Она замерла с обрывком бумаги в руке. Слова, сказанные однажды Сабато Сабатини, всплыли у неё в памяти. Словно невзначай, она спросила:

– Для дожа?

– Не для него. Если бы мне предстояло угодить только Себастьяно Веньеру, я бы прекрасно с этим справился. Нет, это для более требовательного Господина. Для Бога.

Фейра выронила обрывок и выпрямилась, вытирая испачканные в золе пальцы об юбку. Девушка не знала, нужно ли оставить его наедине с самим собой, но ведь она выдала себя и накричала на него, и обратного пути уже не было. Кроме того, он, казалось, не прочь был поговорить, да к тому же он один мог открыть ей дорогу к дожу.

– А что вы уже сделали? – спросила она.

– Я измерил место..., – он махнул рукой на камин, – начеркал столько линий, что их хватит до Иерусалима. И заставил своего бедного чертежника начертить достаточно, чтобы вернуться обратно. Но все это – никуда не годные каракули.

Фейра подумала о чертежнике по имени Суббота и его испачканных чернилами руках, которые он расчесал до крови.

– А что он думает о том, что вы сделали? – спросила она строго.

– Он меня хорошо знает. Вы знакомы с Сабато Сабатини?

– Я его племянница, – осторожно заметила Фейра.

Он посмотрел на неё, и она увидела, как крошечные свечки весело вспыхнули в его глазах.

– Конечно же, нет. Для начала – его сестра не замужем. А потом – ты только что бормотала, как язычница. Ты мавританка? Или, может, русская? – прочитала в его глазах девушка.

Он не казался рассерженным, скорее любопытным.

– Я из Константинополя, – сказала Фейра, собравшись с духом, она уже хотела было рассказать ему свою историю, но Палладио, поглощенный собственными тревогами, вовсе не интересовался ею.

– А, *Константинополи*, – промолвил он задумчиво. – Мне говорили, там множество удивительных храмов.

Он не мог сказать ничего лучшего, чтобы снискать её расположение. Она порывисто подошла к его креслу.

– О да! Там много мечетей. Помимо чудес Святой Софии, там есть Сулейманийе, которая стоит на холме, над Золотым Рогом; это самая большая мечеть в Стамбуле, с четырьмя минаретами. А ещё мечеть Фатих с медресе, приютами, банями, больницей и библиотекой.

Внезапно она оказалась там, на мощеных улицах родного города – тёплых, залитых солнцем. Фатих больше, чем другие здания, олицетворял для Фейры

принцип мизана, так как заботился не только о душе, но и о разуме и теле.

– Ещё там есть мечеть Беязит – посреди гигантского комплекса. У неё огромный купол, опирающийся на четыре столпа, – она описала купол руками, высоко подняв их в свете свечей. – Настоящий шедевр! – она не могла остановиться, поддавшись внезапно овладевшей ею ностальгией. – И мечеть Эйюп – самая старая из них. Она находится за городской стеной, недалеко от Золотого Рога, там, где, как говорят, похоронен знаменосец Пророка Мухаммеда. Она так прекрасна, что уже много веков правоверные стекаются к ней.

Великий Синан не стал бы сидеть и жалеть себя, сжигая чертежи, подумала Фейра.

– В Константинополе архитекторы одержимы своим видением, – объявила она. – Я знала одного: он не ел с раннего утра до захода солнца. Когда свет меркнул, и нельзя было больше строить, *только тогда* он нарушал свой пост.

– Я рад бы позаимствовать его вдохновение – моё, кажется, иссякло, – задумчиво произнёс Палладио, поглощенный своей печалью.

Он поднялся и стал теребить задвижку на створчатом окне.

– Все храмы, которые ты назвала, я мог бы затмить своими церквями. Смотри, – внезапно воодушевившись, он принялся выдвигать ящики под длинным чертежным столом и доставать из их глубин целые кипы планов.

– Вот, – он стал читать подписи, – портал церкви Санта-Мария-дельи-Серви. А вот это фасад базилики Сан-Пьетро ди Кастелло. Монастырь дела Карита. Фасад церкви Сан-Франческо дела Винья. Собор Сан-Джорджо Маджоре. И это далеко не все. А теперь, *теперь*, я получил свой первый заказ от Венецианской Республики и не могу провести ни одной стоящей линии.

В отчаянии он ударил кулаком по ладони. Фейра взглянула на разбросанные чертежи.

– Почему эта церковь должна отличаться от остальных? – спросила девушка.

Палладио вскинул руки и схватился за голову.

– Потому что это приношение. Я связан контрактом, печать поставлена, бумаги подписаны и разорвать договор невозможно, – он снова сел, тяжело уронив руки. – Дож считает, если я создам чудо архитектуры, достойное Его славы, Господь пощадит наш город. Он думает, венецианцы согрешили, и Бог карает их за это.

Фейра, заинтересованная этим новым взглядом на трагедию, не открыла ему, что зараза пришла в Венецию вследствие ужасающего замысла одного смертного человека, восседающего во дворце Топкапы. Она вспомнила свою прежнюю профессию.

– А врачи? Ведь здесь должны быть врачи, – заметила она.

– Завтра дож пришлет мне одного, чтобы позаботиться о моем здоровье. Он думает, врач спасет *меня*, но только Господь в силах спасти *нас*, – Палладио сжал свои шершавые руки, словно в молитве. – Это не имеет значения, у меня контракт, и я должен выполнить его. Но у меня ничего не выходит, – он взглянул на неё. – Что ты делаешь, когда у тебя что-то не получается?

Фейра вспомнила множество случаев в гареме, когда её лечение не давало результата.

– Я возвращаюсь к началу, – сказала она просто. – Думаю, вам надо отыскать самое начало.

– *Отыскать начало*, – задумался он.

Его молчание длилось так долго, что Фейра подумала, не пора ли ей удалиться. Она стала оглядываться. Её взгляд упал на один-единственный рисунок, прикрепленный к стене, до которого огонь не добрался. Она подошла к нему.

Это был портрет мужчины с развевающимися волосами и огненным взглядом. Фейра невольно покраснела. Мужчина был без одежды, в расцвете сил, с глазами, как пламя, и волосами, как солнечные лучи. У него было в два раза больше конечностей, чем у людей, – все вытянутые, как у паука, одни очерчены кругом, другие – квадратом.

Человек внутри круга внутри квадрата.

– Зачем вы храните это? – спросила она.

Архитектор очнулся от своего забытья и медленно поднял глаза.

– Потому что это не моё. Это нарисовал человек по имени Леонардо – из Винчи, недалеко от Флоренции. С этого рисунка для меня всё и началось. Это..., – он вскочил, будто прозрел, – это и есть моё начало.

Внезапно оживившись, Палладио схватил ближайшую свечу и, прихрамывая, поднялся по узкой винтовой лестнице в библиотеку. Круг шафранового света скользнул по корешкам книг, осветив буквы точно так же, как чернила его собственных чертежей вспыхнули в пламени. Он достал с полки один старый том и сдул с него пыль.

– Вот мой старый друг, – сказал он.

Спустившись, он швырнул книгу на стол, поднялось облако пыли. Она прочитала длинное слово на переплёте. Сначала ей показалось, что там написано «Венеция», но, внимательно приглядевшись, она прочитала: *“VITRUVIUS”*.

– Ты читаешь на латыни?

Фейра изучала монастырские травники в библиотеке Топкапы, но могла прочесть всего несколько слов.

– Нет, – ответила она.

– Он был архитектором ещё во времена римского правления, – Палладио улыбнулся. – Когда твоя страна и моя были единой империей.

Фейра наблюдала, как он переворачивает страницы, – рассматривая его руки, бережно касавшиеся листов. Они были испачканы чернилами, как у Сабато, тяжелые и вильные, с короткими квадратными ногтями и огрубевшими, мозолистыми кончиками. Это были руки рабочего, а не вельможи; однако его речь ей было легче понимать, чем всех остальных жителей дома. Она решила, что он не был рожден дворянином. Она взглянула через его плечо на книгу.

– С чего она начинается?

Он стукнул указательным пальцем по первому рисунку.

– С этого, с круга внутри квадрата.

– Это и есть ответ? – нахмурилась Фейра.

Хозяин вздохнул.

– Витрувий – моё начало и мой конец, моя альфа и омега; его геометрическим законам подчиняется всё, что я делаю; да и не только это, а вся Вселенная, – он показал рукой на открытое окно, жестом охватывая весь космос, указывая Фейре на ночь, царящую снаружи, бархатистую, украшенную блесками звезд. – Я строил свою жизнь на плечах Витрувия. Он – моё вдохновение.

Фейра взглянула на звезды – те же самые звезды, которые сияли над Константинополем. Она задумалась о минаретах и куполах Мимара Синана. Она вспомнила затем Нурбану, как та трудилась над чертежами своей мечети вместе с этим усердным человеком, предлагая сделать лестницу, декоративную арку или узорчатую ширму. Фейра снова взглянула на книгу Витрувия. Круг внутри квадрата. Теперь форма казалась другой, трёхмерной, преобразовывалась у неё на глазах. Это была не пустая фантазия. Это был купол.

– Возможно, ваш бог не хочет того, что уже было. Возможно, он хочет чего-то нового, – она говорила осторожно. – Тот, о ком я рассказывала вам. Его зовут Мимар Синан.

– Неверный!

Она строго поправила:

– Архитектор.

Палладио склонил голову.

– Уже поздно. Приходи утром. Днём меня будет ждать этот надоедливый доктор, а ты приходи ко мне пораньше. Я послушаю про этого Синана.

Поклонившись и отступая к двери, она увидела при свете свечи, как Палладио увлеченно перелистывает страницы своими огрубевшими пальцами. Он достал чистый листок бумаги и кусок угля и принялся рисовать – снова и снова – круг внутри квадрата.

Глава 21

Когда на следующее утро Фейра пришла в мастерскую Палладио, комната выглядела совсем иначе.

Стены почистили, и единственным напоминанием о пожаре было черное пятно на гобелене, висевшем над камином. Чертежи были снова убраны, на столе лежала только книга Витрувия, открытая на странице с кругом внутри квадрата, а рисунок человека с несколькими конечностями, прикрепленный к стене, взирал на происходящее из своей геометрической темницы. Кресло передвинули в середину комнаты. Палладио пригласил её сесть туда, а сам остался стоять. Фейра устроилась поудобнее – и началась их прогулка по Константинополю.

Архитектор попросил её не шевелиться, положить руки на колени и закрыть глаза. Затем он попросил её представить себя в Константинополе, как она идет от дома к дому. Прихрамывая, он ходил вокруг неё, пока она рассказывала, засыпая её вопросами, словно лучник стрелами. Фейра, заинтригованная, приняла его «игру».

Мысленно она пересекла порог маленького дома на площади Султанахмет, где жила с отцом, и направилась вниз по старой теплой мостовой.

– Отведи меня куда-нибудь, – услышала она, словно издалека, скрипучий голос Палладио.

Фейра свернула налево к базару и прошла через рынок специй. Она была настолько поглощена этими грезами, что даже почувствовала резкий запах листьев и трав, упавших ей под ноги. Она шла, пока не достигла ворот Имарет.

– Где ты? – спросил голос.

– Я возле мечети Сулейманийе, величайшего сооружения, которое построил Синан для могилы Сулейманийе, – теперь она прошла под широкой тенью ворот Муваккитхане, над которыми нависала массивная узорчатая мраморная боковая дверь. – А сейчас я в *авлу* – великолепном монументальном дворе в западной части. Здесь длинный ряд бесконечных арок...

– Перистиль. Продолжай.

Прерываемая вопросами архитектора, Фейра мысленно обошла весь комплекс, описывая его колонны, дворы, минареты во всех деталях.

– А сам храм? – спросил он.

– Главный купол высокий – до самых небес и внутри покрыт позолотой, словно кто-то поймал вспышку молнии. Интерьер почти квадратной формы.

– Круг внутри квадрата, – прошептал голос тише, чем раньше. – Продолжай.

– Две фигуры в целом составляют единое обширное пространство. К куполу прилегают полусводы, а возле северной и южной арок расположены окна с треугольниками над ними, скрепленные радугой крошечных плиток.

– А на чем стоят своды?

Фейра повернулась под куполом.

– Опорные столпы вделаны в стену, но их не видно за арками галерей.

– Он спрятал подпорки, чтобы интерьер выглядел гармоничнее. Умно, – произнес голос, полный восхищения.

– Там только одна *serife*... галерея... внутри и двухъярусная галерея снаружи. Внутри всё отделано изящной изникской мозаикой и деревом, украшенным простым рисунком из слоновой кости и перламутра. Но главная драгоценность – гроб, могила Сулейманийе в белом мраморе.

Фейра была поглощена своими грезами, кружась под усыпанной драгоценностями крышей. Ей казалось, будто она в раю. Резкий стук в дверь внезапно вернул её на землю.

– *Проклятье*, – выругался Палладио. – Это врач.

Взволнованная, Фейра встала.

– Сюда, – хозяин отворил небольшую дверь за лестницей. – Подожди в кабинете.

В маленькой комнате хранилось всё необходимое для работы – перья и чернила, угольные палочки и стопки бумаги. Фейра затворила дверь, придерживая её своим маленьким пальчиком за замочную скважину, но любопытство одержало верх: она приоткрыла дверь и посмотрела в щелочку.

То, что она там увидела, заставило её сердце биться так сильно, что девушка еле удержалась на ногах. Её хозяин сидел в кресле, которое она только что покинула, а над ним нависло отвратительное чудовище в черном, с изогнутым клювом, готовое вонзиться в свою жертву.

Глава 22

Аннибал осмотрел старика. Архитектор был явно богат, судя по бархатным одеждам, размерам комнат и дубовому креслу, где он восседал. Хотя борода его была бела, как снег, глаза у него блестели, словно горный хрусталь.

– Думаю, вы совершенно здоровы.

– Да, здоров, – признался старик. – Но, увы. Я не могу позволить себе заболеть, а дож считает, что вы лучший чумной доктор во всей Венеции.

Аннибал был чужд тщеславию; мать говорила ему, что он красивый ребенок, затем тетушки говорили, что он красивый мальчик, затем бесчисленное количество женщин говорили, что он красивый мужчина. В Падуе похвалы перешли с физического на интеллектуальное, и преподаватели не раз говорили ему, что он самый одаренный студент на своем курсе. А теперь сам камерленго Республики ищет его помощи. Так что он только пожал плечами. Он злился на то, что его оторвали от работы; он злился, потому что камерленго перехитрил его. И он не собирался этого скрывать.

– Значит, вы, – начал он с издёвкой, – самый важный человек в Венеции, потому что строите церковь.

Старик выпрямился в кресле.

– Не просто церковь. А церковь, которая должна умолить Господа Бога спасти нас от чумы.

Аннибал вспомнил улицы, по которым он только что шёл. Валнетти и его коллеги, совершенно очевидно, не смогли сдержать натиска заразы. В некоторых кварталах кресты виднелись теперь уже на каждом доме, липовые гробы стояли на каждом углу, миртовый дым змеился из каждой трубы.

– Молите усерднее, – бросил Аннибал, поправляя маску и собираясь уходить.

Старик показал на клюв своей огрубевшей рукой.

– Эта штука помогает?

– Пока да. В любом случае люди ждут её, а это важнее всего. – Аннибал выпрямился и солгал, чтобы побыстрее уйти. – Должен сказать, маэстро, что если вам удалось так долго избегать чумы, скорее всего, вы уже не заразитесь, – он смягчился. – Но вот что вы можете сделать. Возьмите кусок полотна из чистого льна – такого же плотного, как египетский хлопок, каждый день окуривайте его дымом и завязывайте им нос и рот перед выходом на улицу, – он взглянул на старика. – Кстати, если вы каменщик, вам стоит делать это в любом случае, а то кашель убьёт вас ещё раньше чумы. Либо это, либо держитесь подальше от камней.

Архитектор улыбнулся в свою белую бороду.

– Я не могу держаться подальше от камней. Это моя жизнь.

– В таком случае то, что было вашей жизнью, станет вашей смертью, – отрезал Аннибал.

– Если только я успею построить свою церковь, то пусть смерть приходит за мной, – рассмеялся старик.

Аннибал хмыкнул, и старик посмотрел на него с любопытством.

– Вы не верите, не так ли? Вы не посещаете церковь?
Аннибал пронзил его взглядом.

– Я слишком занят в этом мире, чтобы заботиться о следующем. Вашей профессии это тоже касается: вы лучше послужите Богу, послужив человечеству. Прежде чем строить свою церковь, постройте хорошие дома. Чума так прочно обосновалась здесь по большей части из-за тесноты жилья, антисанитарных условий и отсутствия вентиляции. Здоровье начинается дома.

Глаза старика заблестели, и он впервые толком посмотрел на врача.

– Вы *совершенно* правы, – произнес он решительно, словно нашел родственную душу. – Продолжайте.

Аннибал раскрыл рот, чтобы обрушить свой гнев на Республику и никудышные дома, которые она выделяет для бедных, но воздержался. Ему надо было возвращаться на остров; на его остров, к его пациентам.

– Извините, но меня ждут те, кто *действительно* нуждается в помощи. Я зайду к вам через семь дней, – сказал он коротко и величавой походкой направился к выходу, взмахнув плащом.

К сожалению, весь драматизм его ухода был нарушен тем, что он выбрал не ту дверь. Врач оказался в небольшой комнате, где служанка как раз занималась домашней работой. Она вздрогнула и пронзила его взглядом своих странных янтарных глаз, прежде чем почтительно опустить их на зардевшиеся щеки.

Он сразу же оценил её внешность – так же, как проделывал это со всеми, кого встречал. Кожа у неё была чистой, а лицо светилось здоровьем. Прекрасный экземпляр; по крайней мере, слуги Палладио ещё не успели заразиться, а значит – битва наполовину выиграна.

– Извините, – рявкнул он на неё резче, чем следовало, раздраженный абсурдностью ситуации, и

наконец покинул комнату – на этот раз через нужную дверь.

Глава 2

Каждое утро Фейра проводила в *мастерской* Палладио. Её освободили от прежних обязанностей, а Сабато Сабатини приказали приходить только после обеда. Никто в доме не позволял себе никаких замечаний: хозяин снова принялся за работу.

Фейра рассказала ему о новой мечети, которую Синан строил для её матери и которая должна была стать гробницей Нурбану. Во время их бесед Сабато Сабатини часто ходил по комнате, и Фейра чувствовала на себе его взгляд из-за очков, словно её голос и черты лица воскрешали для него Сесилию.

Хотя вскоре она забыла про Сабато, потому что Палладио стал расспрашивать её подробнее. Поскольку она видела, как строилась мечеть, он выяснял у неё, как был сооружен купол, на чем он держался, и даже интересовался, как каменщики шлифовали камни. Он был одержим этой идеей. Как превратить круг внутри квадрата в сферу внутри куба? Ведь для возведения настоящего купола, приятного для глаз и отвечающего всем геометрическим законам Витрувия, он должен

иметь равное пространство под основным сводом – пустоту, которую молящиеся наполнят своей верой.

Иногда он рисовал, делал заметки на полях, вычерчивал детали. А временами рисовала она, чувствуя, что перо послушно её руке, ведь она училась рисовать анатомию человека. Вновь и вновь взгляд Фейры падал на рисунок Витрувия, прикрепленный к стене. Его геометрия лежала в основе всех окружавших её рисунков, а его выразительность являлась ярким примером сочетания знаний Фейры и архитектуры Палладио – анатомии и зодчества.

Иногда Палладио расспрашивал о самом Синане, и она старалась вспомнить как можно больше об этом тихом, скромном человеке. Между ними было много общего – между Мимаром Синаном и Андреа Палладио: оба бородатые, добрые, одержимые своими творениями, – эти двое могли быть родственными душами. Однако каждый раз, когда Палладио спрашивал о новых постройках, он не забывал спрашивать и о старых.

Снова и снова он просил Фейру рассказать о мечети Эйюп, где покоился знаменосец её Пророка. Он, казалось, был захвачен идеей бессмертия в архитектуре, картиной паломников, стекающих к месту молитвы через многие века после смерти архитектора. Он не проводил различий между её богом и своим, и Фейра задумалась – возможно, он прав. Если Синан и Палладио – две стороны одной монеты, как той, которую она носила на груди, возможно, бог Запада и бог Востока – похожи. Возможно, Всемогущий Господь Палладио и её Аллах – зеркальные отображения.

Она упрекала себя за кощунственные мысли и каждую ночь забиралась к себе на мансарду и молилась как можно громче, чтобы заглушить нескончаемый колокольный звон. От Короны Кучины она знала, в какое время проходят службы, и по этим часам теперь текли

её дни – полунощница, заутреня, третий час, шестой час и час девятый. Кухарка постоянно перебирала свои четки, и непоколебимая вера Короны Кучины напомнила Фейре о её собственном саяте – пятикратной ежедневной молитве. Она поклялась выполнять всё это сердцем и разумом, даже не имея возможности совершать омовения и преклонять колени пять раз в день в обозначенное время; однако повседневные заботы и обязанности, а также время обеда и ужина никак не способствовали этому, и она вскоре забыла о своём намерении.

Но когда она вспоминала, то молилась страстно и безнадежно, сжимая свою жёлтую туфельку. Она стала бы молиться ещё усерднее, если бы знала, что однажды вечером в темном углу дворца дожа невидимая рука бросила лист бумаги в почтовый ящик. Ящик представлял собой всего лишь щелочку, но она находилась в пасти каменной львиной головы, за которой прятался потайной сейф, стоявший в кабинете самого камерленго – и только он один мог его открыть. В тот вечер донесение, которое поглотил лев, состояло всего из нескольких неразборчивых строчек: адрес дома с золотым циркулем и имя – Фейра Адалет бинт Тимурхан Мурад.

Глава 2

Время шло, и Фейра всё чаще размышляла о концепции *мизана* – балансе.

Она всегда верила, что недуги ума так же разрушают душу, как болезнь – тело, и Палладио был наглядным примером этого. Фейра излечила Палладио и вернула ему вдохновение. Она всё ещё проводила с ним каждое утро, рассказывая о величайших творениях Востока, а после обеда он садился за новые чертежи своей увенчанной куполом церкви вместе с Сабато Сабатини.

Торговцы приносили стопки свежей бумаги и горшочки с чернилами, палочки черного угля и опилки для промокания, пахнущие лесом. И чертежник работал, пока не падал от усталости далеко за полночь, в то время как Палладио заглядывал ему через плечо или шагал по комнате у него за спиной, объясняя и размахивая руками, вычерчивая арки и колонны в воздухе. И на бумаге стало рождаться чудо, земная копия видения Палладио, идеально высчитанное и измеренное, каждая деталь аккуратно прорисована, с

четкими планами для каменщиков, которым предстояло воплотить это в камне.

Впервые Фейра оценила умения Сабато. В то время как рисунки Палладио были прихотью, капризом, Сабато привязывал их к реальности, чертил их бесстрастно, но с непостижимой точностью, превращая фантазию в явь.

Фейра больше не беспокоилась за разум Палладио, теперь её волновала его телесная оболочка. Она прислушивалась к биению его сердца, когда он склонялся над чертежами, и понимала, что если чума сейчас ворвется в дом, он погибнет. Она вспомнила про врача в птичьей маске. Ей верилось с трудом, что врачи в Венеции расхаживают в таком обличье, словно шаманы дикарей, и она с удивлением узнала из его разговора с Палладио, что он считается лучшим чумным доктором в городе. Она была согласна лишь с некоторыми замечаниями, которые он сделал, – то, что он сказал о домах, безусловно, совпадало с принципом мизана, и маска на лице действительно могла защитить её хозяина от миазмов улиц, но его уверенность в том, что Палладио вне опасности, казалась ей преждевременной. Профилактика для здоровых столь же важна, как и лечение для больных, особенно для человека с такими плохими легкими, как у Палладио, что делает его более восприимчивым к болезням, передающимся по воздуху. Что ж, если человек-птица не заботится о её хозяине, это сделает она.

* * *

Однажды утром Фейра пришла к Сабато Сабатини и рассказала ему, что ей нужно. Она нашла его в кабинете, он разрезал алебастровую бумагу на листы нужного размера. Он молча выслушал длинный

перечень, затем снял очки и почесал свои взъерошенные волосы.

– Фейра, – сказал он, – ты просишь невозможного. – Он вернул очки на нос. – Наш хозяин сейчас в самом разгаре работы над церковью и не потерпит переполоха в доме.

– Как ваши руки? – спросила его Фейра.

Сабато Сабатини растопырил пальцы и взглянул на них так, словно видел впервые. Шелушение и раздражение почти полностью прошли – кожа стала гладкой и чистой.

Фейра приподняла брови.

Он вздохнул.

– Ну хорошо.

Фейра не пошла к Палладио в то утро. Вместо этого она попросила Корону Кучину наполнить огромный глиняный горшок поташем и гусиным жиром, которым она заделала щели в каждом окне, и крепко закрыла обе створки, связав их бечевкой. Приближалась зима, так что никто из домочадцев не стал возражать. Когда Палладио начал ездить на место строительства на Джудекке, Фейра попросила Сабато возить его туда в гондоле с *felze* – черным навесом, чтобы ограничить контакт с воздухом. В больших покоях она велела выстирать и обработать дымом постельное белье хозяина, а занавеси натереть камфарой. Фейра сделала порошок из алоэ, ароматического бальзама и каламита. Она смешала компоненты в ступке, добавив розовой воды из Дамаска, и сделала из этой пасты небольшие продолговатые брикеты, чтобы класть их на камин.

Она заперла задние двери, к которым обычно приходили торговцы со стороны отвратительной свалки, и настояла на том, чтобы все посетители – знатные и простолюдины – входили через главные двери на площади под золотым циркулем. Главные ворота вели в небольшую прихожую, где хранились плащи, шляпы и

трости, за которой находились другие двери, всегда открытые. Фейра очистила небольшой гардероб, подмела каменные плиты и усыпала их тростником, смоченным в руте с поташем, затем сбрызнула кассией, уксусом и розовой водой. В стенных нишах она поставила свечи, которые сделала сама из древесной золы, бараньего жира и воды, наполнив каждую из них стружкой древесной смолы из своего пояса. Каждый посетитель должен был пройти через задымленный холл и почистить обувь на тростниках и травах.

Фейра велела строго следить за тем, чтобы дверь на улицу открывалась только после того, как будут закрыты двери, ведущие в дом, а когда открываются двери, ведущие в дом, двери на улицу должны быть закрыты.

Палладио, даже если и замечал эти меры предосторожности, ничего не говорил. Его ничего не беспокоило, если не отвлекало от работы.

И ничто не отвлекало до той самой ночи, когда ему показалось, что чума все-таки явилась за ним.

Глава 25

Была глубокая ночь, и резкий стук в дверь пробудил Фейру от кошмарного сна.

Заспанная, она открыла дверь и увидела Сабато Сабатини в ночной рубашке, жмурящегося в свете свечи.

– *Иди и посмотри*, – произнёс он.

Она вздрогнула от этих слов, но без возражений последовала за ним сквозь причудливые тени освещенной свечой лестницы.

Сабато отчаянно шептал ей на ухо, пока они спускались.

– У хозяина жар, у него на коже появилась опухоль – величиной с мушмулу.

Фейра чуть не споткнулась, оцепенев от дурного предчувствия, но овладела собой.

– А пальцы – они почернели? – спросила она.

Сабато покачал головой с всклокоченными седыми волосами.

– Не знаю.

Покои хозяина находились двумя этажами ниже мансарды, где располагалась её комнатка. Фейра каждый день разжигала там камин. Подойдя к огромной

постели на четырёх опорах, она раскрыла тяжелые, смазанные камфарой занавеси. На кровати лежал, скорчившись, хозяин в своём ночном колпаке и рубашке; его лихорадило, борода и волосы намокли от пота. Но девушка не пала духом. Лицо у архитектора покраснелось, на нём не было и следа тёмного, землистого цвета, как у человека, иссушенного чумой; пальцы у него оказались розовыми, а когда она надавила на их огрубевшие кончики, кровь прилила обратно к ним. Попросив Сабато поддержать свечу, она осмотрела его подмышки. Хотя и мокрые от пота, они были нетронуты.

Не задумываясь о приличиях, она собиралась приподнять его рубашку и исследовать пах, когда увидела опухоль, о которой говорил Сабато. Она выступала со стороны левого колена, желтая и плотная, как айва. Фейра вздохнула с облегчением. Это не чума. Но радоваться было рано: её хозяин был стар и находился во власти смертельно опасной горячки.

Корона Кучина, которая принесла немного граппы для хозяина, со звоном поставила поднос возле кровати и принялась осенять себя крестным знаменiem так быстро, что рука замелькала на груди.

– Это чума? Это конец? – простонала она.

– Нет, – коротко ответила Фейра, возвращая ей граппу. – Унесите, это ему вредно. Вскипятите, пока не появятся пузырьки, а затем принесите обратно.

Ей показалось, что она знает причину опухоли. Палладио страдает подагрой. Она распознала болезнь ещё в тот первый раз, когда увидела, как он, прихрамывая, исследовал руины на Джудекке – в день, когда умер её отец. Опухоль на колене, набухшая из-за жидкости, скопившейся в суставе, нагноилась, и её нужно вскрыть. Вздыхнув, она сняла свой пояс и выложила все необходимое. Если бы она заботилась о

нем, Палладио никогда не дошел бы до такого состояния.

Она нагрела свой серебряный скальпель на свече и отложила его остынуть. Затем достала немного драгоценной буквицы и лимонной мяты для заживления ран, потом оторвала кусок простыни и посыпала его известкой. Всё готово.

Обуреваемая ужасающим воспоминанием, она вскрыла опухоль и наблюдала, как вытекает зеленоватый гной. Она подождала немного и смочила рану горячей граппой, которую принесла Корона Кучина. Затем достала иголку и нитку и смочила их в граппе.

– Боже милостивый! – произнесла кухарка, внимательно наблюдая за её действиями. – Неужели ты собираешься заштопать нашего хозяина, как подушку?

– Держите его ногу, – сказала Фейра вместо ответа, – а если он проснётся, влейте ему в горло остаток граппы.

В османском обществе алкоголь был под запретом, но в больницах разрешалось использовать его как лекарство. Во дворце Топкапы слуги третьего двора притворялись больными, чтобы попасть в больницу и выпить вина. Фейра хмуро улыбнулась своим воспоминаниям и нагрела иголку в пламени свечи, на этот раз не остудив её – так легче прижечь рану – затем она стала зашивать, аккуратно, стежок за стежком. Как учил её Хаджи Муса, она поддевала смоченную в вине нитку под каждым стежком, чтобы закрепить его. Сделав узел и отрезав нитку, она открыла кожаный футляр на своем поясе и посыпала рану толченым стеклом, наложила сверху буквицу и перевязала ногу льняным лоскутом, покрытым известью. Палладио не приходил в сознание.

– Я останусь здесь до утра, – сказала она Сабато, и он кивнул, выпроводив бурно протестующую Корону Кучину из комнаты.

В предрассветный час голова Фейры упала на изножье кровати, и она, наконец, провалилась в сон. Девушку разбудили колокола, призывающие к полунощнице. Её пациент мирно спал – лихорадка оставила его, он дышал ровно, щеки у него порозовели.

С облегчением она спустилась вниз, но Корона Кучина немедленно прогнала её к себе, на мансарду, ведь только она во всем доме знала, какую ночь той пришлось пережить.

* * *

Фейру разбудили громкие голоса.

Солнце стояло высоко над городом, видимо, уже был полдень. Она поспешила к лестнице и узнала резкий, высокомерный тон человека-птицы.

Девушка бесшумно спустилась на два этажа и прислушалась возле двери, ведущей в покои хозяина. Зная, что на служанку обычно никто не обращает внимания, смело взялась за дверную ручку и вошла в комнату.

Действительно, врач был тут. Когда она вошла, человек-птица не обернулся. Он склонился над её хозяином, лежащим на кровати, словно стервятник, ожидавший найти падаль и раздраженный тем, что его жертва всё ещё жива. Фейра подошла ближе, поправляя постель Палладио, хотя в этом не было никакой необходимости, и прислушалась.

– Кто это сделал? Вас посещает другой врач? Валнетти?

Аннибал был уязвлен, и гнев мешал ему мыслить рационально. Это не мог быть Валнетти. Такой шов он видел лишь однажды, с петлей на каждом стежке, когда в Падую приезжал врач из Персии. Он придвинулся так близко к ране, как только позволяла его маска. Даже

через клюв терпкий запах граппы ударил ему в нос; значит, врач обработал нить, подготовил компресс из буквицы, затем зашил рану – аккуратно, словно кружевница с острова Бурано. Кроме того, рану прижгли. Значит, это не Валнетти, у него мастерства не больше, чем у мясника.

– Если вас посещает другой врач, я не могу гарантировать вашу безопасность.

Если Палладио признает, что есть другой врач, как быть со сделкой между Аннибалом и камерленго? Если он не будет заботиться об архитекторе, возможно, ему придется вернуть свой остров. Войдя в комнату, он почувствовал запах смолы в передней, заметил очищающие травы на полу и обратил внимание на то, что окна смазаны жиром и пеплом; точно такие меры он должен был ввести здесь сам. Чувство вины ещё больше подогрело его гнев.

– У меня нет другого врача, – сказал Палладио примирительно, глядя мимо врача на служанку, стоявшую у изножья кровати.

Аннибал повернулся к ней и увидел, как у той красноречиво зарделись щёки. Он подошел к ней так близко, то чуть не упёрся клювом ей в лицо.

– Кто научил тебя зашивать раны? – спросил он, наклонив свою птичью голову на бок и изучая её. – Откуда ты?

Служанка попятилась к двери.

– Стой, стой!

Но она развернулась и убежала.

Глава 26

Палладио всё реже появлялся дома.

Он собрал своих каменщиков и строителей, и его церковь стала расти на глазах.

Они с Фейрой теперь поменялись ролями. Он описывал ей свою церковь, рассказывая, как клали фундамент, ставили колонны и подпорки. Хозяин пригласил её на стройку посмотреть, как стены вырастают из земли, но она не решилась вновь оказаться в том месте, которое навсегда останется в её памяти могилой отца.

Она испугалась ещё больше, когда узнала от Палладио, что строителям мешают паломники, толпами стекающие к колодцу за водой, веря, что она обладает чудотворными исцеляющими свойствами. Легенда возникла из рассказа о Святом Себастьяне, о котором говорил дож, и Палладио пришлось нанять охрану, чтобы положить конец этому безумию.

Фейра заметила его тон и пристально взглянула на него.

– Как вы поступите с колодцем? – спросила она.

– Обнесу стеной, – бросил он вскользь.

Фейра подумала о костях своего отца, навеки погребенных в самом сердце христианской церкви.

– Разве вы не верите в чудеса? – спросила она, заставив окаменеть собственное сердце.

Палладио задумался на мгновение.

– Нет.

Она вспомнила мать, отца.

– Я тоже.

* * *

Судьба колодца угнетала Фейру. Опасный, отчаянный побег с Джудекки вынудил её отложить печаль об отце, и теперь она накрыла её, словно приливная волна, с такой силой, что могла сбить с ног. Она чувствовала утрату, как физическую боль, – под самым сердцем. К её горю примешивались теперь и мрачные предчувствия. Прошла неделя, приближался следующий визит человека-птицы, и она страшилась мести врача. А так как Палладио и Сабато почти все время проводили на строительстве, страх мучил её ещё больше. К тому же она прекрасно понимала, что человек-птица имеет влияние на дожа.

Каждую пятницу Палладио нехотя оставался дома, чтобы встретиться с врачом, и ему не терпелось вернуться на остров. В пятницу утром Фейра, с потухшим взором, незаметно проскользнула на кухню, где Корона Кучина готовила завтрак. Она вдохнула тошнотворный запах. Обычно пятница, когда весь день готовили рыбу, давала ей передышку от вони нечистого мяса, которое ели венецианцы. Но сегодня морской запах вызывал у неё рвоту. В полдень она слонялась по прихожей, надеясь, что кто-то другой откроет дверь врачу, и когда услышала стук и суматоху в передней,

сразу же спряталась. Согнувшись чуть ли не вдвое от страха, она заставила себя дышать спокойнее, но сердце вырывалось у неё из груди, пока она старалась рассмотреть людей, столпившихся в дверях.

Это пришёл не человек-птица.

Это был незнакомец со стриженными светлыми волосами, которого сопровождали стражники в доспехах, как она узнала, из дворца дожа. Незнакомец стоял к ней спиной. Фейре казалось, что крылатый лев с разинутой пастью, вышитый на его плаще, устремил на неё свой взор. Этот символ внушал ей больше ужаса, чем стража. Когда человек обернулся, улыбка скользнула на его губах, но голубые глаза остались ледяными, и он ужаснул её не меньше, чем лев. «Почтеннейшая, – обратился он к Короне Кучине, которая открыла дверь, – не будете ли вы так любезны собрать всех слуг, живущих в доме?»

Это был не вопрос, а приказ.

* * *

Фейра радовалась, что она не одна. Короне Кучине и ей пришлось протиснуться в мастерскую за остальными слугами – от посудомоек до мусорщиков и посыльных.

Как всегда, в своем дубовом кресле сидел хозяин, поглаживая бороду, Сабато суеился у него за спиной. Внешне Палладио казался спокойным, но Фейра знала, что он кипит от нетерпения. Высокое положение человека, собравшего их здесь, заставило Палладио принять его в такой час, когда работа шла полным ходом. Фейра стала понимать, что все в этом городе преклоняются перед Львом.

Прячась за массивной спиной Короны Кучины, Фейра уже не волновалась, что эта странная встреча имела какое-то отношение к ней.

Незнакомец ждал, когда закроют дверь, прежде чем заговорить.

– Думаю, большинство из вас знают, что я камерленго – камердинер дожа? Никто не ответил на вопрос и не должен был.

– До меня дошли сведения, – произнёс он низким, мелодичным голосом, – что среди вас есть беглянка.

Сердце Фейры застучало.

– Некоторое время назад люди видели, как одна турчанка, неверная, спасалась бегством в этом направлении. Поиски оказались бесплодными, но несколько дней назад мы получили донесение, написанное неизвестным почерком, о том, что она скрывается здесь.

Сердце Фейры забарабанило в груди, и ему ответил стук в дверь. Она обвела взглядом комнату. Все слуги были здесь. Незнакомец, видимо, поставил одного из стражников за дверь. Она в ловушке.

– Не буду испытывать ваше терпение, допрашивая всех собравшихся, – мягко отметил камерленго. – Мужчины могут перейти к камину.

Толпа вокруг Фейры поредела, когда все слуги-мужчины перешли на левую сторону комнаты.

– А теперь все служанки, пришедшие в дом за последний месяц, пусть останутся на своих местах. Остальные могут перейти к камину.

Фейра приросла к месту, не способная пошевелиться, пока остальные рассеялись вокруг неё. Все глаза устремились на неё, но она чувствовала только пронизывающий голубой взгляд незнакомца. Она чувствовала, как он вглядывается в её янтарные глаза, кожу, золотисто-коричневые кудри, выглядывавшие из-под чепца.

– Не надо бояться, – сказал он ласково таким тоном, который подразумевал абсолютно противоположное. – Просто назови свое имя и откуда ты.

Фейра потеряла дар речи. Пожив в этом доме, она стала говорить на венецианском диалекте вполне сносно, но её акцент не мог обмануть местного жителя, поэтому она всё ещё старалась не разговаривать ни с кем, кроме хозяина и Сабато, да немного общалась с Короной Кучиной. Она в отчаянии взглянула на двух мужчин, которые приютили её, – один из них знал её историю, а другой нет, но обоим было известно её происхождение. Палладио не шелохнулся, но в его глазах читалось предостережение; Сабато ерзал, ломая руки.

Камерленго подошел ближе. Она почувствовала сладкий запах ясменника, исходивший от него.

– Ну что же ты, – сказал он. – Не хочешь говорить?

Сабато бросился вперед, споткнулся, выпрямился.

– Она моя племянница! – выкрикнул он взволнованным голосом. – Она поступила к нам тогда, когда прежняя служанка покинула дом с приходом чумы.

Камерленго ни на секунду не спускал своих светлых глаз с лица Фейры. Слово он и не обратил внимания на замечание Сабато, хотя слышал каждое слово.

– Это так?

Только Фейра открыла рот, чтобы выдать себя, как почувствовала боль в спине от удара распахнувшейся двери: на пороге стоял человек-птица.

Он прошествовал в комнату с не меньшим величием, чем камерленго.

– Что тут происходит? – возмутился он, и его тон казался ещё внушительнее благодаря ужасающей маске с клювом.

– Всего лишь допрос, Касон. Успокойтесь.

– Успокоиться! – воскликнул человек-птица, доставая из своего черного плаща круглую плашку из желтого металла, которая блеснула в солнечных лучах, когда он высоко поднял её.

– Что это?

– Ну же, Касон, вы и сами прекрасно знаете. Это печать дожа. Ведь это я вам её дал, – улыбнулся камерленго.

– А зачем вы дали мне это? – кивнул клюв.

Камерленго промолчал.

Человек-птица сам ответил на свой вопрос.

– Чтобы я смог защитить вот этого человека от чумы, – он указал на Палладио рукой в черной перчатке. – Вы пришли на мой остров и сказали, что сам дож желает, чтобы я каждый день посещал архитектора и не давал заразе проникнуть в его дом? Разве не так?

Камерленго опустил голову.

– И как же, позвольте спросить, я смогу выполнить свою работу, если вы прошли полгорода, прежде чем ворваться в его мастерскую, принеся Бог знает что в своем дыхании и на своей одежде? Мой господин дож поручил мне заботиться об архитекторе. И я решил изолировать его. И должен просить вас удалиться, – красные стеклянные глаза обвели всю комнату. – *Немедленно.*

– Но...

Человек-птица высоко поднял печать. Камерленго раскрыл было рот, чтобы возразить, но в итоге лишь кивнул головой, и стражники покинули комнату. За ними последовали слуги, вопросительно поглядывая на Фейру.

Камерленго задержался на секунду, словно хотел что-то сказать, а затем вышел из комнаты. Он не смотрел больше на человека-птицу, но его взор упал на Фейру, стоявшую в тени врача, и именно её он одарил прощальным взглядом своих голубых глаз.

* * *

– Он догадался, – прошептал архитектор.

– Конечно, догадался, – презрительно ответил человек-птица архитектору. – Он знает всё.

Сабато ходил по комнате, размахивая руками, как подрезанными крыльями.

– Пусть он перестанет, – сказал человек-птица Палладио, словно Сабато не слышал его.

– Оставьте его в покое, – ответил архитектор. – Дож благочестив и милосерден, а вот его пёс – нет. Не удивительно, что его боятся. И он ещё вернётся.

Фейра, дрожа, прислонилась к стене, пытаясь осмыслить происшедшее.

Она готова была поклясться, что это врач донес на неё, но оказалось, он спас её.

– Нужно спрятать Фейру, – сказал Сабато Сабатини.

Палладио все ещё сидел, ошеломлённый.

– Кто такая Фейра?

Сабато указал на девушку, стоявшую в тени.

– Она. Служанка, которую вы знаете под именем Сесилия Сабатини.

Палладио взглянул на неё пристыженно. По этому единственному его взгляду она поняла, что ему небезразлична её судьба, и он знает, скольким обязан ей, поэтому ему стыдно, что он никогда не интересовался её жизнью.

– Конечно, мы спрячем её, – сказал он.

– Но где? – зубы Сабато стучали от страха. – В этом доме много укромных уголков, но камерленго сразу найдет её. Тем более что среди слуг есть такие, кто не станет её укрывать, зная, что она турчанка. Даже Корона Кучина; как вы знаете, её муж погиб при Лепанто.

Фейра сглотнула. Даже Корона Кучина, её подруга и защитница?

– Я мог бы отвезти её в Виченцу, – задумался Палладио.

– Нет, – возразил Сабато. – Она теперь связана с вами. Если её найдут в вашем доме, это подвергнет опасности всю вашу семью.

Человек-птица выдержал небольшую паузу. Он не принимал участия в разговоре; к нему это не относилось. «Что ж, мне пора возвращаться на свой остров», – думал он.

Внезапно оба старика обернулись к нему. Человек-птица сделал два шага к двери, расставив руки в перчатках.

– Я не могу её взять. Мне надо управлять больницей.

– Больница на чумном острове, куда никто не решится проникнуть, – возразили ему.

– Мне не нужна служанка.

– Она прекрасно разбирается в медицине. Вы сами видели.

Человек-птица был неумолим.

– Я категорически против. Мне пора. Я зайду к вам через неделю.

Палладио встал.

– Через *неделю*, – произнёс он медленно, подчеркивая каждый слог. Он подошел вплотную к врачу, так что его нос почти прикоснулся к клюву. – В присутствии камерленго, – спокойно заметил архитектор, – вы сказали, что приходите каждый *день*. Но это не так. Вы появляетесь раз в *неделю*.

Наступила неловкая тишина.

– Ему будет интересно это узнать, – стал размышлять Палладио вслух. – Какое наказание он придумает для вас?

Врач замер.

– Однако, – продолжил архитектор, – если вы возьмете *Фейру...*, – он заботливо произнёс её имя, – то можете являться сюда с каждой новой луной, то есть раз в *четыре* недели, и от меня дож точно ничего не узнает.

Человек-птица неожиданно вышел из оцепенения, схватив свою трость.

– Хорошо, – рявкнул он. – Но она должна идти прямо сейчас.

– За домом наверняка наблюдают, – предупредил Палладио.

– Водяные ворота, – предложил Сабато. – Я найду гондолу с навесом, какой обычно пользуется мой хозяин. – Он повернулся к Фейре. – Иди собери свои вещи.

Фейра помчалась на мансарду, мысли кружились в голове, как водоворот. Но думать тут не о чем – она должна идти. Вещей у неё было мало: только платье на ней, кольцо на шее, монетка на груди и желтая туфелька под кроватью, в которой позвякивали цехины, которые она успела заработать. Мгновенье спустя она снова была внизу.

Следуя за Сабато Сабатини в полной тишине, за исключением шипящего факела, Палладио, человек-птица и Фейра шли по тёмной винтовой лестнице, ведущей к месту, где Фейра ещё не бывала, так как никогда не покидала дом на лодке.

Она стояла на влажной платформе. За каменным возвышением находилась пристань; зелёный прозрачный прямоугольник воды, где в прошлые века пришвартовывались семейные гондолы и баркасы.

Сабато открыл двери на пристань, и она увидели, как к ним приблизилась черная гондола с черным навесом, преодолевая будничное движение гондол и паромов, пересекавших сверкающий на солнце канал. Дюжий человек, стоявший у весла, поднял руку и подплыл ближе, чтобы забрать пассажиров. Врач первым ступил на судно, оглядываясь направо и налево в поисках шпионов и размахивая при этом клювом.

Сабато бледно улыбнулся Фейре, как всегда не находя себе покоя, и она понимала, что ему жаль

отпускать её. Палладио отвел её в сторону и ласково взял за руку.

– Надеюсь, мы ещё увидимся, и однажды ты согласишься на мою церковь, ведь она – плод твоего ума не меньше, чем моего, – сказал он подавленно, помогая ей перейти в гондолу.

Навес закрылся, и она оказалась в темноте, клюв человека-птицы тянулся к ней, белая во мраке.

Часть 3

Лев

Глава 27

Весь путь до Фондамента Нуове Аннибал хранил молчание.

Он не проронил ни слова, когда на побережье пересадил Фейру в судно покрупнее, и переговорил только с гребцом, указав ему путь до острова. Он молчал и злился, что его перехитрили уже дважды за неделю. Для него это было внове и совершенно ему не нравилось.

Аннибал раздумывал, что же ему делать с девчонкой, но когда они доплыли до Лаззаретто, он немного остыл. Она была не из болтливых, держалась скромно и благопристойно, сидела в гондоле, словно Мария-ди-Леньо, одна из деревянных Дев Марий, которых можно найти в любой венецианской церкви.

Аннибал отвык от женского общества, с тех пор как скончалась последняя из его тётушек. Мама появлялась в его жизни лишь изредка, но он никогда не говорил о ней.

Единственное предназначение матери – конечно же, быть матерью, и, бросив его, она потерпела полное поражение.

После её бегства о ней ходили столь постыдные слухи, что ему было тяжело даже произносить её имя. Бадесса и её сестры на острове стали его единственной семьей, но они были практичны и набожны, большинство уже в преклонном возрасте, и ни одна не отличалась красотой. А внешность Фейры, напротив, явно взволновала его.

Он помог девушке сойти на пристань, затем пошёл вперед, не дожидаясь её, пока они не достигли главных ворот и ямы с поташем. «Здесь нужно пройти – *осторожно*», – бросил он резко, зная, что ей не нужно ничего объяснять.

Бокка стоял на своем посту возле сторожки, когда подошёл врач. Аннибал даже не замедлил шаг. «Ни слова, – процедил он сквозь зубы, зная, что старик любит пошутить. Она моя служанка, не более того».

Он дошёл до середины лужайки, затем остановился и обернулся так резко и неожиданно, что Фейра чуть не наткнулась на его клюв.

– Как твое имя?

– Фейра Адалет бинт Тимурхан Мурад.

– Где ты училась медицине?

– У Хаджи Мусы, главного врача во дворце Топкапы в Константинополе.

– Ты была его помощницей?

– Я была врачом, – поправила она с достоинством.

Он молчал, пораженный, ведь в этих краях кроме повитух и тех, кто был готов избавить женщину от нежеланного ребенка или нежеланного мужа с помощью яда, женщины не допускались к медицине.

– Как ты попала в дом Палладио?

Некоторое время девушка обдумывала ответ.

– На корабле, – сказала она осмотрительно. – Мой отец был морским капитаном, и он... заразился чумой. Она хорошо говорила по-венециански, но с глубоким, чарующим акцентом. – Я лечила его, когда мы прибыли в

Венецию, но он скончался. Я искала работу в доме архитектора, и он приютил меня.

Аннибал не выразил никакого сочувствия, сразу перейдя к практической стороне дела.

– Ты не заразилась?

– Я чуть не умерла от чумы на борту корабля, но мои нарывы лопнули, и я выжила.

– Так значит – у тебя была эта зараза, и ты выжила.

– Да.

– А твой отец нет.

Она молчала так долго, что ему пришлось заговорить.

– Я покажу тебе остров, – произнес он холодно. – Работа ещё не завершена, но есть чем похвастаться. – Он сам не понимал, почему оправдывается перед ней, и показал на большое здание посреди острова. – Вот моя больница, мы называем её Тезон.

Гордость невольно прозвучала в его голосе, и он стал показывать ей остальное царство. Аннибал не понимал, почему сам устроил ей экскурсию, растрачивая драгоценное время, хотя мог сразу же перепоручить её Бадессе, что и намеревался сделать. По неведомой причине он решил не останавливаться возле кладбища. Видимо, опять гордость, ведь за последние дни смертность возросла, и поздними ночами в его мысли закрадывались сомнения в правильности избранных методов.

– Вот дома, где расположились семьи больных.

Он взглянул на неё искоса, но она не проронила ни слова, внимательно рассматривая дома и улыбаясь детям, которые играли на ступенях. Её улыбка внезапно заставила его забыть, что он собирался сказать.

Она прошла вперед.

– А это? – спросила девушка.

Аннибал вздрогнул и поспешил пройти через ботанический сад, радуясь в душе его четкой

геометрической планировке и тому, с каким усердием там трудятся монахини. Остановившись возле колодца, он разъяснил, как работают резервуар для дождевой воды и семь фильтрующих слоев минеральных солей и песка, которые делали венецианскую воду самой чистой городской водой в мире. Но он заметил, что девушка с любопытством разглядывает каменного льва с запечатанной книгой.

– А эти сёстры в черных рясах – из монастыря Мираколи, – продолжал он.

– Они ухаживают за больными?

– Нет. Только я вхожу в Тезон. Они помогают семьям и мне. Они заботятся о саде, озёрах с форелью, занимаются стиркой. Они ездят на материк за припасами, разводят кур и коз. Я передам тебя Бадессе. Ты можешь есть с сёстрами и будешь помогать им в повседневных заботах.

Он взглянул на неё через маску – на обнаженную шею. Для него не имело значения, что она турчанка, но он знал, что женщины в её стране укрываются вуалью, и задумался, каких мучений ей стоило ходить без покрывала. Большое облегчение – прятать лицо; для него и для неё. «Можешь, укрыть лицо, если хочешь», – сказал он резко.

Фейра взглянула на пустые красные стеклянные глаза, стараясь представить себе, что скрывается за ними.

В Турции большое значение имеет понятие *fearset* – внешние черты. Человеческое тело – одеяние для души, и, следовательно, изучив физические черты, можно определить характер и темперамент. Но человек-птица, устроивший это место, был скрыт с головы до пят, даже больше, чем она привыкла скрывать себя, и его лицом был омерзительный клюв. Она могла судить о нем только по его речи и поступкам: человек-птица предложил ей убежище – не только место, где можно

укрыться, но и настоящее уединение. Здесь, как оказалось, ей позволят закрыть лицо. Это первое проявление доброты с его стороны.

Фейра посмотрела на одну из монахинь, которая копала землю в саду. С её шеи свисал простой шнурок с деревянными четками, на котором висел небольшой металлический крест, поблескивающий на солнце. Точно такой же подарила ей Корона Кучина, и она всё ещё носила его на груди, с миниатюрным пророком-пастухом, висящим на кресте. Она сняла брошь с кружевной шали и бросила её в колодец. Затем повязала шалью голову и повернулась к нему.

– Я не буду помогать им, – сказала она и показала на Тезон. – Я буду помогать вам.

* * *

Человеку-птице понадобилось не больше часа, чтобы понять, что Фейра – настоящая находка для него. Когда колокола прозвенели четыре раза, он позвал её к себе.

– Хорошо, – сказал он. – С этого дня ты будешь сиделкой.

Фейра ничего не ответила. В гареме она занимала более высокое положение, но это было гораздо лучше, чем работа служанки.

- Сколько тебе платил архитектор?
- Один цехин в неделю.
- Значит я буду платить столько же.

* * *

Если Фейра думала, что её повысили, то она ошиблась.

Ее обязанности здесь были намного тяжелее, чем в доме Палладио. В первый день на острове она таскала грязные матрасы из-под больных, кормила и поила их, меняла повязки и ставила компрессы на бесконечные швы, которые находила на каждом пациенте. На неё произвело впечатление устройство Тезона, но до образцовой больницы было ещё далеко. Действительно, человек-птица хорошо изолировал больных, комната с дымом, в которую вели большие ворота, дезинфицировала доктора каждый раз, когда он входил и выходил, и пациентам было вполне удобно на тюфяках – насколько это было возможно. Его врачебные кабинеты были хорошо оборудованы, ботанический сад приносил плоды. Запасы продовольствия и воды находились снаружи, возле сторожки. Но больные лежали вместе, как селёдки в бочке, и никто, казалось, не заботился об их душевном состоянии.

Из разговоров с ними она поняла, что некоторые из них даже не знали, что их семьи совсем рядом. Освоившись немного, Фейра решила внести кое-какие изменения. Ведь это место было ничем не хуже других, где можно заработать пару цехинов, которые она прятала в своей желтой туфельке. Когда чума уйдет, и к городу вновь придут торговые суда, у неё накопится достаточно денег, чтобы уехать домой в Турцию.

В первый день, занимаясь с пациентами в Тезоне, она рассматривала османские слова, нацарапанные на стенах окисью железа. Это были всего лишь списки товаров – шелка и специи, медь и хлопок, но для неё они звучали, как стихи величайших поэтов. А ещё там были гербы кораблей, знаки, виденные ею ещё в детстве на судне своего отца и на бумагах, которые не уступали по своей красоте даже тугре, золотой подписи султанов.

Восточная стена Тезона была украшена удивительно реалистичным изображением османского корабля – похожего на тот, который её отец выводил в море. Она

вспомнила, как стояла на холме, когда ей было не больше восьми, и смотрела, как он поднимает якорь в проливе. Тоска по родине причиняла ей почти физическую боль, и сердце согревала мысль о желтой туфельке с цехинами; она поможет ей добраться до дома.

К концу дня Фейра хорошо изучила остров. Ей можно было ходить даже на небольшое кладбище за колодцем. В свободные минуты она копала могилы вместе с сёстрами, безмолвно воздавая дань тем, кто ушёл, – и обе веры возносили к небу свои молитвы. Она набирала воду для пациентов из колодца, куда бросила свой крест, поражаясь чистоте воды. Она смотрела на каменного льва, а он смотрел на неё, но, как ни странно, здесь, на острове, она его не боялась. Его пасть была закрыта, как и книга. Её пугала именно раскрытая пасть, которая могла поглотить губительные письма.

Она не догадывалась, кто мог её выдать. Не человек-птица. И никто из челяди Палладио не знал, кто она, за исключением самого Палладио и Сабато. Возможно, Корона Кучина каким-то образом раскрыла её тайну по её врачебным познаниям и по акценту? Но это маловероятно. И сколько времени пройдет, прежде чем её присутствие на острове станет известно на материке? Если камерленго и его стражники ищут её, сколько времени им понадобится, чтобы добраться сюда?

Весь оставшийся день Фейра продолжала трудиться, стараясь не привлекать к себе внимания. Единственным местом, куда она не заходила, была церковь. Святой Варфоломей был христианским святым, давшим имя дамасскому дереву, чьими спорами отравили её мать, и поэтому, а также по другим понятным причинам она туда не собиралась.

Но как Фейра упорно сторонилась церкви, так и от неё кое-кто другой старался держаться на расстоянии.

* * *

– Она не может жить с нами, – заявила Аннибалу Бадесса к концу первого дня, проведенного Фейрой на острове. Он воинственно выставил клюв и смахнул остатки дыма со складок плаща.

– Почему? – спросил он, хотя уже знал ответ.

– Она неверная.

Аннибал вздохнул. Он думал, это прекрасное решение. Все сёстры располагались в здании таможни за церковью, в котором была просторная комната.

– Она же не будет жить в самой церкви. Об этом и речи нет.

– Неважно. Таможня – одно из зданий церкви. Она не может жить с нами. – Бадесса дотронулась до его руки. – Я буду ей другом. Постараюсь стать доброй самаритянкой, как учил Господь. Если вы заметили, я дала ей покрывало для головы и сандалии. Но она не должна спать в нашей спальне или входить в церковь. Если вы спросите её, она наверняка скажет то же самое.

* * *

С наступлением сумерек Аннибал показал Фейре небольшой домик недалеко от церкви. Он пострадал от пушечного ядра и был таким ветхим, что врач счёл его непригодным для жилья. Он очень кратко сообщил ей, что слабоумный мальчик, немой, наведёт здесь порядок. Пересекая лужайку, он позвал Салве и поручил ему принести материалы и инструменты и починить крышу. Он видел, что Фейра наблюдает за ними с порога своей хижины. Она взглянула на него, но ничего не сказала.

Этот дом напоминал ей ту крохотную сторожку, где она потеряла отца. На втором этаже сквозь крышу виднелся лоскут голубого неба, и она решила, что до

наступления ночи нужно устроить себе постель в нижней комнате. Она перетащила матрас вниз, но вид постели возле каменного дверного косяка ещё больше напомнил ей о смертном ложе отца. Там было даже гнездо скворцов на развалившемся карнизе, она аккуратно сняла его и перенесла в терновый лес. Она видела, что человек-птица наблюдает за ней с лужайки, но решила не обращать на это внимания.

Когда она вернулась, то обнаружила, что постель перенесли поближе к камину, одеяло аккуратно сложено. В камине разведен огонь, и дрова дымятся, как вулкан. Широкий кусок парусины закрывал окно, в котором уже давно не было стекол. В тени дымохода стоял и маленький человек, уродливый, искривленный.

Фейра постаралась не смотреть на него. Его голова казалась слишком большой по сравнению с телом, словно он был гигантским младенцем. Конечности у него были деформированы и недоразвиты, но он был довольно проворным малым и за несколько минут её отсутствия успел сделать больше, чем она за час. Она заметила страх и недоверие в его глазах, взяла его маленькую изуродованную руку и посмотрела ему прямо в лицо. «Спасибо», – сказала она.

С той ночи у Фейры появился друг на острове. Когда в Тезоне выдавались спокойные минутки, она возвращалась в свой домик и составляла компанию Салве, пока он занимался ремонтом. Несколько недель она разговаривала с ним – дружелюбно и ласково, но не получала ответа. Но в один прекрасный день он заговорил.

– А доктор знает, что ты умеешь говорить? – удивлённо спросила Фейра.

– Нет.

Она догадалась, что разговаривал он редко – очевидно, у него были проблемы с нижней челюстью и языком.

– А твой отец?

Девушка встретила сторожа возле колодца; он был дружелюбным, но она едва успела ответить парой слов на его тысячу.

– Никогда... не... слушает.

Салве знал немного слов, но был не так прост, как считал человек-птица. Фейра стала заниматься с ним, и его речь улучшилась. Однако она заметила, что даже в присутствии отца он не произносит ни звука, а от доктора и вовсе прячется.

* * *

Человеку-птице не было никакого дела до жителей острова; его отношение к Салве показывало, как он воспринимает всех обитателей дома призрения. Единственное, что он сделал для них – посоветовал по возможности обзавестись курительной трубкой, так что и мужчины и женщины обеспечивали себе персональные дымовые завесы. Врач совершенно не общался с семьями и замечал жителей острова только тогда, когда они заболели.

Время шло, Фейра перестала бояться человека-птицу и нашла в себе смелость поговорить с ним об этом.

– Зачем вы привезли семьи? – напрямую спросила Фейра врача, стоя возле него в большом медицинском кабинете у задней стены Тезона.

Аннибал вспомнил о камерленго, который задавал тот же вопрос.

– Потому что они могли заразиться, общаясь с родственниками. Понимаешь, когда вырезаешь опухоль...

Но его метафоры не интересовали её.

– Они получают известия о них?

– Что?

– Эти *семьи*, – она говорила с ним так, как он – с карликом, – они получают известия о *своих любимых*?

– Нет, конечно же, нет.

Она взглянула на него. Аннибал подумал, что уж лучше бы она закрыла лицо, но ему все же пришлось выдержать то, что он называл «взглядом». Её янтарные глаза впились в него – не с осуждением и не с жалостью, а с тем и другим вместе. От такого «взгляда» у него возникало чувство, будто он разочаровал её. Он решил оправдаться.

– Думаешь, у меня есть время...

– У меня есть. И у сестёр Мираколи тоже.

Через неделю всё было устроено.

Внимание Фейры привлекло письмо, которое Бокка принес врачу из *Совета по здравоохранению*. Само содержание – требование регистрировать в Совете все новые методы лечения, направленные на борьбу с чумой, – её не заинтересовало. Однако она взглянула на бумагу через плечо Аннибала, заставив его занервничать от её присутствия.

– Почему бумага обесцвечена? – она показала пальцем. – И откуда здесь это белое пятно?

Он посмотрел, куда она показывала. Письмо было написано секретарем Совета, мелким почерком, а бумага была в коричневых пятнах, словно рябая курица, кроме одного длинного прямоугольника, пересекавшего её по диагонали, где бумага сохранила свой первоначальный алебастровый цвет, а чернила оставались чёрными, как смоль.

– Её обработали дымом, – ответил он. – Обычное дело во время чумы, чтобы зараза не переходила из одного округа в другой вместе с почтой. Видишь, вот две печати, – он перевернул письмо, – одна от отправителя, красная, и оранжевая от Совета. – Он показал ей два восковых круга.

Ей стало любопытно.

– А белое пятно?

– Здесь письмо держали щипцами над дымом.

В течение недели она ввела схожую систему, обрабатывая дымом письма от семей, и собственноручно передавала их пациентам. Аннибал смотрел, как она сидит возле больных, пока они читают письма, или читала вслух для тех, кто совсем ослаб, – со своим неповторимым акцентом. К его изумлению, больные улыбались, даже умирающие, и он замечал по её янтарным глазам, виднеющимся над вуалью, что она тоже улыбается.

Аннибал обнаружил, что она знает всех пациентов по именам.

– Номеру один нужно сделать компресс, – бросил он мимоходом.

Она преградила ему дорогу и посмотрела на него своим особенным «взглядом».

– Кто это – номер один?

– Тот, что в самом конце.

– Это Стефано. Брат Томмасо.

– Томмасо?

И снова «взгляд».

– Номер пятнадцатый.

Он удивился.

– Думаю, было бы лучше разместить их рядом.

Она внесла и другие изменения – часто не дожидаясь его разрешения. Она думала, что он слишком увлечен хирургией и иногда делал операции без должных причин. Она бы никогда не взялась за скальпель без крайней нужды. Врач велел ей каждый день ставить пациентам пиявки, он разводил их возле влажных солончаков и имел нескончаемый запас. Но она с отвращением посмотрела на темно-серых червей, извивающихся в банке, и врач ни разу не видел, чтобы она кому-нибудь ставила пиявки.

Вместо этого она принялась изолировать пациентов – не только от их семей, но и друг от друга, развесив между ними ширмы для большего уединения – прямоугольные льняные занавески, смоченные камфарой. Она мыла пациентов ежедневно и призывала поступать так же их родных, обитавших на острове. Когда Аннибал выразил сомнения, она ответила словами Мухаммеда. «Очистись сам, – произнесла она нараспев, – и Бог очистит тебя всего». Эта невероятная девушка даже добилась того, что монахини стали выстраиваться в очередь возле небольшого глубокого водоёма за терновником, чтобы окунуться. Однажды, стоя высоко на смотровой башне, Аннибал к своему ужасу заметил их белеющие ягодицы и задумался о том, какие отношения установились между Бадессой и Фейрой. Обе женщины считали друг друга неверными, но Бадесса не только поддержала почтовое сообщение с больными, которое ввела Фейра, но и одобрила ежедневные омовения как нерушимое правило. Аннибал терпел каприз Фейры, пока однажды она, сверкнув на него своими топазовыми глазами, не произнесла неслыханные слова: «Вам тоже не мешало бы помыться».

Фейра ввела ещё одно важное новшество – диету. Она просила монахинь выращивать как можно больше овощей, выделив специально для этого небольшое поле, которое они вспахали вместе с карликом. Она вычистила печки, расположенные под спальней монахинь, и они стали печь хлеб днем и ночью, подбрасывая в огонь тутовые ветки и ореховые скорлупки. «В Константинополе, – важно объявила она Аннибалу, – если уронишь кусок хлеба на улице, кто-нибудь обязательно его поднимет. Хлеб священен, он поддерживает жизнь и здоровье». Бадесса, которую пришлось убеждать впустить Фейру в здание таможни и растопить печи, призналась с благодарностью, что впервые за много недель сёстры не мерзли ночью.

Бадесса участвовала ещё в одном новшестве, затеянном Фейрой, которая рассказала Аннибалу, что в больницах Константинополя часто звучит музыка – и днем и ночью. В некоторых из них были даже собственные ансамбли. Со своей обычной живостью она взялась за дело – и уже на следующий день сёстры Мираколи распевали псалмы, тропари и гимны на лужайке, когда не были заняты ритуалами.

Но не только церковная музыка звучала на острове. Фейра выясняла, какие песни любят больные, и просила их родных петь за стенами, на безопасном расстоянии. Она даже сама пела больным, когда проверяла у них пульс, – причудливую, протяжную песню, которая постепенно замедлялась. Она утверждала, что такие песни помогают нормализовать сердцебиение больного.

Аннибал считал все это глупостью, но даже ему пришлось признать, что когда остров зазвенел песней среди всех этих смертей, на сердце стало светлее, поэтому ему не хотелось, чтобы её непривычно красивый голос смолк в Тезоне. Однако, если бы все эти нововведения оказывали пагубное воздействие на здоровье пациентов, он сразу бы пресёк их. Но обманывать самого себя было невозможно, хотя он никогда бы не признался в этом Фейре: с тех пор как она появилась на острове, таблица смертности, которую ему приходилось заполнять собственной рукой каждый вечер возле своего одинокого очага, значительно сократилась.

* * *

Там, где смерть, есть и жизнь. Вскоре после приезда Фейры на остров у Валентины, девушки, недавно вышедшей замуж, начались приступы тошноты и обмороки. Человек-птица не интересовался женскими

трудностями, но Фейра, которая много раз видела такие симптомы, поняла, что девушка носит ребенка. Черноволосая венецианка была слишком молода, чтобы стать матерью, тонкая, как ласка, с узкими бедрами, и Фейра уже предчувствовала неладное, но до этого было ещё далеко. Никогда не следует оставлять надежду.

Иногда Фейра гадала, как выглядит человек-птица, ведь она ни разу не видела его без маски. Временами она видела маску, лежащую возле отдельных дортуаров, которые она соорудила в Тезоне, и это значило, что он, вероятно, проводит одну из своих многочисленных операций; кропотливая работа, которой клюв может помешать.

В один из таких дней она без разрешения врача вытащила из его маски пыльные, старые и, на её взгляд, совершенно бесполезные травы. Сняв свой медицинский пояс, она достала из футляров и кармашков новые травы и потихоньку вложила их в клюв вместе с пучком лимонной мяты возле самого носа. Это не поможет и не навредит ему, но, как она надеялась, перебьет запах других растений, которые она положила туда. Затем она вернула маску на место – точно туда, где она лежала.

Фейра думала, что он снимает маску у себя в доме, стоявшем как раз напротив её жилища, через квадратную лужайку за Тезоном. Иногда она замечала у него свет по ночам: золотая полоска, обрамленная черным бархатом. Девушка представляла себе, как человек-птица сидит над медицинскими книгами, и завидовала ему; её руки жаждали перевернуть страницы книг. Однажды она подумала, не спит ли он в маске, и эта мысль развеселила её. Она не знала, сколько ему лет. Временами он говорил, как седовласый старец, но иногда ей казалось, что этот человек ещё совсем молод и недавно окончил медицинскую школу. Врач никогда ничего не обсуждал с ней, только давал

краткие указания; в ней его интересовали только её медицинские знания. Этим он напоминал ей Палладио.

Она часто думала об архитекторе и Сабато и ждала новостей о них, когда человек-птица возвращался из города в конце каждого месяца. Он соблюдал свой договор с Палладио и посещал архитектора с каждой новой луной, а затем рассказывал Фейре о его самочувствии, но ничего более.

Она задумывалась, вспоминают ли они её. Палладио нуждался в ней как в знатоке Константинополя, а Сабато она напоминала женщину, которую он когда-то любил. А теперь человек-птица держал её у себя ради врачебных знаний, которыми она могла с ним поделиться. Столько разных Фейр, столько граней её существа! Она задумалась, найдется ли когда-нибудь человек, который захочет узнать её всю целиком.

Глава 28

Фейра старалась не терять бдительности.

Она чувствовала себя в безопасности дома, в Константинополе, – и лишилась всего, что когда-то было ей знакомо. Затем ей стало немного спокойнее в доме Палладио, но оттуда пришлось бежать. Этот остров был не самым лучшим местом, которое можно назвать своим домом. Однако здесь у неё было своё жилище, свои обязанности и человек-птица.

Монахини перешли от терпимости к ней к вежливости и дружелюбию. Бадесса смягчилась до того, что рассказала Фейре о своем детстве в Отранто. Название этого итальянского прибрежного городка было хорошо известно Фейре; все турки знали его, ведь именно там османы перебили все население. Ни одна из них не заикнулась об этой резне во время беседы, тем более что она произошла задолго до рождения Бадессы; но Фейра, возвращаясь к Тезону после их краткого разговора, не могла отделаться от ощущения, что Бадесса хотела извиниться за что-то.

Карлик Салве тоже стал её верным другом. Тихий, чувствительный мальчик иногда приходил к ней вечерами и выказывал такую мудрость, которая никак не вязалась с его косноязычием. Потихоньку она начала обучить его выражать свои мысли. Иногда его слова поражали её; она привыкла говорить с ним, как с ребенком, но он не был ребенком. Он ей нравился – даже больше, чем его отец Бокка, который временами смотрел на неё так, что её это пугало. Зная, что сторож – благочестивый человек, она предполагала, что ему не хватает терпимости, чтобы закрыть глаза на её веру, как это сделали монахины.

Иногда Фейра вспоминала про команду *“Il Cavaliere”* и Таката Тюрана, её прежнего товарища. Вероятно, он уже погиб от чумы, и она оплакивала его смелость. Но теперь все они, даже отец, казались частью совсем другой жизни; бесплотные, как призраки или силуэты театра теней *карагез*, в который она ходила в Бейоглу. Каждую неделю она все ещё складывала цехины в желтую туфельку, но все реже и реже думала о Константинополе. Время шло, и жители Лаззаретто Ново стали её жизнью.

Особенно один из них.

Человек-птица стал её неизменным противником. Он был словно заноза или комар, от которого никак не отделаться. Но её споры с ним и их борьба за правила, по которым должен жить Тезон среди всех этих смертей и болезней, помогали ей, как ни странно, чувствовать биение жизни больше, чем когда-либо. Больница превратилась в крепость, которую они осаждали; она была Саладином, а он Ричардом Львиное Сердце, а Тезон – их Священным Городом. Ни Восток, ни Запад не могли возобладать, и полководцы обменивались рукопожатиями почти ежедневно.

Многие месяцы Фейра спорила с человеком-птицей о его методах. Девушка знала, что в Падуе процветала

мода на хирургию, а лечение травами постепенно затухало, но она не понимала, каким образом его нескончаемые пиявки и вскрытие бубонов помогали больным. А он не понимал, как письма, которые она носила между поселением и Тезоном, или пение детских песенок могло поднять настроение пациентам. Фейра не говорила ему, как именно она убедилась в неэффективности вскрытия бубонов, которое она использовала как последнюю надежду, чтобы спасти отца, и потерпела неудачу. Она знала, что во всех своих медицинских принципах человек-птица опирается на учение Галена, греческого язычника, которое ей казалось карточным домиком. Она пыталась убедить врача, что смертность среди оперированных им намного выше, чем среди тех, кого он оставил в покое, но тот и слышать не хотел.

Аннибал утверждал, что речь идет о балансе: кровопускание, пиявки и вскрытие бубонов восстанавливают естественный баланс биологических жидкостей организма. В этом их взгляды не так уж и разнились, и Фейра попыталась объяснить ему принцип мизана – баланс между телом, разумом и душой, но здесь они снова столкнулись лбами. Он настаивал на обязательном хирургическом вмешательстве.

Но кое в чем им пришлось согласиться: ни один из методов лечения, предложенных Советом по здравоохранению, не имел никакого благотворного воздействия. Человек-птица рассказал ей о враче по имени Валнетти и его «Уксусе четырех разбойников», и они вместе посмеялись над ним. Однако Фейра неожиданно задумалась: если человек верит, что ему дали лекарство, которое вылечит его, сможет ли сила этой веры оказать физическое воздействие? Так что, посмеиваясь вместе с доктором, она решила, что подход этого шарлатана Валнетти был логическим завершением

мизана: медицинское воплощение превосходства разума над материей.

Когда Валентине Трианни пришло время рожать, Фейре пришлось одной бороться за младенца в домике возле колодца из-за разногласий с врачом в вопросах лечения. К тому же человек-птица считал, что занятие акушерством выходит за рамки его обязанностей. И только мать девушки помогала ей.

Роженица корчилась на кровати, её раздувшийся живот тревожно шевелился. Она мучилась уже вторые сутки. Валентина то теряла сознание, то приходила в себя, её иссиня-чёрные волосы рассыпались на подушке, словно лучи темного солнца. Её муж стоял внизу, сгорбившись над очагом и стараясь не слышать криков.

Фейра трудилась при свете свечи, и её собственная гигантская тень на стене насмехалась над ней, будто это театр теней неумелого врача. У девушки оказался узкий таз, а малыш был крупный. Фейра знала, что хорошая диета – лучший врач, поэтому жители Лаззаретто питались хорошо и дышали свежим солёным воздухом. Если бы Валентина родила в трущобах, ребёнок мог выскользнуть, словно смазанный маслом, но здесь младенец превысил норму. Так что когда унылый звон церковных колоколов возвестил полночь, Фейра вытерла руки и сказала матери Валентины, что идёт за доктором.

Она заметила облегчение на лице старой женщины, но не оскорбилась, а обрадовалась; она поняла, что была права, когда спорила с человеком-птицей, – вера в то, что помощь близка, почти столь же благотворна, как исцеление; сам врач становился лекарством. Однако ей нелегко было прийти к человеку-птице посреди ночи и признать, что она, промучившись тридцать шесть часов, рисковала потерять и мать и ребенка, и что в данном случае операция – единственное спасение.

Воодушевлённая, она побежала сквозь прохладу ночи – и свет в окне врача вел её, словно Полярная звезда. Она постучалась в деревянную дверь – один раз, два раза, но ответа не последовало. Вдохнув холодный ночной воздух, она подняла щеколду и вошла.

Юноша сидел, склонившись над очагом. Его растрепанные темные кудри упали на лицо, и отсветы огня отливали на них медью.

Он так напряженно смотрел на пламя, что не слышал стук. Но когда она вошла, он вскочил так внезапно, что его стул опрокинулся.

– Где врач? – спросила Фейра.

Юноша невольно поднес руку к щеке, словно его застали без одежды. Вдруг он все понял. – Я врач, – сказал он.

Фейра отступила к двери. Голос был тот же, но мягче, словно очищенный от жесткой скорлупы.

– Вы врач? Но вы такой... – она не знала, как закончить предложение. Молодой? Красивый? Удивленный? Виноватый? И, казалось, загнанный в угол.

Его рука потянулась к клюву, который висел над очагом, и она подумала, что он прячется за своей маской, как она – за своей.

– Что тебе надо? Что случилось? – спросил он, и она сразу узнала своего человека-птицу: грубого, бесцеремонного.

– Валентина Трианни, – сказала она. – Время пришло, но ребенок не может родиться.

Без лишних слов он накинул свой плащ и надел маску.

* * *

Фейра наблюдала за ним, пока он осматривал Валентину, склонившись над девушкой со своим клювом,

словно над добычей. Но Фейра больше не видела маску, а только его незабываемое лицо, обжегшее её, словно пламя свечи. Она знала, что он скажет.

– Ребенка надо извлечь.

Она была права. И именно поэтому она позвала его.

– Биндусара, – сказала она, словно прочитав его мысли.

– Император Индии, которого вырезали из чрева матери, – продолжил человек-птица, и их взгляды встретились. – И Святой Раймунд Ноннат, Нерожденный, – с этим и связано его прозвище. И в обоих случаях..., – начал он, но внезапно смолк.

И вновь она поняла, о чем он умолчал. В обоих случаях матери не выжили.

Но выбора не было. Малыш Трианни шёл ногами вперед и не собирался переворачиваться. Валентина действительно могла умереть, но если они ничего не предпримут, она все равно погибнет, а вместе с ней и малыш. Аннибал рывкнул на мать, чтобы она ушла, но она не решалась покинуть дочь, пока Фейра не убедила её, что присмотрит за Валентиной, а она, оставаясь в комнате во время операции, подвергает опасности свою дочь. Когда старушка ушла, человек-птица снял маску.

На этот раз Фейра была счастлива, что всего лишь assisteрует. Она дала Валентине столько макового сока, сколько можно было, но несчастная металась в такой агонии, что не могла лежать спокойно ни секунды, чтобы выпить настой, и черная жидкость потекла по её щекам. Фейра почистила раздутый живот розовой водой, смешанной с мятой и огуречной травой, и сразу отошла, когда человек-птица сделал широкий надрез над лобковой костью, и темная кровь полилась на удивление прямой и аккуратной струей. Младенец выскользнул почти сразу.

Когда Фейра подняла его, у него открылись глазки, а рот приготовился издать первый крик; в этот момент

человек-птица перерезал пуповину. Фейра вытерла малыша льняным покрывалом и вложила палец между крошечных губок, чтобы очистить рот. Малыш сразу же принялся сосать. Валентина потеряла сознание, когда врач сделал надрез.

Фейра положила тёплый комочек возле темноволосой головы и продолжила работу. Она очистила рану и взяла смоченную в вине нить, затем, склонившись над девушкой, при свете свечи стала зашивать так аккуратно, как только могла. Вспомнив Палладио, она поставила стеклянную банку с розовой водой перед свечой, и свет усилился через самодельную линзу. Зашивая, она закидывала нитку под каждым стежком, чтобы укрепить его, как учил Хаджи Муса, и чувствовала, что человек-птица наблюдает за ней. Затем она накрыла рану компрессом из киновари и розмарина, чтобы дезинфицировать её, и заботливо укрыла девушку покрывалом.

Теперь оставалось только ждать.

Малыш, обессиленный после столь мучительного вступления в жизнь, спал возле головы матери. Фейра ждала, что человек-птица уйдет, но он остался и наблюдал вместе с ней, и его тень на стене сливалась с её тенью. Она знала, что он ищет не её общества, а просто ждет, бесстрастно, результата своих действий. Долго ждать им не пришлось. С первыми колоколами, звонящими к заутрене, Валентина открыла глаза, и в силу непостижимой связи малыш проснулся вместе с ней.

* * *

Человек-птица и Фейра шли по зеленой лужайке в приятной тишине сквозь ночную мглу. Над лагуной показалась бледная линия рассвета, и весенняя трава

была влажной под ногами. Когда они прошли мимо Тезона, она обернулась к нему в темноте. Территория больницы была их ежедневным полем битвы, и она не смогла удержаться, чтобы не сделать очередную вылазку. Отец Валентины лежал в Тезоне, восстанавливая силы после своего собственного сражения – с чумой, и Фейра сказала ехидно:

– Может, теперь вы согласитесь со мной, что старому Джанлуке Трианни стоит сообщить о том, что у него родился такой богатырь? Эта новость поможет ему намного больше, чем любые лекарства.

Человек-птица взглянул на неё через клюв:

– А, может, ты согласишься, что это дело лучше отложить до утра? Ведь даже ты должна признать, что Доктор Благая Весть уступает по своей значимости Доктору Сну?

Фейра улыбнулась и кивнула ему. Она увидела его окно в золотых отсветах очага, как тысячи раз до этого. В её доме было темно. Ей не хотелось идти домой, пока нет. По молчаливому согласию они остановились возле его двери.

– Хочешь зайти?

На этот раз врач снял маску и вздохнул с облегчением. Фейра поняла – ему вовсе не нравилось прятаться, как ей показалось в первый раз, ему это было тягостно. Она взглянула на него, словно увидела впервые. Это был он, её человек-птица. Нет; Аннибал – в тот вечер она, наконец, узнала его имя; но только потому, что Лука Трианни захотел поблагодарить доктора, назвав своего сына в его честь. Ей было нелегко привыкнуть. Аннибал. Фейра бы удивилась, если бы он оказался старше неё. Они были одного роста, и она смотрела ему в глаза. Он казался уставшим, но в приподнятом настроении.

– Садись, – сказал он. – Ты ведь не пьешь, как я понимаю?

Она покачала головой.

Он налил вина. Жестом показал на стул с другой стороны камина, и она упала на него, обессиленная.

Он поднял бокал – за себя и за ребенка. «За Аннибала», – произнёс врач.

* * *

Когда Фейра застигла его врасплох, он мрачно смотрел на угли, чувствуя впервые в жизни, что взвалил на себя больше, чем может вынести. Он был так уверен, что его больницу ждет успех, но чума набирала обороты. В последнее время было столько смертей, что маленькое кладбище не могло уже вместить всех, и ему казалось, что он потерял хватку. В нескончаемой битве со смертью он чувствовал, что смерть берет верх. И вдруг такой триумф – благодаря этой удивительной девушке.

Конечно, жизнь Валентины Трианни была ещё в опасности. Операция – непростая процедура, и риск инфицирования высок; но он, Аннибал Касон, сделал кесарево сечение, и, по крайней мере, пока и мать и ребенок живы. Он признавал, конечно, что не очень-то беспокоится о молодой матери. Его больше интересовала Фейра. Он разглядывал её через пламя очага. Этой ночью она вернула ему веру в медицину, веру в самого себя. Он хотел дать ей что-то взамен.

Он разглядывал её кожу цвета корицы, янтарные глаза, в которых отражались крошечные огоньки. Она посмотрела на него, и он снова почувствовал силу её взгляда. Этой ночью ему показалось, что она восхищается им, и это согревало его больше, чем пламя очага.

– Итак, ты Аннибал.

– Да, Аннибал. Аннибал Касон. Чумной врач.

Она наклонила голову.

– Что означает твоё имя?

– Не имею ни малейшего представления, – отрезал он, досадуя на себя за такое официальное представление.

– Моё означает «справедливость льется с моих уст», – сказала она.

Это имя очень ей подходит, подумал Аннибал, её уста особенно красивы – полные, розовые, верхняя губа чуть больше нижней. Она перевела взгляд на пламя.

– У меня на родине имя значит всё. У нас никогда не дадут ребенку имя, не обдумав его. Это очень важно для нашей веры. Меня удивляет, что вы, венецианцы, не знаете значения своих имён.

Аннибал вытянул ноги перед собой так, что его сапоги почти коснулись огня.

– Знать-то нечего. Чаще всего нас называют в честь святых и праздников.

Святых и праздников. Вдруг она вспомнила, взглянув на светлеющее небо.

– Сегодня ведь день рождения Валентины. Она говорила: праздник Святого Валентина. А ещё..., – сказала она, – Сабато Сабатини, его назвали в честь счастливого дня. – Она задумалась о своём старом друге, его хозяине и церкви, которая воздвигалась вокруг могилы её отца. – И ваш Святой Ноннат – теперь мы знаем, почему его так прозвали. – Она посмотрела на него. – Так что некоторые ваши имена всё-таки имеют значение, даже если твоё нет.

Он молчал.

– Я был не совсем искренен, – произнес он наконец. – Я знаю, почему меня назвали Аннибалом.

Она ждала, что он продолжит.

– В Карфагене некогда жил полководец по имени Ганнибал, во второй пунической войне он на боевых слонах перешел через Альпы в Италию, намереваясь выступить против всей мощи Рима. Отправляясь в поход,

он и не представлял себе, во что ввязывается и сможет ли добраться до цели.

Она молчала. Ей вспомнился обычай рассказывать истории и то, как она обменивалась такими историями со Смертью.

– В Османской империи, – начала она, – у торговцев верблюдами есть свои привалы на торговых путях, которые называются караван-сараи. Иногда их разделяют сотни миль, в пустыне или в горах, но люди уверенно продолжают идти, зная, что найдут кров и пищу в конце пути. Даже если они никогда ещё не ходили этой дорогой, они уверены, что такое место ждет их впереди; что рано или поздно они найдут караван-сарай.

Аннибал подался вперед, слушая с любопытством.

– Откуда они это знают?

– Они не знают. Они верят.

Он снова прислонился к спинке стула.

– Полагаю, Ганнибал тоже верил. Именно поэтому моя мать дала мне это имя. – Она заметила, что ему нелегко говорить о матери. – Ей нравилась эта история. Она говорила, никто не знает, что ждет его завтра, но нужно надеяться, быть смелым и верить, что все будет хорошо.

* * *

Камерленго разглядывал человека, стоявшего перед ним. На нем были короткий камзол и красная шляпа гондольера, а этот народ никогда не отличался честностью. Но его глаза были широко открыты, а речь – уверенной и ясной. Камерленго сразу распознавал ложь и сомневался, что этот парень врет.

– Ты уверен?

– Так же уверен, как и в том, что стою здесь, ваша честь. Косимо – так зовут моего товарища – он работает возле моста Тре Арки. Это было в прошлый четверг, он сказал, что забрал девушку из дома, о котором вы спрашивали. Он запомнил это, потому что человек, который позвал его, настаивал на *felze*. – Он взглянул на Камерленго и решил, что стоит объяснить, – закрытой гондоле.

Камерленго привык, что его принимают за иностранца.

– Её кто-нибудь сопровождал?

Гондольер пожал плечами.

– Он не сказал.

Камерленго поднял свои светлые брови.

– Однако об остальном он тебе всё же рассказал?

– Он хвастался этим в таверне. Говорил, что разбогатеет.

Камерленго сложил руки, соединив кончики пальцев. О гондольерах всегда ходила дурная слава алчных и продажных людей; более того, у них не было ни малейшего чувства солидарности к своим товарищам. Он знал, что если посулить вознаграждение, один из них сразу явится. Однако что-то здесь не складывалось.

– Так почему же он не пришёл за вознаграждением сам?

– Это мне не известно, ваша честь, – гондольер помялся. – А теперь я могу получить свои дукаты?

Камерленго смерил его взглядом и встал.

– Сначала отведи меня к нему.

Камерленго мог взять с собой конвой, но передумал. Он выбрал тех двух стражников, которые в первый раз упустили девушку. Он выбрал их намеренно, поскольку знал, как и стражники, что они обязаны ему жизнью. Он не стал дожидаться, когда принесут шапку и плащ, а спустился с каменной лестницы в чём был – в своем

кожаном костюме, в сопровождении стражников; гондольер показывал дорогу.

Он вёл свою лодку по тайным каналам, о которых мало кто знал, по неподвижным водным проходам, таким узким, что солнце проникало сюда только к середине дня. Гондольер выбрал самый короткий путь, но камерленго, сидевший на носу, хранил нетерпеливое молчание.

Возле моста Тре Арки он последовал за гондольером, не произнося ни слова, и чумной дым вился у его ног. В темной улочке бедной части квартала он ждал, пока гондольер считал двери в поисках дома своего товарища. «Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...».

Голос оборвался. Номер пятнадцать был загорожен деревянной доской, а на двери виднелся красный крест.

Камерленго с минуту молчал. Затем совершенно спокойным голосом приказал стражникам:

– Расспросите соседей. Ты..., – он обернулся к первому стражнику, – иди в шестнадцатый. А ты..., – он повернулся ко второму, – в четырнадцатый.

Через минуту они вернулись.

– Он скончался, – сказал первый.

– Прошлой ночью, – добавил второй.

Гондольер стал пятиться от бешеной злобы, которой горели глаза камергера, но камерленго мгновенно ухватил его за шиворот. Одним движением он поднял засов, распахнул ногой дверь и втолкнул его в дом, зараженный чумой, а затем закрыл за ним дверь.

Глава 29

С того дня Аннибал и Фейра стали друзьями. Вечерами, после последнего обхода пациентов, они вдвоем чистились, покидали Тезон и возвращались в дом Аннибала.

Фейра замечала в нём много нового – как его голос повышался, когда он бывал взволнован, а ноздри раздувались слегка. Ещё она заметила, что он носит что-то на цепочке, на шее, как и она носила ленту, на которой висело кольцо её матери, и задумалась – возможно, он тоже хранит воспоминание о своей матери. По утрам Фейра ходила сонная, зевала за своей вуалью, потому что каждую ночь возвращалась в свой дом всё позже и позже, иногда пересекая лужайку, уже когда бледная полоска рассвета показывалась на горизонте, незамеченная никем – кроме старой Бадессы, которая отпирала церковь перед полунощницей.

Аннибал и подумать не мог, что их встречи компрометируют Фейру. Для него эти вечера были наполнены общением исключительно на медицинские темы; и когда Бадесса предупредила его о том, что

неприлично проводить время наедине друг с другом, он ответил кратко: «Мы *работаем* по вечерам. Обсуждаем медицинские вопросы. Готовим лекарства и мази. Когда ещё нам заниматься этим – днём? Мне всё равно – мужчина это или женщина». Но он верил в это не больше, чем Бадесса. На самом деле вечера, проведенные с Фейрой, были лучшим временем в его жизни.

Фейра готовила скромный ужин – из того, что можно было купить в Трепорти или вырастить на острове. Но вкус её стряпни был внове для Аннибала. После ужина он наливал себе бокал вина, и они усаживались возле огня. По молчаливому согласию ни один из них не надевал маску; Фейра снимала вуаль, как делала в доме отца, а Аннибал вешал свой клюв возле двери. Они говорили о медицине или о травах. Фейра объясняла Аннибалу, как делать сладкий шербет и джулеп или густой *мацун*. Иногда они готовили мази на большом чурбане, который Аннибал принес специально для этого.

Они вместе читали медицинские книги, Аннибал помогал Фейре разбирать латынь. Она с любопытством узнала, что одна книга – с удивительно подробными анатомическими рисунками, которую показал ей Аннибал, принадлежала тому же Леонардо да Винчи, который нарисовал Витрувианского человека. В свою очередь, она рассказывала ему о трудах великого османского врача Серафеддина (Sabuncuoglu) и о медицинском справочнике "*Aqrabadhin*", хранящемся в библиотеках Топкапы. Когда она упомянула самый драгоценный манускрипт султанского дворца – "*Al-tanhaj al-sawi*", рассуждения Джалала ад-Дин ас-Суюти о медицине, основанные на высказываниях Пророка, ей было приятно узнать, что эта книга ему знакома. Падуя, как оказалось, придерживалась широкого взгляда на медицину.

Фейра рассказала Аннибалу о шести компонентах, составляющих баланс мизана в человеческой жизни. «Свет и воздух, – сказала она, считая на пальцах «кирпичики», из которых строилось здоровье человека, – пища и питье, работа и отдых, сон и бодрствование, экскреция и секреция, включая..., – она закашлялась, – купание и сексуальную близость, и, наконец, настроение и состояние души.

В ответ на это Аннибал рассказал Фейре о балансе четырех биологических жидкостей; в этом их мнения совпадали, как ни странно, – чёрная желчь, красная кровь, белая желчь и бледная флегма, представляющие четыре темперамента – сангвинический, холерический, меланхолический и флегматический. На мгновение ей показалось, что она увидела связь между биологическими жидкостями и четырьмя конями, о которых говорила ей мать. Вороным, рыжим, белым и бледным. Она спросила Аннибала, слышал ли он о четырёх конях такой масти или читал о них в одной из своих многочисленных книг. Он пожал плечами. «Возможно, в церкви, когда был ещё ребенком. Но с тех пор я мало интересовался Писанием. Насколько я помню, они несут Смерть». Фейра встревожилась. Она дотронулась до кольца на груди, словно это амулет, способный отогнать зло.

По мере того как доверие между ними росло, они стали обсуждать и другие темы. Вскоре молодые люди начали рассказывать друг другу о себе. Фейра не нарушила клятвы, данной матери, но рассказала Аннибалу о своих родителях, а он постепенно стал рассказывать о своей матери, которая покинула его. Эта женщина, казалось, нанесла ему такую рану, что при всём его внешнем благополучии – он был здоров и красив – его душа терзалась больше, чем у обитателей Тезона. Скоро Фейра узнала причину его печали.

– Она была куртизанкой?

– Нет, – сказал он в ярости, – сначала нет. Мой отец был благородного происхождения, и когда он умер, она оставила меня – мальчишку – на попечении тетушек. И я почти не видел её с пяти до двадцати лет. Она появлялась раз или два за все эти годы. Аккуратная, трезвая, в приличном экипаже, с безупречными манерами, она душила меня своей любовью. Но на следующий день, найдя очередного покровителя или выпив всё вино в доме, она исчезала. Часто мы узнавали, что она уехала, только обнаружив пропажу у одной из моих тетушек денег или брошки с драгоценным камнем, или перламутрового гребня. Тётушка вздыхала и говорила: «Что ж, Колумбина снова уехала», а я искал её во всём доме, но она исчезала, не попрощавшись. – Аннибал смолк, отсветы пламени играли на его суровом лице.

– В детстве, – продолжал он, – я плакал целыми днями. Я не мог понять, как та, которая осыпала меня поцелуями и сладостями, могла вот так исчезнуть. Я ещё долго после этого чувствовал запах её духов; он держался в доме несколько дней после её ухода. – Он горько рассмеялся. – Он задерживался дольше, чем она.

– Значит, ты скучал по ней? – спросила Фейра ласково.

– В детстве – да. Когда я вырос, мне стало безразлично.

Фейра ничего не сказала, но задумалась – правда ли это.

– Когда ты последний раз видел её?

– В первый год обучения в Падуе. Она пришла ко мне в комнату и сказала, как она гордится мной – прижала меня к груди, очаровала моих товарищей. Она извинилась за то, что её так долго не было рядом, обещала, что мы все начнем сначала, что все будет иначе, что она станет образцовой матерью.

– И что произошло?

– Она исчезла на следующий день. Вместе с моими серебряными скальпелями.

Мать Фейры стала султаншей, императрицей, а мать Аннибала оказалась на дне, но она знала, что разница между наложницей, которой была её мать, и куртизанкой, которой была его, не столь уж велика.

– Моя мать не лучше, – Фейра призналась в этом и ему, и себе.

Аннибал вздохнул.

– Рождённые в грехе, дети шлюх, – сказал он злобно.

Фейру ужаснули его жестокие слова, и она почувствовала, что ради матери и ради отца должна защитить их отношения.

– Может, грех не так уж и велик, – сказала она, – когда есть любовь.

Она говорила вдумчиво и старательно, глядя на свои руки, лежащие на коленях, и не видела огня, которым загорелись его глаза.

Её слова зажгли надежду в сердце Аннибала.

* * *

Между ними, конечно, случались споры, и у них часто оказывались абсолютно разные точки зрения на медицинскую практику. Такие споры приносили обоим не меньшее наслаждение, чем обоюдное согласие по каким-то вопросам. Однако подобные битвы никогда не затрагивали их личности и быстро забывались.

Один из жесточайших споров вызвала у них османская практика вакцинации. Фейра утверждала, что введение небольшого количества зараженной крови или другого инфицированного материала здоровому человеку делает его практически во всех случаях частично или полностью невосприимчивым к болезни, особенно если речь идет об оспе. Она рассказала ему,

как Хаджи Муса вскрыл четыре вены на лобной части и груди юноши и ввёл в раны небольшое количество слизи, взятой у пациента, страдающего оспой. Парень рос здоровым, несмотря на то, что все остальные члены его семьи заразились.

Аннибал настаивал на том, что подобная практика запрещена Католической церковью и не без веских причин: она убивает столько же людей, сколько и спасает. Он вынудил Фейру признать, что в некоторых случаях привитые пациенты умирают от той самой болезни, от которой их пытались уберечь врачи. Они не раз возвращались к этой теме и никогда не приходили к согласию. Их споры всегда завершались одинаково.

– Мухаммед сказал, что Господь не создал бы болезни в этом мире, если бы не дал также и лекарство, – провозглашала Фейра. – Так почему бы не искать лекарство внутри самой болезни?

Аннибал качал головой.

– Мухаммеду я могу ответить словами Маймонида; он утверждал, что мудрый врач оставляет здорового в покое, вместо того чтобы прописывать лечение, худшее, чем сама болезнь.

Ещё одна тема для споров – должны ли пациенты платить за лечение. Аннибал испытывал отвращение к подобной практике, вспоминая Валнетти и его коллег-спекулянтов, которые наживались на несчастьях людей. Он ссылаясь на врачебную этику, которая гласила, что врачи должны получать жалованье, покрывающее их расходы, но не извлекать чрезмерную прибыль из своей практики.

Фейра склонялась к большему прагматизму.

– А что если врач, продавая лекарства, сможет лучше заботиться о своих пациентах?

– Здесь я оплачиваю все расходы, – возразил он резко, – моих денег достаточно; и я ни в чем не нуждаюсь.

Хотя в этом он был не совсем искренен.

Богатство Касонов, которое он давно выкопал из тайника возле колодца и спрятал под половицами под своей кроватью, почти иссякло к тому времени, как больница готовилась к своей первой годовщине. После этого последнего разговора с Фейрой Аннибал зашел в спальню и поднял половицы.

Он положил ларец на колени и вставил ключик, висевший у него на шее, в замок. Его рука нащупала холодные металлические диски, соскальзывающие с пальцев. Скучный запас дукатов лишь покрывал дно ларца. Он подсчитал, что этого хватит до Михайлова дня – и всё. Аннибал опустил крышку с глухим стуком и снова спрятал ларец под половицами, а вместе с ним и свои тревоги.

* * *

Фейра менялась.

Аннибал стал первым мужчиной, которого ей не хотелось держать на расстоянии. Когда она была с ним, её покрывала, её многочисленные маски, за которыми она жила, словно молодая сердцевина артишока, скрывающаяся за множеством чешуек, стали тяготить её. По ночам ей снились страстные, обжигающие сны, в которых она обнажалась перед ним. Иногда он стоял рядом, пока она раздевалась, хватал её шарфы и вуали и кружил её – снова и снова, словно она дервиш, разматывая бесконечную полупрозрачную ткань, пока она не оставалась перед ним совершенно обнажённой.

Она всегда просыпалась с горящими щеками и сразу же падала на колени и принималась молиться, но никакие молитвы не могли заглушить желание. Впервые в жизни она поняла, почему её мать сбежала с её отцом. Но она не венецианская княжна, она не могла одним

движением руки в изящной белой перчатке свести с ума отважного морского капитана. Ей приходилось ждать, когда он сделает первый шаг.

И однажды вечером он сделал.

Они сидели, как всегда, возле камина. Фейра разглядывала деревянную гравюру Андреаса Везалия, стараясь разобрать латинскую надпись, когда Аннибал заговорил. Голос его казался непринужденным.

– Эта Трианни, мать маленького Аннибала, ты говорила, она снова ждет ребенка?

Фейра отложила гравюру.

– Да. Второй малыш должен родиться весной.

– Им нужен собственный дом. Их теперь слишком много.

Она молчала.

– Это противоречит санитарным нормам, сказал бы твой друг Палладио.

Она ждала.

Он нагнулся к ней. Очень близко.

– Твой дом, – произнёс он. – Вряд ли ты будешь скучать по нему?

– Там... очень холодно, – прошептала она.

– Крыша разваливается, – добавил он, тихо и нежно.

– Она протекает днем и ночью, – ответила она чуть слышно, чувствуя, что предает Салве, который заделал все щели в крыше.

– А колокольный звон?

– Будит меня по ночам, – она улыбнулась.

– Тебе стоит перебраться сюда.

Она молчала, боясь вздохнуть. Она хотела убедиться.

– И стать твоей любовницей? – прошептала она.

Её прямота не смутила его.

– Да. Ты согласна?

– Да.

Глава 30

Андреа Палладио поднялся на пятнадцатую ступеньку своей новой церкви, и радость при виде того, как создается его творение, омрачилась тяжелейшей одышкой.

Он простудился и всю неделю чувствовал, что задыхается, словно что-то сдавливало ему грудь. Он покинул дом, зная, что если дождется пятничного визита Касона, врач запретит ему ехать. А Палладио хотел только одного – работать. Он знал, что эта церковь станет его последним творением, и хотел, чтобы она осталась в веках.

Его бессмертие и его смертность внезапно сошлись на этих ступенях. Свист в легких напомнил, что ему шестьдесят девять. Он уже не мог во всем винить каменную пыль, которую вдыхал десятки лет. Он постарел.

Сабато высунул свою всклокоченную голову из дверей: «Хозяин, продолжим? Свет уходит».

На последней ступеньке Палладио внезапно пронзила острая боль. Он пошатнулся, похолодев от ужаса. Словно могучая рука сдавила ему сердце,

которое трепетало, как кролик, угодивший в ловушку. *Свет уходит*, подумал он, охваченный внезапной паникой, *и я тоже*. Нет, разве Господь заберет Своего зодчего, прежде чем тот завершит строительство?

Через минуту боль прошла, и Палладио смог спуститься с лестницы, жадно глотая воздух. Сабато, шедший впереди, ничего не заметил. Когда Палладио проходил под аркой ворот, сердце билось уже спокойнее, но он все ещё чувствовал слабость и сильно вспотел. Он заметил, что стал чаще разговаривать с Богом, с тех пор как начал возводить Ему дом. Это был не духовный диалог, а просто беседа, такая же, как с любимым вельможей, для которого он строил бы здание. Он вёл сотни подобных разговоров со своими друзьями, братьями Барбаро, когда строил их великолепную виллу Мазер, и к Богу он относился точно так же, обсуждая со своим небесным Господином стиль колонн или материал для мощения пола и не ожидая ответа. Но теперь он просил кое-что взамен.

Дай мне время, Боже, молил он. Только дай мне время.

* * *

Уже наступил вечер, когда Аннибал, наконец, нашёл Палладио. Первым делом он направился к нему домой в Кампо Фава и постучал тростью в дверь с золотым циркулем. Толстая кухарка, открывшая ему дверь, сообщила, что хозяин уехал на Джудекку. «Он бывает там каждый день, – сказала она, – они с Сабато возвращаются домой, словно призраки, – совершенно белые от каменной пыли».

Аннибал кивнул, заметив, что меры, введенные Фейрой, – очищающие травы и свечи с ладаном – аккуратно соблюдаются, велел кухарке продолжать в

том же духе и ушел. Ему было совсем не сложно заехать на Джудекку по дороге домой. Он двинулся к аллее Дзаттере в поисках *трагетто* – *гондолы*, не переставая думать о Фейре.

Направляясь в лодке на Джудекку, он вспоминал, как она шла через зелёную лужайку к Тезону. Она всегда смотрела прямо перед собой, никогда не сбиваясь с курса, словно нос корабля, чем вновь напомнила ему Марию-ди-Леньо. Он представил себе её кожу цвета корицы, янтарные глаза, не веря, что сегодня ночью она уже будет жить в его доме.

С тех пор как она раскрыла ему значение своего имени, его завораживали её губы – эти странные перевернутые губы – верхняя немного больше нижней. Он представил, как касается её кожи – мягкой, нежной, как чувствует её поцелуй на своих губах.

Глухой удар лодки о пристань прервал его прекрасные видения. Аннибал бросил цехин гребцу, спрыгнул на берег – легко и радостно, и впервые увидел церковь.

Он с детства помнил ландшафт Джудекки и привык к зубчатым развалинам монастыря Святого Себастьяна, поэтому церковь Палладио поразила его. Место было выбрано блестяще! Церковь уже стала самым высоким строением на острове, хотя представляла собой пока только прямоугольную каменную призму без шпиля и кампанилы. Из-за этого Аннибалу показалось, что она похожа на восточный храм; это впечатление усиливал и широкий постамент у входа. Фасад вполне мог принадлежать иерусалимскому храму, афинскому Парфенону или – сердце его радостно затрепетало – константинопольской мечети. Аннибал сосчитал пятнадцать ступеней, ведущих к двери, и вбежал по ним наверх.

Внутри было месиво из земли и камня. Удушливая белая пыль и оглушительная какофония молотков и

зубил камнерезов, крики людей, поднимающих каменные блоки с помощью сложной системы лебедок и ремней.

Крестообразная дорожка была размечена колышками и разноцветными канатами, а в середине всего этого, где должен был висеть Христос, стоял Палладио со своей вечной тенью – растрепанным чертежником. Аннибал широко улыбнулся им обоим, забыв про свою маску. Когда они заметили его, Палладио стукнул себя по лбу.

– Ах, простите меня, доктор. Я забыл, что сегодня пятница. Мы как раз спорим, что делать с этим колодцем.

Аннибал устремил свой клюв на полуразрушенный колодец. Он казался совсем древним. – Что тут спорить? Засыпайте его, конечно.

– Именно это я и собирался сделать, – сказал архитектор, все ещё в нерешительности потирая бороду. – Но он до сих пор многое значит для верующих, мои каменщики каждый день отваживают паломников, которые приходят сюда в надежде на исцеление от чумы. Я думал сделать его частью интерьера, но Сабато говорит, что колодец окажется прямо под центральной частью свода. Ничто не должно отвлекать от его великолепия, так что, боюсь, от колодца придется избавиться.

Палладио взглянул вниз, куда смотрел Аннибал, и усмехнулся.

– Вы мой врач. Может, мне выпить этой воды? Воспользоваться панацеей, пока колодец не закопали навсегда?

Аннибал рассмеялся.

– Пожалуйста, дорогой друг, это не навредит вам, но и не исцелит. Когда приступите к своду?

– Сегодня.

Аннибал взглянул на небо – светло-голубое, испещренное крохотными белыми облаками. Как можно

охватить это небо и заключить его под куполом? Но сегодня Аннибал верил, что возможно всё. Палладио справится.

Он взглянул на старика – вероятно, повлиял свежий воздух, но архитектор ещё никогда не выглядел так хорошо – цвет лица у него был ровным, дыхание размеренным, глаза блестели. Врач хотел спросить его о самочувствии, но произнёс нечто совершенное другое.

– Что означает ваше имя?

– Простите? – старик растерялся от неожиданности.

– Ваше имя. Палладио. Что оно означает?

– Его дал мне мой первый учитель, Джан Джорджо Триссино, – сказал Палладио. – Оно напоминает о мудрости Афины Паллады.

Аннибал улыбнулся. Сегодня всё забавляло его.

– Я ожидал нечто в этом духе. А ваше настоящее имя?

– Андреа ди Пьетро дела Гондола. Но людям легче запомнить Палладио. А я хочу, чтобы меня запомнили; особенно за эту церковь, – взволнованно произнёс он.

– Вас запомнят, – уверил его Аннибал. – Вы обязательно завершите свой шедевр. Вы достаточно мудры, чтобы следить за своим здоровьем. – Аннибал был доброжелательно настроен к Палладио, да и ко всему миру. Он даже вежливо ответил, когда лохматый чертёжник спросил про Фейру. Он был рад услышать её имя, рад говорить о ней.

– У неё все хорошо, – сказал врач, – она передает наилучшие пожелания вам обоим.

Ему хотелось поговорить о ней, повторяя снова и снова её имя; рассказать обо всем, что она поведала ему. Он извинился, торопясь уйти, чтобы не выдать себя, и помчался к *трагетто* так, словно дьявол гнался за ним.

Плывя через лагуну, Аннибал с радостью разглядывал длинные тени в вечерних сумерках, которые с каждой минутой приближали его к ночи – и к

Фейре. Он не стал дожидаться, пока лодочник привяжет гондолу, прыгнул на пристань, заплатил ему больше, чем следовало, и прошел мимо сторожки, поприветствовав не только Бокку, но и карлика. Он невольно вздрогнул, когда проходил мимо больницы, зная, что она там, занята своими делами. Так близко.

Аннибал не зашел в Тезон, а направился сразу домой. Ему не хотелось видеть её с пациентами до наступления ночи, быть рядом и не дотрагиваться до неё. Он поставил небольшую кровать в углу, возле огня, чтобы тлеющие угольки согревали её ночью, затем достал лучшее покрывало и лучший тюфяк, набитый соломой, чтобы побаловать её. Он провел рукой по гладкой простыне, на которой сегодня ночью они будут лежать вдвоем.

Неожиданно ему вспомнились слова Бадессы Мираколи. Когда он между делом сообщил ей, что хижина возле церкви скоро освободится для растущей семьи Трианни, она заговорила с ним сурово.

– Оставьте в покое бедную девочку, – сказала она. – Она сирота, без мужа, далеко от дома. Вы неженаты. И это не говоря о различиях вашей веры. Её ждет вечное проклятие, но вас ещё можно спасти. Вы не можете жениться на ней; а если вы собираетесь делить с ней кров, то подвергнете опасности свою бессмертную душу. Оставьте её.

– Подобные отношения исключены, – соврал он. – Она расположится внизу, около камина. Неужели мне нельзя завести служанку?

– Но она вам *не* служанка, – строго напомнила ему Бадесса.

Аннибал потерял голову и стал кричать.

– Да. Она не служанка. – Его голос зазвенел внутри маски. Слишком громко. – Она мой товарищ. Она врач.

Он произнёс это впервые, удивив самого себя.

Аннибал места себе не находил, шагая из угла в угол, только чтобы убить время. Он представлял себе, как Фейра терпеливо занимается пациентами, покрыв лицо вуалью, и страстно желал, чтобы она оказалась рядом – сейчас же. Он уже точно знал, как возьмет её на руки, как поцелует её непостижимые, прекрасные губы. Аннибал, который никогда не молился, стал молить о наступлении ночи.

Когда, наконец, спустились сумерки и послышался стук в дверь, он бросился к ней и распахнул так, что из камина повалил дым. Однако на пороге дома его ждал отвратительный призрак.

Словно Фейра состарилась на пятьдесят лет: темные локоны неестественно чёрного цвета, морщины в уголках глаз, уже не огненно-янтарных, а грязно-зелёных, на впалых щеках – два красных пятна румян. На ней было поношенное платье из красного шёлка с таким глубоким вырезом, что его вряд ли можно было назвать приличным. Он смотрел на неё, оцепенев от ужаса.

– Аннибал, – произнесла она. – Ты не пригласишь меня войти?

Это была Коломбина Касон, его мать.

Глава 31

Рука Фейры дрожала, когда она собиралась постучать в дверь Аннибала той ночью. Это было началом их новой жизни. Дверь открыла женщина в дорожном плаще, с маской в руке, которая, казалось сама только что вошла в дом. Фейра стояла, не в силах вымолвить ни слова, тогда женщина, подняв подбородок в позе великосветской дамы, высокомерно произнесла:

– Что вам угодно?

– Я пришла к доктору, – Фейра видела Аннибала за её спиной и взглянула на него с мольбой.

Женщина сразу заметила её акцент и прищурила зеленые кошачьи глаза:

– Кто вы такая?

Аннибал поспешил ответить вместо неё:

– Фейра – моя сиделка из больницы.

– Что ж, – произнесла женщина, подходя к нему и вызывающе покачивая бедрами – как к своей собственности. – Моему сыну не нужна сиделка. Его мама вернулась. – И она захлопнула дверь перед носом Фейры.

– Я изменилась.

Мать без приглашения опустилась на стул возле камина, где обычно сидела Фейра. Он ничего не сказал, но она почувствовала его недоверчивость.

– Это так, Аннибал. Я распрощалась с прежней жизнью. Я хочу быть здесь, с тобой. Я хочу, наконец, стать матерью. Я знаю, что причинила тебе много зла – столько раз бросала тебя...

– Как ты нашла меня? – перебил он её резко.

Она потупила свои кошачьи глаза.

– Я приехала в Трепорти вместе с одним купцом, моим... попутчиком. Там я узнала, что врач по имени Касон открыл больницу на этом острове. Мой попутчик заболел, и я не знала, что делать. Но я была уверена, что если приду к своему сыну, он спасет меня. О, мой драгоценный! *Ты* все это сделал; ты привез всех этих несчастных людей, ты спас их. – Она опустилась на колени перед ним, целуя его руки. – Я всегда знала, что ты можешь спасти и меня!

Он не нашел в себе силы убрать руку и ждал, раздосадованный, пока она вновь не села на стул, изящно поднеся к носу помаду, висевшую у неё на запястье, и оправив юбки. В глазах её не было ни слезинки.

– Думаю, нам с тобой стоит начать все сначала, милый. У меня была нелегкая жизнь, как ты знаешь. Твой отец...

Аннибал внезапно похолодел.

– Ты *была* замужем за моим отцом, не так ли? – Он задумался обо всем, что когда-либо знал, – о своем имени, дворянстве, состоянии Касонов, спрятанном под половицами в его спальне.

– Конечно! Но ты должен знать, что я была куртизанкой не только после, но и до этого.

Он прищурился, пытаясь осознать её слова.

– Ты хочешь сказать, когда мой отец встретил тебя...

– Да. Обычно я работала недалеко от Кампо д'Оро. Тебя зачали в гондоле во время карнавала. Когда я узнала, что беременна тобой, Карло женился на мне. Я была красавицей тогда, Аннибал, – ты и представить себе не можешь, какой.

Он не мог. Только одну женщину он считал красивой, кроме того, красота для него заключалась не в маске, а в том, что сокрыто за ней. Он взглянул на маску своей матери, висевшую подле его клюва над камином, – богопротивный союз куртизанки и птицы. Безупречно нарисованное лицо уставилось на него пустыми глазницами, словно бы из прошлого его матери.

Он узнал от неё, что она, бросив маленького сына и мужа, отправилась с новым любовником на одну из великолепных вилл Венето. Обнаружив вскоре, что её покровитель делит ложе с обеими посудомойками одновременно, она сбежала от него в Рим с художником, который рисовал фрески на этой вилле. Там она стала любовницей священника, а затем уехала в Мессину с одним из его дьяконов.

Аннибал перестал слушать её, пытаясь представить себе истинное положение дел. В молодости она была ослепительно красива – достаточно красива, чтобы поймать на крючок венецианского дворянина, несмотря на свое низкое происхождение. Он подозревал, что её последний любовник, купец, был обыкновенным лоточником, торговавшим сукном на рынке Трепорти. С красотой исчезли и клиенты. Осталась лишь порочная женщина, не способная найти себе спутника на закате жизни. Под конец, устав от её мрачных рассказов, он заснул там же, где сидел, и ему снились печальные сны. Утром его бутылки с прекрасным вином – пустые –

валялись на полу, огонь потух, а мать храпела на кровати, которую он с такой нежностью приготовил для Фейры.

Там он и оставил её.

* * *

Вечера у Аннибала стали совершенно другими. Вместо споров с Фейрой о медицине, которые вселяли в него такое чувство, будто он мог победить саму смерть и исцелить весь мир, ему приходилось слушать рассказы матери о бесчестье и увядании, о том, как она оплакивала свою молодость. Внезапно ему стало невыносимо одиноко, хотя он теперь постоянно находился в компании матери. Ему казалось, будто его изолировали от остального мира и при этом ласкали так, как когда-то в детстве. Мать со своими запоздалыми ласками тормозила его так, как будто ему все ещё было восемь лет. Она ерошила ему волосы, щипала за щёки, целовала в шею и терла ему спину, как заболевшему ребенку. Он не находил в себе силы оттолкнуть её, но такая назойливость вызывала у него лишь отвращение, как омерзительная насмешка над ласками и объятиями, которые он надеялся разделить с другой. Он уступил матери свою кровать на втором этаже и каждую ночь мучился один на постели, которую готовил для Фейры.

Аннибал посоветовал Коломбине не снимать маску, которую она носила, – полностью закрывавшую лицо, с завязками вокруг головы. Он помнил эту маску с детства – красивое лицо куртизанки, серебристое, как свинец, с перламутровым блеском, накрашенными вишневыми губами и наруганными щеками. Сейчас она придавала матери жутковатый, опустошенный вид утраченной красоты. Её яркая одежда совсем не шла ей, поскольку больше подходила девушкам помоложе. Даже её имя

теперь казалось слишком молодым для неё. Коломбина Касон – имя для кокотки или капризной красотки. Она давно переросла его.

Коломбина Касон везде носила маску. Она навестила каждую семью, принося кастрюли с тушеным мясом, свежие лимоны или конфеты детям. Она шила матрасы вместе с сестрами и даже копала землю в саду, подоткнув свои пышные юбки. Каждый день она являлась к мессе, очаровав сестер рассказами о своей несчастной жизни и раскаянием, и почти ежедневно ходила к Бадессе на исповедь, находя в этом ещё одну возможность поговорить о себе.

Коломбина заметила странную девушку, прячущую свое лицо, которая работала вместе с её сыном, – тихая, усердная, образованная. Ревнуя, она пыталась подольститься к девушке, но эта иноземка оказалась единственным человеком на острове, который не поддавался её чарам, кроме разве что карлика. Коломбина пару раз поймала на себе его взгляды, и нагнулась, чтобы дать ему затрещину. Девушка сразу же пришла ему на помощь и смазала мазью ссадины на его лице, оставленные кольцом Коломбины. И та с тревогой почувствовала, что янтарные глаза девушки видят её насквозь.

С тех пор, вместо того чтобы игнорировать мусульманку, она стала осенять себя крестным знаменем каждый раз, когда видела её, и плевать ей вслед, как и подобало христианке, хотя она никогда не делала этого в присутствии своего сына. Некоторые монахини помоложе последовали её примеру, и чем больше они отвергали неверную, тем больше Коломбина утверждалась в том, что выполняет волю Божью.

Аббатиса монастыря Мираколи прекрасно разбиралась в людях, и Коломбина Касон не сумела обмануть её.

Бадесса безошибочно распознавала искреннюю веру – к примеру, сторож Бокка был действительно набожным – но она многое узнала на этих бесконечных исповедях и поняла, что мать доктора имеет не больше веры, чем её сын. И видя, с каким смирением и достоинством Фейра сносит оскорбления Коломбины Касон, она ещё больше привязалась к девушке.

Поэтому, когда примерно через неделю после приезда Коломбины, Фейра появилась на пороге церкви, она тепло приняла её. На девушке лица не было.

– Что-то случилось?

– Ничего, – ответила Фейра чуть слышно, но её вид говорил обратное. – Просто передайте Трианни, что они не смогут перебраться в новый дом прямо сейчас. Он мне ещё понадобится.

Она развернулась, чтобы уйти, но Бадесса заметила блеснувшие у неё на глазах слёзы.

Аббатисса остановила её. Девушка не переступала порог, Бадесса и не позволила бы, поэтому она сама вышла к ней.

– Ты здорова?

Девушка уже овладела собой.

– Вполне.

Обычно Бадесса не вмешивалась в чужую жизнь, но на этот раз она искренне сочувствовала Фейре.

– Если позволишь... Я догадываюсь, что помешало тебе поселиться под одной крышей с нашим доктором, и должна сказать, что, возможно, это во благо.

Еретичка подняла на неё свои огромные глаза.

– Что в этом плохого, если мы любим друг друга?

Бадесса посмотрела на неё с состраданием, но голос её прозвучал твердо.

- То, что ты говоришь, - это *грех*, грех против христианских заповедей.

Она смягчилась, пока они шли вместе к воротам.

- Вы принадлежите к разным верам; хотя есть способ соединить вас. Если ты будешь изучать христианскую Библию, Книгу Книг, ты могла бы со временем стать частью Тела Христова. Тогда и только тогда доктор сможет официально оформить свои отношения с тобой.

Странные желтые глаза девушки расширились. Казалось, эта мысль ужаснула её, однако через мгновение её взгляд переменился, словно ветер всколыхнул воду.

- Да, - произнесла она страстно. - Да, если разрешите, я бы хотела взять... Библию.

* * *

Фейра не собиралась входить в Церковь Бога и Его пророка-пастуха. Она знала, что её мать изменила веру, но эта мысль вызывала у неё отвращение.

Однако когда Бадесса упомянула Библию, она вспомнила слова своей матери: Библия - Книга Книг, и именно там она найдет всё, что нужно знать о Четырёх всадниках. Теперь, когда ей не с кем было коротать вечера, она всё чаще задумывалась об этой тайне, стараясь вспомнить слова матери, давно позабытые. Ей нужно было чем-то заняться; и она решила разгадать загадку Четырёх коней.

Сидя возле своего очага, бледного подобия уютного камина Аннибала, Фейра взглянула на книгу, лежавшую у неё на коленях. Она была в темно-красном бархатном переплете с серебряным замочком, а края страниц отливали изысканным золотистым оттенком.

Фейра раскрыла книгу, словно она жгла ей руки. Бумага была такой гладкой и белоснежной, а страницы

изящно сшиты в корешке. Эта книга явно представляла собой большую ценность, и Бадессе было непросто отдать её Фейре. Шрифт был мелкий, черный, текст украшен цветными иллюстрациями – наивными картинками с ангелами и демонами, обещавшими славу и проклятие. Эта книга оправдывала ненависть к её народу и вере, тем не менее Фейра, полная решимости, принялась листать страницы. Латынь давалась ей с трудом, но она сближала её с Аннибалом, потому что он учил Фейру читать на этом языке. Странно, подумала она, что язык западной медицины является также языком христианской веры, хотя иногда их принципы противоречат друг другу, как говорил Аннибал. Он рассказывал ей однажды о том, что Падуанская курия осудила прививки против оспы, разработанные в местной медицинской школе, сочтя их безбожными.

Фейра листала страницы, всматриваясь в буквы, пока они не стали расплываться у неё перед глазами, а позолоченные цифры в сносках заплясали перед её взором, словно живые. Наконец она нашла то, что искала, в книге под названием «Откровение». Там-то они и мчались, готовые соскочить со страниц, – вороной конь, рыжий конь, белый конь и бледный конь^[3] с ослабившимися скелетами вместо всадников.

Четыре всадника Апокалипсиса.

Она с трудом разобрала латынь и не продвинулась дальше первой фразы, когда внезапно похолодела, вспомнив предсмертные речи своей матери.

«Иди и смотри! – прочитала она вслух, испугавшись собственного голоса. – Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нём всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос среди четырёх животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; елея же и вина не повреждай».

Фейра поняла не больше, чем тогда, когда её мать произнесла эти слова на смертном ложе, но, продолжая

читать, она вздрогнула всем телом, впервые осознав, какой «дар» привез её отец в Венецию. Вороной конь принес мор. Она читала, холодея от ужаса, о Великой скорби, о которой предупреждала её мать. За вороным конем ехал рыжий – предвестник кровопролития.

«Когда Агнец снял вторую печать, – читала Фейра, – я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий».

Затем появился белый конь – с победоносным всадником, которому даны были лук и венец и который предвещал Войну. И, наконец, бледный конь нёс Смерть, отчаяние и конец времён.

Она захлопнула книгу, словно хотела удержать ужасы, таившиеся в ней. Закрыв глаза, постаралась вспомнить, что говорила Нурбану. Она сказала, что придут *четыре* всадника, а не один. Четыре коня, как четыре бронзовых зверя, бьющих копытами, которых она видела на базилике дожа.

В Библии бледный конь следовал за вороным, но на её кольцо – она внимательно рассмотрела хрустальный круг, хранивший тепло её руки, – рыжий конь наступал на пятки вороному, затем шел белый, а бледный – последним.

Фейра проклинала себя за то, что не запомнила слова матери, за то, что не передала послание дожу, как обещала. Когда её друг Смерть вошел в город, у неё опустились руки. Вороной конь вырвался из конюшни, так что двери закрывать не имело смысла. Но теперь, объятая ужасом, она задумалась, что ещё ждет их впереди.

Если бы Аннибал был рядом, она, возможно, отмахнулась бы от предсказаний, но сейчас девушка гадала, каких ещё бедствий нужно ждать из Константинополя этому злосчастному городу. Морское сообщение все ещё под запретом, команда *“Il Cavaliere”* уплыла, и она – единственный человек с того судна,

выживший в Венеции. Задание выполнено. Однако она сожалела о том, что прочитала об этом жутком видении. У неё появилось страшное предчувствие, что это ещё не конец.

В ту ночь Фейра не ложилась спать. Она сидела и смотрела на книгу, словно всадники могли сбежать со страниц и вырваться на свободу. Услышав колокола, звонящие к полунощнице, она направилась к церкви и оставила книгу на пороге.

Бадесса, выйдившая из церквушки Святого Варфоломея, чтобы отвести сестер обратно в спальню, чуть не споткнулась о Библию. Она подняла её и печально вздохнула. Затем она легла в постель, чтобы подремать ещё несколько драгоценных часов перед заутреней, оплакивая одну потерянную овечку.

Глава 32

В последующие дни Фейра пыталась забыть Всадников, решив заняться единственным следствием их пагубного влияния, в котором хорошо разбиралась. Она соберет все знания и опыт – свои и Аннибала – и найдет лекарство от чумы.

В Константинополе самые умелые врачи часто готовили эликсир «Териак» – панацею от всех болезней, одну из сложнейших фармацевтических формул. Он имел разную форму, в зависимости от назначения. Обычно такой эликсир могли позволить себе только самые состоятельные люди, так как его многочисленные компоненты стоили дорого, и только самые опытные врачи могли приготовить отвар.

Но Фейра не боялась. Ей нужно было чем-то занять себя. Она сняла свой медицинский пояс и взглянула на оставшиеся травы, мази и порошки – некоторые из Константинополя, некоторые из Венеции, а некоторые – новые находки, собранные в дальних уголках тернового леса этого острова или с необычных растений, разросшихся на солончаках.

У неё были две цели: исцелить зараженных и защитить здоровых. Новому снадобью предстояло одновременно сбивать температуру и очищать кровь, убирая нарывы, и главное – давать надежду: каждый человек должен быть совершенно уверен в том, что жидкость в этой маленькой стеклянной бутылке вернет ему прежнюю жизнь. Она решила назвать лекарство «*Териака*» – венецианское заимствование из греческого языка. Она осталась довольна, но пока у неё было только название.

Фейра приступила к работе.

Её дом превратился в келью алхимика, заставленную бутылочками, котлами и сосудами. Хотя она и пыталась сосредоточиться, но оборачивалась на каждый звук, надеясь, что это *он* – пришел сказать ей, что его ужасная мать ушла.

Но дни превращались в недели, а недели – в месяц, и она всё ещё не встречалась с Аннибалом за пределами Тезона. Насколько ей было известно, он посещал Палладио каждую пятницу, и в эти дни она едва выходила из больницы, потому что именно тогда враждебное присутствие его матери делало её жизнь невыносимой. Она мудро использовала время. По пятницам она проводила эксперименты на пациентах, спрашивая разрешения у тех, кто мог говорить, и используя тех, кто не мог, убежденная в том, что малейшая вероятность исцеления будет воспринята с радостью теми, кто был на пороге смерти. Она также предлагала снадобье некоторым семьям, чьи родственники недавно заразились. Результаты опытов оказались весьма любопытными.

Теперь она уже была готова делать лекарство большими партиями. Фейра собрала целую гору склянок и бутылочек из Тезона, наполнив их на ночь морской солью. На следующий день, в пятницу, она отнесла очищенные бутылочки к колодцу, чтобы наполнить их

водой, необходимой для изготовления лекарства. Подняв ведро с кристально чистой водой, она аккуратно наполнила ею бутылочки, закупорила их и завязала в обработанное дымом полотно. Взвалив узел на спину, она направилась домой, чтобы добавить в них секретные ингредиенты. Каменный лев с закрытой книгой наблюдал за ней.

«Ни слова», – сказала она ему.

* * *

Уже стемнело, когда Аннибал вернулся на остров. Он намеренно не спешил покинуть Венецию именно в эту пятницу. По дороге на остров он подсчитал, что не видел лица Фейры уже месяц, и для него было настоящим мучением – находиться рядом с ней и при этом так далеко. Молчаливая и сдержанная в больнице, девушка работала больше, чем когда-либо. Она была вежлива с ним, но он видел, что Фейра обижена, и это для него оказалось настолько невыносимым, что он стал особенно груб и резок с ней. Кроме того, ему пришлось взглянуть правде в глаза.

Останется его мать здесь или нет, он знал, что уже никогда не сможет предложить Фейре то, что предложил в тот счастливый вечер возле камина. Он не мог обесчестить девушку, сделав её своей любовницей, но и не мог взять её в жены. Аббатиса была права: их разделяет слишком большая пропасть. Она прожила бы с ним год или, может, два, пока чума не уймется, а что потом? Он не мог допустить, чтобы она переходила от одного мужчины к другому, пока не скатится в пропасть, которая поглотила Коломбину Касон.

Аннибал привык проводить вечера с матерью, привык к её постоянному вторжению в его жизнь, к её бесконечной болтовне, её эгоистичным,

самовлюбленным рассказам о своей горестной жизни. Он сидел молча и смотрел на огонь, стараясь вспомнить лицо, по которому так тосковал: её необычный рот и золотистые глаза. Он смирился с тем, что так пройдет вся его жизнь, и удивился, вернувшись домой, исчезновению матери. Первое, о чём он подумал, что она, наверняка, прихватила с собой кое-что из его медицинских приборов, однако ничего не пропало, кроме её плаща, перчаток и зловещей белой маски.

Аннибал выбежал в ночь и направился прямо к сторожке, где Бокка со своим сыном как раз сели за скромный ужин.

– Лодка приходила? – спросил он.

Тона его голоса оказалось достаточно, чтобы Бокка вскочил на ноги.

– Да, сеньор доктор. Я зажег светильник в шестом часу и сообщил вашей матушке, когда барка причалила. Я думал, вы знаете, что она уезжает.

На мгновение Аннибал снова почувствовал себя восьмилетним мальчиком, брошенным, оставленным, но он кивнул, радуясь, что лицо его спрятано за маской.

– Конечно, знал, – отрезал он. – Я просто хотел убедиться, что все прошло благополучно.

Он сразу же ушел, раздраженный насупившимся лицом гнома, который уставился на него из своего укрытия.

Пересекая лужайку, он почувствовал невероятное облегчение. Он и не помышлял больше о той близости с Фейрой, о которой мечтал когда-то; но, возможно, со временем они снова станут друзьями? Аннибал принялся убеждать себя в том, что, как только сядет с ней рядом, как раньше, посмотрит ей в лицо и поговорит с ней о том, что было важно для них обоих, он снова будет счастлив. На полпути он остановился. Он пойдет к ней прямо сейчас, постучится в дверь и попросит её прийти к нему.

Вдруг он заметил колодец – бледное пятно в темноте. Лев с закрытой книгой в лапах взглянул на него пустыми каменными глазами. Внезапно схватившись за голову, он побежал – не к дому Фейры, а к своему.

Аннибал распахнул дверь и взбежал по лестнице вверх, сорвав с себя маску. Он нагнулся возле кровати и поднял половицы, под которыми хранилось богатство Касонов. Доски легко поддались, словно их положили на место совсем недавно. Под ними было пусто, ларец исчез.

В отчаянии Аннибал опустил голову, прижавшись к половицам. С его шеи свисал золотой ключ, ставший вдруг совершенно бесполезным.

Глава 33

Аннибал не знал, что делать. Как ни странно, после исчезновения матери пропасть между ним и Фейрой только увеличилась. От его богатства не осталось ни гроша. Монетки, завалявшиеся в карманах, позволят продержаться не больше двух-трёх дней. Из-за его матери больница Святого Варфоломея вместе с его утопическим островом не смогут продержаться даже до конца недели.

Семьям придётся вернуться домой, мёртвые и умирающие останутся здесь, а сёстры отправятся в Мираколи. Он не знал, что станет с Фейрой – вероятно, ему придётся отвезти её на материк и найти корабль в Турцию, плывущий, возможно, из Анконы или Равенны. Он проклинал себя за то, что поверил матери, – поверил, что она может измениться.

Не находя иного выхода, он попросил Фейру зайти к нему вечером, надеясь, что его решимость не ослабеет при виде её милого лица.

Девушка пришла, как он просил, но не села на свой стул, зная, кто занимал его в её отсутствие. Она

осталась стоять, отметив с грустью, что впервые с тех пор, как они проводили вечера наедине в этом доме, он не снял маску. И она тоже.

– Во-первых, – произнёс человек-птица подавленно, – позвольте мне успокоить вас. Я не собираюсь повторять предложение, которое сделал вам недавно.

Фейра побледнела. Она знала об этом, и все же его слова полоснули её по сердцу. Она почувствовала, как глаза наполняются слезами, и стояла молча, чтобы голос не выдал её.

– Во-вторых, мне очень тяжело говорить об этом, но богатство Касонов пропало.

Он не врал, но он забыл, как хорошо она знала его.

– А ваша матушка?

Клюв свесился вниз.

– Тоже пропала.

Девушка ничего не сказала.

– Итак, остров следует освободить и вернуть Республике. Больницу закроют в течение семи дней. Я заплачу вам в конце недели и постараюсь найти корабль, плывущий на Восток.

Вот оно. То, ради чего она работала и копила все эти маленькие золотые цехины, которые, позвякивая в желтой туфельке, вселяли в неё надежду снова увидеть дом. За последний месяц одиночества она стала думать, какой могла стать её жизнь, если ей удастся вернуться в Турцию. Не в Константинополь, конечно, а в какой-нибудь отдаленный городок, как можно дальше от глаз султана, например в Антиохию или Тарс; она могла бы заняться своей собственной врачебной практикой. Ей хотелось уехать и никогда больше не оглядываться на Запад. Но вместо этого она сказала:

– Так не должно быть. Я приготовила смесь, антидот, который назвала «Териака». Позвольте мне продавать его, чтобы оплачивать содержание больницы.

Человек-птица ударил кулаком по ладони, но голос его прозвучал спокойно.

– Я говорил вам не раз, что не собираюсь наживать на разуме и кошельках больных людей, мороча им голову бесполезными, шарлатанскими эликсирами.

– И каждый раз, когда мы обсуждали эту тему, я говорила, что если врач, продавая лекарство, может создать для своих пациентов лучшие условия или продолжать дальнейшие исследования, то это допустимо. Я не говорю о том, чтобы использовать людей, я говорю о законной торговле, потому что моя настойка совсем не бесполезна.

– Откуда вам знать?

– Последний месяц по пятницам я проводила опыты. Моя микстура оказалась очень даже успешной, – сказала Фейра с глубоким вздохом.

– Вы нарушали мои предписания? – резко спросил Аннибал; в маске он казался по-настоящему разъяренным.

Она подняла голову, радуясь собственному гневу.

– Да. С *большим* успехом.

Она подняла руки. Вот они и опять спорят, как раньше.

– Если вы мне это разрешите, то сможете сохранить больницу и остров. Навсегда. Неужели вы действительно готовы отказаться от всего этого из-за игр, которые со мной ведете?

Человек-птица тяжело дышал. Он буравил её взглядом сквозь дымчатые стекла своей маски. Она уловила его взгляд. За год, проведенный здесь, она полностью вернулась к османской одежде, все больше и больше укрывая себя – шароварами и длинной сорочкой, широким красным платьем – самого практичного цвета для работы в Тезоне.

– Что ж, – произнёс он наконец, и голос его прозвучал таким родным и знакомым, – в таком виде

тебе нельзя идти.

* * *

Аннибал спрыгнул на берег в Трепорти, нащупывая последние монетки в кармане, и направился через многолюдный рынок, где люди расступались перед доктором. Он смотрел на горожан профессиональным взглядом – казалось, сюда чума не успела добраться, и двери маленьких, опаленных солнцем домиков не были украшены крестами. Это дело он не хотел доверять кому-либо другому, но какое-то время слонялся между рядами, сам не зная, что ищет.

Матушка Трианни велела ему привезти парчу или шелк любого цвета, на его вкус, а остальным она займется сама. Он не знал разницы между этими тканями, но не признался бы в этом ни за что на свете. Он подошел к разноцветному прилавку, где ткани на любой вкус развевались на ветру, как флаги. Неосознанно Аннибал выбрал ткань зеленого цвета, как его глаза, цвета бутылочного стекла, отливающую на солнце перламутром.

К нему подошел суконщик.

– Прекрасный выбор, доктор, изумрудный. Индигофера из Индии для синего оттенка, английская резеда для желтого.

Аннибал сделал шаг назад, держа ткань в руках.

– Это подойдет для платья? – спросил он.

– Да, доктор.

– Сколько мне... моей портнихе понадобится?

– Это зависит от размера, – он почесал подбородок и поправил сантиметр, висящий у него на шее. – Она крупная дама?

– Что? Нет, нет, она худая и стройная. Примерно такая..., – Аннибал сложил руки так, словно обнимал

Фейру за талию.

– Вам нужна ткань для корсета? Нижних юбок? А может, хрустальный бисер для вышивки?

Суконщик говорил, словно, на другом языке. Аннибал, смутившись, соглашался на все и ушел с довольно объемистым свертком, потратив почти все деньги.

Возвращаясь к лодке, он подумал: у Фейры должна быть маска, не для того чтобы скрыть лицо, а из санитарных соображений. Он повернул к продавцу масок и сразу же выбрал лошадиную голову перламутрового цвета. Уже на полпути к острову Аннибал неожиданно понял, почему выбрал именно лошадиную голову, – он вспомнил вопрос, который она однажды задала ему.

Занося портнихе свёрток, он решил максимально сократить этот неловкий визит.

– Постарайтесь; она должна выглядеть, как благородная дама.

Матушка Трианни хрипло усмехнулась. Он вспомнил, как эта старая женщина с большим рвением последовала его совету начать курить трубку, чтобы не заразиться.

– Не беспокойтесь, доктор, – сказала она. – Я точно знаю, что делать. Она будет выглядеть не хуже, чем жена самого дожа.

Он поспешил в дом к Фейре, где она складывала склянки для завтрашнего дня.

Последние дукаты он потратил в Мурано на новенькие бутылки – прокалённые на огне и никогда до этого не использовавшиеся, они сохраняют все свойства таинственных ингредиентов, какими бы они ни были. Он с интересом отметил, что крепкие, загорелые стеклодувы ввели свои правила защиты от чумы, которая ещё не достигла их острова, – бутылки вывезли в небольшой лодке и попросили бросить монетку в

морскую воду, чтобы она очистилась солью, и только потом один из работников достанет её.

Теперь Фейра аккуратно складывала бутылочки в кожаную сумку с жесткими боками, чтобы они стояли ровно. Он обратил внимание на лекарство – её секретное противоядие, состава которого она так и не раскрыла, – оно было в точности такого же цвета, как и её платье.

Девушка выпрямилась, когда Аннибал вошел.

– Я думаю, – начал он сразу, – тебе нужна история, что-то вроде четырех разбойников Валнетти – святое древо, волшебный колодец или что-то подобное. Легенда, чтобы люди поверили в исцеление. Они не понимают медицину, а вот народные предания им близки.

– Хорошо, – согласилась она.

– Истина для нас сейчас не самое главное, да и вся эта затея – сплошное вранье, и мне это не нравится.

Она подошла так близко к нему, что он ощутил тепло её тела.

– Я бы не стала продавать эту смесь, если бы не верила в её эффективность.

– Хорошо. «Львиный колодец» – подойдёт, символ льва понравится венецианцам. Кроме того, святые источники – идеальная приманка для легковверных; один такой колодец есть на Джудекке, как раз там, где Палладио строит церковь. Паломники клянутся, что вода защищает от чумы.

Фейра ничего не ответила на это, но вскоре они уже сидели, без масок, и разговаривали, как раньше, перебивая друг друга, размахивая руками, настаивая на своем, пока сочиняли легенду об эликсире, который она назвала «Териака».

– Однажды я прогуливалась возле колодца и увидела льва с книгой...

– Нет, лев *заговорил* с тобой.

– Да, так лучше. Лев заговорил со мной и сказал: «Я символ Венеции. В моём колодце – вода, которая исцелит мой народ; вода, благословенная...», – она смолкла.

– Святым Марком, – продолжил Аннибал.

Фейра вспомнила историю несчастного Святого, завернутого в свинину, словно угощение для праздничного стола.

– Святым Марком, вернувшимся с Востока...

– Из Святой Земли. *Всегда* должна упоминаться Святая Земля, – вставил Аннибал.

– Святым Марком, вернувшимся из Святой Земли. Он начертал своё благословение в моей книге, вызвав молнию с небес...

– Небесную молнию? – предложил Аннибал. – А потом велел мне закрыть книгу – навсегда...

– Чтобы сохранить тайну! – торжествующе закончила Фейра.

Аннибал заставил её повторить эту историю несколько раз, чтобы отшлифовать её акцент. Совершенно очевидно, что она была невосприимчива к чуме, ведь все эти месяцы ей пришлось находиться рядом с больными без защитной маски, как он, но её подстерегает большая опасность, если обнаружится, что она турчанка. Фейра, прекрасно помня свой побег из дворца дожа, внимательно прислушивалась к его советам и изо всех сил старалась придать своей речи венецианский выговор.

* * *

Матушка Трианни подошла к сундуку, стоявшему под окном, и торжественно подняла крышку. Шелковые складки потрясающего зеленого оттенка заструились, словно водопад. Цвет был в точности таким, каким

становится вода в лагуне в облачный день, – радужный оттенок бегущих волн. Старушка вытащила платье с помощью своей дочери Валентины и подняла его, чтобы Фейра полюбовалась изящной отделкой корсета и рукавов. С благоговением она приняла его из рук матушки Трианни – оно было невероятно тяжелым – и увидела, что главным украшением был корсаж, вышитый причудливыми узорами из множества крошечных страз, напоминавших волны Адриатического моря.

Фейра быстро разделась, и зелёное шелковое платье удобно село – прохладное и тяжелое на её теплой коже.

Мать и дочь умолкли, когда Фейра подошла к окну. «Все в порядке?» – спросила она нерешительно. Зеркала не было, и она не видела того, что видели они. Именно в эту минуту вошел Аннибал, и все её сомнения развеялись.

Он стоял, разинув рот. Его Фейра настолько преобразилась, словно гусеница превратилась в бабочку или птенец – в лебедя. Она пересекла океан из Византии в Венецию и переродилась, как Восточная Венера. Зелёное платье спускалось до пола, отчего девушка казалась выше, а золотистые плечи выступали над вышитым корсажем. Талия, зрительно суженная покроем платья, казалась крошечной. Платье было однотонным, и на фоне его глубокого, насыщенного цвета теплые оттенки её кожи блестели, оттеняя янтарные глаза. Матушка Трианни хлопотала вокруг неё, поправляя то там то здесь, хотя в этом не было необходимости.

«Теперь моя очередь, – сказала Валентина, вставая. – Это не займет много времени, доктор».

Аннибал прислонился к двери, восхищенный.

«Итак: волосы. Давайте-ка распустим их для начала». Вуаль убрали, и Аннибал впервые увидел волосы Фейры, с шелестом упавшие на её плечи. Он пытался угадать их цвет по локонам, выбивавшимся из-под вуали, но они только сбивали с толку – иногда кудри

казались медными, иногда темными, как чернила, иногда блестящими, словно вишневое дерево. Теперь он видел все удивительные оттенки золотистого и коричневого.

«Матерь Божья, какие они густые! А как переливаются!» – воскликнула матушка Трианни, вторя его мыслям. Аннибал наблюдал, как Валентина уложила блестящие волосы в сетку, так чтобы она лежала сзади на шее, перевязала ниточкой мелкого жемчуга, оставив несколько локонов над ушами.

Впервые Аннибал увидел, что на простенькой ленте, которую Фейра носила на шее, висело кольцо. На мгновение он решил, что это память о прежней любви, но откуда бы оно ни было, его простота, вместе с зелёным платьем и уложенными волосами, ошеломляла.

Когда Валентина закончила, Аннибал передал Фейре великолепную перламутровую маску в виде лошадиной головы. Он выбрал её, надеясь угодить девушке, но не понял, почему она вскрикнула, увидев её.

Аннибал подумал, как сильно изменила её маска, скрыв выражение лица, но через неё блеснули глаза Фейры – пленительные, завораживающие. Её красота напугала его; она могла покорить любого мужчину, теперь это уже не та девушка, которая сидела рядом с ним возле камина. Однако он ни словом не обмолвился об этом, только спросил: «Готова?».

* * *

Аннибал подал Фейре руку, когда они шли через лужайку, и она приняла её, следуя приличиям. Он нес её сумку с бутылочками до самого причала, и они дребезжали, вторя её беспокойным мыслям. Нижние юбки топорщились на бедрах, и она думала, как венецианкам удастся выдержать карнавальную разгул,

когда всё так мешает. Девушка взглянула на своего спутника и увидела, что он рассматривает её, словно незнакомку.

– Мне всё это не нравится. Мне не нравится, что ты едешь, – сказал он.

– Тогда ты поезжай.

– Ты же знаешь, я не могу. Я не одобряю это снадобье и уж точно не собираюсь приписывать себе авторство. Более того, будучи врачом Республики, я должен зарегистрировать ингредиенты любого лекарства в Совете по здравоохранению, и они получают немалую долю всех моих доходов.

Она открыла ворота и вышла из тени на свет.

– Я буду осторожна, – заверила она его. – В конце концов, я всего лишь благочестивая мать семейства, продающая домашнее лекарство. И ты должен признать, что я выгляжу, как настоящая венецианка, даже для тебя.

Она вспомнила слова аббатисы о том, как можно было измениться, приняв Господа, и прижиться на христианском Западе. Она выглядела бы так же, если бы стала женой Аннибала? Девушка прикусила губы, отчего они стали тёмно-розовыми.

Он остановился, повернувшись к ней:

– Я *никогда* не хотел, чтобы ты выглядела так, – возразил он страстно, словно это было намного важнее всех его наставлений о безопасности в городе.

На пристани она всучила ему свою жёлтую туфельку с цехинами. Фейра отдала её быстро, чтобы не передумать, ведь это её зарплата, полученная за тяжелейший труд, и она была для неё символом возвращения в Турцию. Теперь ей уже никогда не вернуться домой.

– Для больницы, – сказала она. – Пока я не вернусь с деньгами.

Затем она быстро села в ожидавший её баркас, едва не запутавшись в юбках, и зеленое платье заполнило почти всю лодку, словно кувшинка на воде.

Фейра смотрела, как стоявший на пристани Аннибал с жёлтой туфелькой в руках становился всё меньше и меньше, обезличенный своей маской. Она правильно сделала, что отдала её. Девушка подумала, что не смогла бы покинуть своих пациентов, но главная причина была не в этом: даже если все надежды обратятся в прах, она никогда не покинет *его*.

Глава 34

Аннибал посадил Фейру в прочную рыбацкую лодку, где могли уместиться не только её тяжелая сумка, но и зеленое платье, и когда гребец приблизился к Венеции, ему пришлось плыть крайне осторожно, лавируя в оживленном потоке канала.

Густой туман с моря и чумные костры низко висели над водой, так что городские шпили прорезали мглу, как болотные камыши, и Фейре пришлось пристально вглядываться во тьму, чтобы понять, куда они направляются. Она видела, что лодка пробирается в город почти там, где *"Il Cavaliere"* высадил свой смертоносный груз много месяцев назад. Вот и белый дворец с ажурными окнами и величественные башни-близнецы, между которыми прошла Смерть.

Теперь она видела плоды её трудов.

Многочисленные баржи наполняли не весёлые компании, а завернутые в саван тела, уже посыпанные белой извешткой, которые начали гнить, ещё не успев добраться до могилы. То там то здесь капризный ветер приподнимал их саваны, обнажая почерневшие руки или

истерзанные лица. Жёлтая пелена тумана поднялась и накрыла зараженный город, срезав верхушки шпилей и колоколен. Чума одержала победу за то время, что Фейра отсутствовала, и люди отчаянно нуждались в том, что она привезла для продажи. Она выпрямилась и хорошо закрепила маску на лице. Сегодня ей предстояло сыграть роль.

Девушка наклонилась вперед:

– Где находится *veduta della Sanita et Granari Pubblici*?

– Вон то большое белое здание, госпожа, перед которым собираются проститутки, – указал гребец рукой.

Сквозь маску Фейра пристально взглянула на длинное низкое здание – она еле различила его колонны и портики за лотками и палатками, где толпился народ.

– Кто все эти люди? – спросила Фейра.

Гребец горько усмехнулся.

– Они торгуют мечтами, госпожа. Обещают отвести Чумную Деву. Наплетут вам с три короба да ещё денег потребуют.

Фейра гордо подняла голову, и гребец помог ей выйти из лодки. Ей ничего не оставалось, как встать рядом с остальными и поставить свою сумку на прилавок.

К полудню она продала одну бутылку – господину, который решил, что она явно торгует ещё кое-чем, а вторую отдала даром. Историю про льва и колодец никто и слушать не стал, и её слова заглушали зазывалы и торговцы, старавшиеся привлечь покупателей к своим товарам. Один торговал вязанками хвороста, можжевельником, пеплом, вином и розмарином, утверждая, что дым от них прогоняет чуму. Другой убеждал, что в огонь надо бросать порошок из смолы, лавровых листьев и кипариса. Стоявшая неподалеку женщина, почти в таком же прелестном платье, как у Фейры, продавала пахучие шарики гуммиарабика с

ароматом роз и камфары, изящно раскрашенные красным и белым сандалом. Здесь были снадобья на любой кошелёк – настой из нарда и ревеня для бедняков и порошок из настоящих изумрудов или аметисты с выгравированными целительными символами для богатых. Некоторые средства были слишком причудливыми: один предприимчивый парень, торговавший голубиными крыльями, приятным баритоном нараспев расхваливал достоинства своего товара.

Фейру унижало подобное общество. Она обратила внимание на женщину, которая подходила почти к каждому прилавку, сжимая в руках серебряный кубок и отчаянно пытаясь обменять его на лекарство, чтобы защитить свою единственную дочь от болезни. Догадавшись, что ребенок ещё не заражен, Фейра отдала ей второй пузырёк «Териаки» и объяснила, как лучше его использовать. Кубок она не взяла.

К полудню Фейру охватило отчаяние. Она не могла вернуться на остров с полной сумкой и сообщить Аннибалу, что ему придется отказаться от больницы. Она была так уверена, что сможет спасти остров ради него.

Девушка огляделась вокруг. Аннибал так старался сделать её похожей на венецианку, что в своём наряде она ничем не отличалась от высокородных дам, расхаживавших между рядами в шуршащих юбках. Её платье, возможно, было чуть изящнее, а осанка благороднее, но она была венецианкой с ног до головы. Она вспомнила слова Аннибала: если все лекарства выглядят одинаково, то для того чтобы продать своё, нужно снабдить его тем, чего нет ни у кого другого. Юноша, который расхваливал и вертел голубиные крылья, давно уже ушёл, продав весь свой товар. Качество и эффективность ничего не значили – на первый взгляд. Качество и эффективность – это то, ради

чего покупатели *вернутся*. Но, для того чтобы *привлечь* их, нужно было выделиться.

Внезапно ей пришла в голову отчаянная мысль. Она поведает людям нечто более ужасное, чем та ложь, которую они придумали. Фейра расскажет им правду. Она схватила брошенный кем-то ящик из-под рыбы, достала один пузырёк «Териаки», скинула с себя плащ и маску и взобралась на ящик.

– Слушайте, жители Венеции! – крикнула она, заглушая гул толпы, – я раскрою вам тайну султана.

Она заметила, что небольшая группа людей, стоявших неподалеку, обратила на неё внимание; они повернулись, прислушиваясь к её словам, и стали шикать на остальных, пока все не замолчали. Фейра заговорила на чистейшем венецианском, но используя все обороты и манеры оттоманских рассказчиков, чтобы увлечь своих слушателей. *Начни с тайны*, вспомнила она. *Подразни их, расскажи то, чего они не знают*. «Верно, мне известна тайна, зачатая в самой Византии, о которой не знает ни одна живая душа. Я знаю, как чума проникла в Венецию, и только я знаю, как её излечить!»

Сердце у неё забилося быстрее, голос разнесся над безмолвной толпой. Собравшись с духом, она продолжала:

– Турки принесли чуму! Да, да, османский султан прислал чуму в наш город!

– Откуда тебе это известно, госпожа? – крикнул кто-то из толпы.

– Мой супруг, да упокоит Господь его душу, – она с трудом выговорила притворное благословение, – работал на острове Винья Мурада. – Она вспомнила прежнее название острова Аннибала. – Недавно стражники задержали корабль, плывущий из Константинополя, и спустили команду на берег. Это стало их роковой ошибкой. Через семь дней все они заразились Черной смертью, а бессердечные

безбожники спокойно забрали припасы и отнесли их на корабль.

Толпа ширилась, жадно слушая. Фейра заговорила тише, вынуждая людей подойти поближе.

– Мой супруг заразился последним, в одиночестве сопротивляясь врагам. Корабль поднял паруса, но мой дорогой супруг, собрав последние силы, не дал одному матросу добраться до судна, вонзив ему кинжал в самое сердце. Трусливые товарищи бросили этого безбожника по имени... – она задумалась на мгновение, – Такат Тюран.

Воцарилась тишина; она могла говорить шепотом, и толпа ловила бы каждое слово. Но она заговорила громко, разгоряченная.

– Лишь двое остались на острове – христианин и язычник; один с кинжалом в сердце, другой – пораженный чумой. Мой супруг, мой милый... Аннибал, – голос её дрогнул, – спросил у Тюрана перед смертью, почему ни один из его товарищей не подхватил заразу, которую они привезли. Тюран показал ему ответ – вот *он*. – Она высоко подняла склянку с «Териакой». Лекарство, такое же зелёное, как её платье, блеснуло в лучах солнца, пробившихся сквозь туман, – словно звезда надежды среди смертельного мрака. – В те последние часы своей жизни мой супруг убедил мусульманина, что ещё не поздно все исправить. Вместе они добрались до небольшой церкви Святого Варфоломея, стоявшей на острове, и там мой супруг спросил у Таката, готов ли тот принять истинного Бога. Мой супруг, слишком благородный, чтобы вернуться домой и заразить меня чумой, записал каждое слово этой истории, а также состав чудодейственного лекарства, свернул бумажку и продел её в своё обручальное кольцо, – она достала из-за корсажа хрустальное кольцо, – я нашла его. Я немного разбираюсь в медицине – насколько это нужно для

благополучия семьи, – добавила она поспешно, – разве мы, женщины, не готовим пищу для своих мужчин каждый день? – В толпе слышались одобрительные возгласы. – И я приготовила смесь точно так, как было написано.

Толпа загудела в нетерпении.

– Откуда нам знать, что оно поможет? – крикнула одна из женщин.

– Я – живое доказательство, – произнесла Фейра, и её голос звонким колоколом разнёсся над толпой.

– Вот уже шесть лун я посещаю зараженные районы, и чума не коснулась меня, а потом милостивая аббатиса сказала мне, что Господь желает, чтобы я поделилась этим чудом с вами – за небольшую плату, – сказала она, скрепя сердце, – один цехин за флакон. Такая скромная плата за то, чтобы жить.

Фейра раскрыла руку и увидела, что ладонь кровоточит там, где ногти вонзились в кожу. Она ждала – само олицетворение юности и здоровья, – протянув руки в мольбе, одна из них кровоточила, как у пророка-пастуха, а другая сжимала флакон с чудодейственным лекарством.

Этого оказалось достаточно.

Толпа сбила её с ног.

Пока люди кричали и толкались, протягивая ей деньги, она слышала истинную причину своего успеха. Снова и снова она слышала, как оскорбляли турок, называя их дьяволами, демонами и псами. Снова и снова она слышала ужасающую ложь, которую передавали из уст в уста, об их религии; она слышала, как унижали их женщин, проклинали её народ. Лишь мысль об Аннибале и пользе, которую принесут эти деньги, позволила ей смириться с тем, что причина её успеха – ненависть.

Аннибал сразу отбросил всякие сомнения в успехе Фейры. Всю неделю она возвращалась на рынок и рассказывала ту же историю, украшая её и отшлифовывая, хотя каждое слово давалось ей с трудом. Толпа росла и менялась каждый день; у неё покупали учителя, священники и даже один стражник в такой же ливрее, как у тех, которые прогнали её от замка дожа. Однажды она даже увидела в толпе врача, тянувшего за собой тележку с собственными снадобьями, его клюв напоминал маску Аннибала, но у него вокруг его глаз были нарисованы черные очки. Он внимательно слушал её и вскинул голову, как воробей, стоило ей произнести имя Аннибала. Фейра запнулась и внезапно ощутила опасность. Она заработала столько денег на этой неделе, что привлекала внимание. Может, ей лучше не возвращаться сюда несколько дней.

Продав все бутылочки, она обратилась за помощью к одному из стражников Совета, чтобы отогнать рассерженную толпу. Он посоветовал ей не ходить вдоль берега, так как это слишком опасно, и она нырнула в маленькие улочки, куда не проникало солнце. Через несколько минут она оказалась в знакомом районе. «Почему бы и нет?», – подумала Фейра, повернув к небольшой площади, где стоял дом с золотым циркулем над дверью.

С тревогой в сердце девушка постучалась: в конце концов, она покинула этот дом как турецкая шпионка, но хотя она не сомневалась в том, что Палладио будет рад её видеть, другие, конечно, вряд ли ей обрадуются.

Дверь открыла Корона Кучина, и Фейра стояла, взволнованная, понимая, что в какой-то степени выдуманный ею рассказ был вполне реальной историей для этой женщины, чей муж погиб от рук турок. Но кухарка, сделав реверанс, почтительно произнесла:

– Чем могу помочь, госпожа?.

– Корона Кучина, – воскликнула Фейра, нервно рассмеявшись, – разве ты не узнаешь меня?

Глаза кухарки округлились, как чайные блюдца, она схватила Фейру в свои медвежьи объятия, а потом принялась разглядывать её.

– Турчанка, значит, черт возьми! А я всегда считала тебя венецианкой! Иди – повидайся с хозяином. Он будет очень рад тебе.

* * *

На закате доктор Валнетти остановил свою тележку перед воротами *Ufficio della Sanita et Granari Pubblici*, главного здания Совета по здравоохранению.

У него было два требования, которые он передал стражнику: во-первых, немедленно отвести его к Трибуналу и, во-вторых, присмотреть за его тележкой. В ней оставалось ещё много бутылок, потому что в тот день он продал всего один «Уксус четырех разбойников». С тем же успехом, размышлял врач, поднимаясь по широкой беломраморной лестнице в большую залу, можно было позволить слугам украсть эти флаконы, потому что с сегодняшнего дня они, казалось, уже не имели никакой ценности – из-за женщины в зелёном платье.

Зал Совета представлял собой великолепную комнату, занимавшую весь верхний этаж здания. Затененные окна пропускали лучи заходящего солнца в полумрак комнаты и освещали темные фрески, на которых были представлены семь ступеней алхимии. Позолоченные символы стихий и изображения магов вспыхивали глянцевым блеском в солнечном свете.

В дальней части комнаты за длинным дубовым столом, заваленным бумагами, восседали три дряхлых старца в багряных мантиях. Древние, как само Время,

они шамкали обвислыми губами, утопавшими в восковых складках их жирных подбородков. Это был Трибунал Совета.

Старейший из них оторвался от подсчета ежедневной десятины и поднял дрожащую руку.

– Это вы, Валнетти?

– Да, господин судья.

– Что такое, доктор? Нам ещё надо закончить дела.

Валнетти подошел к ним ближе и рассказал о женщине в зелёном платье и её таинственной истории. Трое старцев слушали молча. Валнетти пришлось уточнить свою мысль.

– В двух словах – дела страдают из-за этой вдовушки в зелёном платье и её турецкого зелья «Териаки».

Один из судей погладил обвислый подбородок.

– Оно помогает? – громко спросил он своим дрожащим голосом.

– Она так говорит. Разве это важно?

– Валнетти, вы же знаете правила, – заметил старейший раздраженно. – Если бы она была врачом, ей пришлось бы зарегистрировать каждый ингредиент, составляющий больше одной сотой доли смеси, и уплатить налог. Но, судя по вашим словам, она частное лицо.

Валнетти прикусил язык. Как врач, он был совершенно безразличен к людским страданиям, но за годы практики ему удалось сколотить немалое состояние только благодаря своим инстинктам. Он наострил уши, когда вдова произнесла имя, которое он больше всего ненавидел, – *Аннибал*. Это, вкупе с её рассказом об острове, где Касон построил больницу, не могло быть простым совпадением; Валнетти был совершенно уверен, что за этим делом стоит его заклятый враг. Но до поры до времени он решил молчать, пока не будет доказательств.

– Если бы она имела лицензию врача, – продолжил второй, – это, конечно, в корне меняло бы дело.

– Разумеется, – отозвался третий старец. – В таком случае вы могли бы потребовать от неё уплаты налога. И притом немалого – если она действительно продала столько лекарства, сколько вы говорите.

Валнетти заскрежетал зубами.

– Но если её снадобье вытеснит с рынка все остальные, вы тоже много потеряете!

Повисла мучительная тишина, прежде чем первый судья снова заговорил.

– Однако он прав.

Второй тяжело вздохнул.

– Что ж, Валнетти. Выясните, откуда эта женщина; если она связана с какой-либо больницей или практикующим врачом, то, вероятно, мы могли бы принудить её зарегистрировать эту... как вы сказали?

– «Териаку».

– «Териака». Странное название.

– Но как мне узнать, откуда она?

– Дорогой друг, это же Венеция, – ответил третий судья. – Пусть за ней проследят.

* * *

Когда час спустя Фейра покинула дом Палладио, она была в таком приподнятом настроении благодаря удачному дню и встрече со своим прежним хозяином, что не заметила следившую за ней темную фигуру.

Вспоминая разговор с архитектором, она улыбалась в темноте, покачивая головой. Он совсем не изменился и был настолько одержим своей церковью, подробно рассказывая ей о каждой балке и подпорке, что даже забыл спросить, зачем она вернулась в Венецию да ещё в таком наряде.

Однако он признался ей, что временами его мучает сердце. Она дала ему коры белой ивы, которую достала из своего пояса, а также флакончик «Териаки». Фейра проследила, чтобы он выпил лекарство до конца. Она оставила его в прекрасном расположении духа, и он действительно приглашал её как-нибудь приехать на стройку. Она улыбнулась, зная, что не сделает этого никогда. Она ни за что не войдет в христианскую церковь. После всей лжи, которую она наговорила за неделю, прикрываясь именем чуждого ей Бога, она страшилась ужасной мести, если дерзнёт переступить порог Его дома.

Идя во тьме по улице в направлении Фондамента Нуове, она услышала шаги, эхом вторящие её собственным, и улыбка исчезла с её лица. Она поправила лошадиную маску и натянула капюшон. Может, ей померещилось, но вот снова слышались шаги, замедляясь, ускоряясь и останавливаясь вслед за ней.

Она меняла направление, петляя по улочкам, чтобы оторваться от преследователя, но он не отставал. Она проклинала себя за то, что решила зайти к Палладио. Разволновавшись, она повернула не туда и оказалась в узком переулке, окруженном тёмными, пугающими домами. Высоко на стене она увидела изображение Богородицы с младенцем в свете пламени свечей, мигающем, словно огни маяка.

Взглянув на картину, она резко остановилась. С тех пор, как она попала в город, подобные изображения встречались ей почти на каждом углу. Но глаза этой Богородицы не были обращены на Сына, протягивающего ручки к её сияющему лицу: эта икона относилась к более раннему периоду. Здесь Мать и Сын, с абсолютно одинаковыми лицами, только разного размера, с золотыми нимбами вокруг головы, смотрели

прямо на неё, словно обвиняли в том, что она использовала имя Бога, которому не поклонялась.

Близилось возмездие.

Преследователь уже догнал её.

В ужасе она, наконец, обернулась и увидела в конце переулка темную фигуру, высокую, как нависшее дерево, и безликую под черной накидкой.

Он подошел к ней медленно, уверенный, что она никуда не денется. Легкий порыв ветра приподнял его капюшон, и страх сдавил ей горло. Неужели Смерть, все ещё блуждающая по городским улицам, пришла собрать дань для Христианского Бога?

Человек подошёл ближе. «Фейра Адалет бинт Тимурхан Мурад, – произнёс он на её родном языке. – Я давно ищу тебя».

Он сбросил капюшон.

Это был Такат Тюран.

Глава 35

«Это я выдал тебя».

Слова повисли в воздухе, словно трупы на виселице.

Глаза Фейры наполнились ужасом. Она посмотрела в лицо Таката Тюрана. Он похудел, но все ещё был подтянут и опрятен, с подстриженной бородой и смазанными маслом волосами. Больше всего ей запомнились глаза, тёмные, как щепень, и горевшие непостижимым огнём. Она вспомнила, как он спас её от команды *"Il Cavaliere"*. «Почему он это сделал?» – думала Фейра.

Наконец, Такат Тюран заговорил:

– Семь дней я был при смерти, поэтому не мог вернуться к тебе и твоему отцу. Когда я немного оправился и вернулся к руинам, где оставил вас, там уже никого не было, кроме каменщиков. Я боялся, что вы погибли, но лодочник вспомнил тебя, а твоего отца нет. – Он склонил голову в почтительном молчании, которое совершенно не вязалось с тем, что он сделал. – С тех пор я искал тебя, выжидая удобный случай, и, наконец, нашёл в доме архитектора.

Внезапно Фейра рассердилась. Она обрушилась на него:

– Зачем ты это сделал? Зачем подверг меня опасности? Ты же защищал меня, ты служил моему отцу до его последнего часа!

Такат Тюрان удивленно развел руками.

– Я думал, так ты быстрее попадешь к дожу. Разве не этого ты хотела? Если бы тебя арестовали, ты оказалась бы в самом сердце его дворца, где находятся темницы.

– Чтобы меня судили и пытали? – крикнула она в ужасе.

– Если этого требует наш господин, нам остаётся только смириться.

Вдруг Фейра почувствовала страх. Его слова звучали вполне разумно, но их смысл граничил с безумием. Теперь она поняла, какой огонь воспламенял его взор. Он был настоящим фанатиком.

– Ты думаешь, таким образом я смогла бы встретиться с дожем?

– Встретиться с ним? – Такат Тюран рассмеялся. Нелепый смех эхом разнесся по переулку. – Ты хотела сказать – *убить* его! Разве не для этого мы приехали сюда?

Фейра отступила, прижавшись спиной к холодным камням стоявшего за ней палаццо. Она приказала себе молчать.

– Но ты ускользнула, и я нигде не мог найти тебя. Я подготовил всё необходимое и собирался действовать один.

Он распахнул свой плащ и достал небольшой комоч грязи. Она снова заметила недостающие пальцы на его руке.

– Персидская нефть, – сказал он, – излюбленное средство крестоносцев, самое воспламеняющееся вещество, известное человеку. Как видишь, всё готово, кроме кое-каких мелочей. – Он схватил её за плечи, и

она почувствовала себя в его руках, словно в железных тисках. – Но Аллаху было угодно, чтобы я вновь увидел тебя, в этой траурной одежде, которую носят еретики. Я слышал, как ты безбожно врала толпе, чтобы собрать деньги для нашего дела. Я одобряю это. Я знал, ты не сбежишь, я знал, что ты закончишь миссию своего отца, после того как он раскрыл тебе весь замысел султана – света очей моих и радости сердца моего.

– Мой отец? – ужаснулась Фейра. – Неужели Тимурхан был замешан в этом втором преступлении – спалить дворец дожа вместе с правителем и поджечь его город? Или её отец знал только о чуме?

Девушка заставила себя успокоиться. Она не должна показывать, как мало ей известно.

– Что теперь?

– Второй акт Великой скорби, – прошептал он, и слова его зашипели в унисон свече перед иконой. – *Настало время для очищения огнем.*

Фейра посмотрела ему в его глаза, в которых отражались крошечные огоньки, и задрожала.

– Когда? – произнесла она с трудом.

– Завтра вечером. У неверных будет праздник – на большой площади соберутся сотни нечестивцев. Чума обрушилась на них, но некоторые выжили. Неугасимый огонь поглотит их. Дождь сгорит, его дворец сгорит, да и весь город сгорит. И вот – Аллах послал тебя, чтобы помочь мне.

В голове у неё гудело, но голос прозвучал спокойно.

– Как мы туда проберемся?

– Нет ничего проще. Мы сдадимся стражникам. – Он схватил её за руку, и она снова почувствовала, словно её сдавили тиски.

Фейра отпрянула назад.

– И что с нами будет? С верными подданными султана?

– Мы тоже сгорим. Но мы спасёмся и перенесёмся в Джанна, согласно воле Божьей. Пойдем, – он потёр руки. – У нас много дел и всего один день. Я отведу тебя в своё убежище; там безопасно, и никто нас не найдет, это недалеко от церкви. – Он усмехнулся, словно они беседовали о погоде.

«Он безумен», – подумала Фейра.

– На твои деньги мы купим всё необходимое; да..., – он обернулся и взглянул на неё, и она увидела, что он одержим лишь одной целью – служением своему земному и небесному господину.

– Твой наряд и умение говорить на их мерзком языке как раз кстати – я не говорю на их языке, да и внешность твоя внушает больше доверия.

Он повел её по переулку к широкой улице, потом через мост и вдоль канала – гладкого и неподвижного, словно мутное стекло. Она была недалеко от дома Палладио, но понимала, что если побежит к нему, это ничем не поможет – Такат уже знал этот дом и сразу же нашёл бы её. Ей нужно было добраться до Лаззаретто, до Аннибала и молиться, чтобы Такат не узнал о существовании острова. Фейре были знакомы эти улочки лучше, чем ему. Она старалась идти спокойно, но когда они проходили через узкий проход под нависающими над ними зданиями, Фейра вырвалась из его рук и побежала.

Она вспомнила, как впервые бежала по городу, спасаясь от стражников, но на этот раз ей грозила более серьёзная опасность. пышные юбки зелёного платья мешали ей, корсет больно впивался в кожу. Наконец она добралась до воды, перебежав последний мост, и направилась к лодочникам, стоявшим неподалёку.

Такат Тюран выскочил из сумрака и преградил ей путь. Она закричала, и лодочники обернулись. Такат зажал ей рот рукой, но она укусила его и снова

закричала на чистейшем венецианском: «Помогите! Он мусульманин! Мусульманин!».

Увидев, что на венецианскую даму напали, лодочники бросились через мост и накинулись на Таката Тюрана. Освободившись, Фейра вцепилась в перила моста и смотрела, как Таката били по голове, пока она не свесилась на бок. Лицо у него распухло, полилась кровь. К нему подбежали бродячие собаки, которые стали лакать кровь. Фейра зажала руками рот.

– Говори, – рявкнул один из громил, сдавив своими огромными ручищами шею Таката и капая слюной на его распухшее лицо. – Говори, чтобы знать уж наверняка, прежде чем сдать тебя страже.

– Я проклиная вас и ваш дьявольский город. Все вы сгорите, – злобно произнёс Такат.

Его слова поняла только Фейра, но лодочники услышали акцент, а этого было достаточно.

– Отведите его к страже, – сказал один из них.

Такат Тюран вдруг весь обмяк. Когда его поволокли по мостовой, он внезапно посмотрел на Фейру, и улыбка заиграла на его губах. Она ещё долго чувствовала на себе его огненный взгляд, после того как они завернули за угол.

Фейра подождала, пока они не исчезли из виду, и только потом сказала лодочнику, куда её везти, – шепотом, чтобы только он услышал название острова. Как только она села в лодку, её охватила дрожь. Она отправила Таката Тюрана именно туда, куда ему хотелось попасть: в самое сердце дворца дожа. Но ей было известно, что он не станет действовать до завтрашнего дня, не нарушит свой план. Он дождётся, когда жители соберутся на праздник, чтобы унести как можно больше жизней.

На Лаззаретто Ново Фейра на бегу расплатилась с лодочником. Она пробежала через ворота, едва поздоровавшись с Салве, спеша к свету, струящемуся из

окна Аннибала. Девушка знала, что он ждет её, как и каждый день, чтобы возле камина вместе пересчитать вырученные ею цехины, с чувством вины, словно разбойники.

Фейра распахнула дверь и увидела Аннибала таким, как и в первый раз, – сгорбившимся перед камином, с упавшими на лоб волосами. Сердце дрогнуло на мгновение, но времени для воспоминаний не было.

– Мне нужна твоя помощь, – произнесла она, задыхаясь от бега. – Ваш дож в опасности.

Он вскочил.

– Что ты имеешь в виду? Что случилось?

– Рыжий конь уже близко.

* * *

Лодочник греб обратно в Венецию с усердием человека, которому хорошо заплатили. Он причалил к Фондамента Нуове и оттуда пешком дошёл до дома доктора Валнетти, чтобы сообщить, где живёт женщина в зелёном платье.

Часть 4

РЫЖИЙ КОНЬ

Глава 36

Доктор Аннибал Касон шел по площади Сан-Марко на заходе солнца. Его клюв казался почти незаметным в толпе гуляк, готовящихся к празднику Святого Марка. Рядом с ним шел его помощник – юноша точно такого же роста, что и доктор, несший сумку своего господина. Он был одет просто, в черный сюртук и бриджи, батистовую рубашку без платка, и кудри его не были прикрыты шляпой, однако женщины все же оборачивались, чтобы полюбоваться им.

Сегодняшний праздник – день Святого Марка – был известен также как *Festa del Bocolo*, праздник розовых бутонов, потому что в этот день мужчины дарили розы на длинном стебле приглянувшимся им девушкам. Казалось, традиция не будет нарушена, несмотря на чуму, но венецианские девы и жены, молодые и опытные – даже те, которые уже получили знак внимания – бросали на Аннибала кокетливые взгляды. Это напомнило ему, зачем он носил маску. За его спиной розы, полученные девушками, падали к его ногам.

Они не спали допоздна, и Фейра рассказала ему всё – с того дня, когда её родители встретились на Паросе, до признаний её матери на смертном одре и до того дня, когда она похоронила отца. Она рассказала ему о кольце с четырьмя всадниками и поручении – встретиться с дожем. Она рассказала ему о Такате Тюране, который исчез с Джудекки и появился, словно призрак, в тот вечер. Аннибал был поражен и посрамлён тем бременем, которое ей пришлось нести одной. В смущении она рассказала ему о роли, которую сыграл её отец в этой истории, и ему безмерно захотелось обнять девушку и сказать ей, что преступление её отца и заражение города – не её вина. Она не сделала ничего плохого, а лишь пыталась искупить их вину с тех пор, как попала в Венецию, а теперь, когда она просила его о помощи, чтобы предотвратить кровопролитие, у него не оставалось выбора.

* * *

Фейра шла медленно, еле различая дорогу в докторской маске, взирая на мир через мутные стекла. Она видела город таким, каким видел его Аннибал, и это сбивало её с толку. Пропать, которую создавал клюв между доктором и внешним миром, казалась действительно непреодолимой; неудивительно, что сострадание было такой редкостью.

Они подошли к звоннице. У подножия красной колокольни стояла золоченая клетка величиной с баржу. В ней расхаживал гигантский лев – живое воплощение символа Венеции. Фейра остановилась и внимательно пригляделась к чудовищу. мех был пятнистый, а не золотистый, а лохматая грива, казалось, была изъедена блохами и местами облысела. Только глаза горделиво блестели в лучах заходящего солнца, которое окрасило

их в такой же янтарный цвет, как её собственные глаза, но ничто не могло скрыть страданий животного.

«Это лев Святого Марка, *настоящий*, – сказал Аннибал. – Совет держит его в клетке уже целую вечность. Когда этот умрет, достанут другого. Считается, что он приносит городу удачу», – добавил он с горькой иронией.

Фейра не ожидала, что когда-нибудь пожалеет своего заклятого врага, но она и подумать не могла, что лев может выглядеть вот так. Он уже казался побеждённым. Они пересекли широкую улицу, ведущую к дворцу дожа.

Аннибал и Фейра вместе дошли до широкой белой лестницы с великолепными алебастровыми гигантами, стоявшими, словно стражники, и взирающими на них своими безжизненными мраморными глазами. Пока они поднимались, Фейра вспомнила, как впервые шла по этим ступеням, и колени у неё задрожали; она узнала стражу, которая гналась за ней в тот вечер.

На верху лестницы Аннибал, приложив руку к груди, обратился к двум невозмутимым стражникам, которые скрестили свои пики прямо перед его лицом.

– Доктор Аннибал Касон, – сказал он смиренно, – к дожу.

Стражники посмотрели не на него, а на Фейру в маске.

– Ваш жетон, господин доктор! – попросил один из них.

Фейра достала печать дожа, блеснувшую в её черной перчатке. Стражник взял её и рассмотрел со всех сторон. Она разглядывала металлический диск вместе с ним; дож и Святой Марк с одной стороны и Пророк-пастух – с другой. Точь-в-точь, как на дукате, который она носила на груди под докторским плащом.

Девушка ждала. Ей не верилось, что скоро она увидит дожа. Себастьяно Веньера, адмирала Лепанто и

правителя Венеции – своего двоюродного деда.

К удивлению Фейры, жетона оказалось достаточно, чтобы алебарды расступились, и их провели внутрь. Один из стражников позвал слугу в красно-золотистой ливрее, чтобы тот проводил их. Она почувствовала легкий толчок в спину и пошла вперед, помня, что Аннибал, как её слуга, последует за ней. Пока они шли, девушка повторяла про себя то, что ей предстояло рассказать дожу о смерти своей матери, о том, как они везли саркофаг на корабле, об отце и Такате Тюроне и предстоящем пожаре.

Слуга провел их по каменному дворцовому переходу в огромный зал. Фейра видела много чудес во дворце Топкапы, но никогда не бывала в такой просторной комнате: она одна казалась такой же большой, как Святая София. Стены украшали изображения пасторальных сцен, а потолок являл собой лазурный небосвод, усыпанный звездами и круглолицыми ангелами. Высоко в облаках, словно птицы на ветках, расположились портреты десятков дожей с датами рождения и смерти, написанными на свитках. Фейра вздрогнула. Если она не сможет передать своё сообщение дожу, он тоже окажется в их числе, с сегодняшней датой смерти.

Из внутренней комнаты, скрытой от глаз, слышались шаги, дверь отворилась, и её сердце замерло. Надежда блеснула и потухла, в комнату вошел камерленго.

«Доктор Касон?» – произнес он. Фейра помнила его приятный низкий голос с того дня, когда он устроил ей допрос в доме Палладио: человек, который говорил вопросами. Кровь застыла у неё в жилах. Она кивнула, и клюв рассек воздух перед ней, словно топор палача.

«Это по поводу архитектора? Что-то случилось?»

Она молчала, а Аннибал тоже не мог говорить, иначе камерленго узнал бы его голос. Она покачала головой,

размахивая клювом из стороны в сторону, и сердце её стучало так сильно, что она слышала его даже в маске. Наступила невыносимая тишина, камерленго нетерпеливо переминался с ноги на ногу. «Как вам известно, я исполняю роль, так сказать, посредника между миром и Его превосходительством. Мой господин дож скоро будет здесь, но сначала позвольте узнать причину вашего визита?»

Фейра почувствовала, что Аннибал тянет её за руку. Ей хотелось сдернуть маску и кинуться мимо камерленго к приближающимся шагам, которые она теперь явственно слышала. Но как раз в эту минуту слева от них послышался шум.

В небольшой двери, ведущей к каменной арке моста, внезапно появился стражник. Он тащил за собой арестанта, который был прикован к нему цепью, а следом за ними шел второй стражник. Камерленго раздраженно обернулся к ним. «Простите, пожалуйста, – сказал он Фейре. – Его надо допросить. Отведите его в комнату и ждите меня, – приказал он стражникам, ни на мгновение не выдавая своим голосом, что ждёт узника. – Разве непонятно, что у господина дожа здесь будет встреча? Или вы думаете, нас можно отвлекать подобными делами?»

Фейра тоже обернулась. Аннибал снова потянул её за руку, в надежде воспользоваться моментом и скрыться.

Шаги дожа приближались.

Арестованный поднял голову, глаза его горели, и Фейра всё поняла.

Пока она смотрела на него в ужасе, огонь в его глазах словно воспламенил его сердце, и его камзол на нём взорвался. Огонь охватил его руки, перекинулся на стражника, к которому он был прикован, и тот завопил. Несчастный бросился к высоким шторам на окне, волоча за собой охваченного пламенем узника, сорвал

шелковые занавеси и запутался в них вместе с Тюраном, и пламя поглотило обоих. От загоревшихся занавесей огонь перенёсся на крашенный потолок, с которого огненным дождём полилась, потрескивая и обливая стоявших внизу людей, горячая краска.

Пока Аннибал пытался увести её, Фейра заметила, как камерленго бросился во внутреннюю комнату, и в облаке дыма различила призрачную фигуру в высокой белой шапке.

Выбежав из зала, Фейра и Аннибал, забыв о своём маскараде, призывали всех встречных спастись из дворца. Аннибал протолкнулся вместе с ней к большой белой лестнице, и они сбежали по ступеням вниз. Спустившись вниз, Фейра вспомнила, как однажды она уже была на этой лестнице, когда выносили хлеб бедным.

Она схватила Аннибала за руку. «Слуги!» – крикнула она, заглушая вопли людей, которые доносились из-за поднимавшегося дыма. Они повернули обратно – в подвалы дворца и кухни, выгоняя толпы слуг на площадь. Поросята и цыплята, спасенные от ножа, сустились у них под ногами. Снаружи их встретила какофония криков, колокольного звона, молитвенного гула – а над всем этим разносился леденящий душу рев Льва Святого Марка.

* * *

Фейра и Аннибал обернулись, чтобы взглянуть на пожар; ажурные окна дворца превратились в темные кружева на фоне золотистых языков пламени. Белорозовая кладка темнела на глазах. Девушка и не догадывалась, что огонь может быть таким грохочущим: что пламя рычит громче льва, деревянные балки, перекашиваясь и падая, пронзительно кричат, стекло

визжит, расплавляясь. Фейра смотрела, замороженная этим прекрасным и в то же время ужасным зрелищем, не в силах отвести глаз, хотя пепел летел ей прямо в лицо. Она ничем не могла помочь дожу, хотя видела, что камерленго бросился спасти его; теперь опасность грозила всему городу. Она могла бы отвернуться и убежать вместе с Аннибалом, но знала, что ни он, ни она так не поступят. Они исцеляют и спасают жизни, и адское пламя молило их остаться. В молчаливом согласии Аннибал и Фейра стали пробираться к каналу, чтобы помочь потушить огонь. Они присоединились к быстро растущей цепочке людей, которые уже передавали друг другу вёдра с водой.

Руководил ими высокий седовласый человек в длинном платье, которое было разодрано в клочья и почернело. Он был похож на священника или отшельника, но действовал так, словно возглавлял армию, и, как лучший полководец, не только отдавал приказы, но и сам первым, засучив рукава, бросался в огонь. Он указал им, куда встать, и Фейра, заняв место между ним и Аннибалом, начала передавать вёдра с солёной водой.

Руки у неё уже ныли от натуги, а на ладонях появились волдыри, её вдохновляли мужество и человеческий дух венецианцев, стекавшихся сюда на помощь со всех концов города. С удвоенной силой люди бросились тушить огонь и теперь измученные руки Фейры передавали не только вёдра, но и кувшины, ночные горшки и даже детские ванночки. Пламя, охватившее великолепный белый дворец, грандиозная трагедия, разворачивающаяся перед её глазами, – всё это отступило перед этой незатейливой домашней утварью, которую она держала в руках; она узнала этих людей – по треснувшим кувшинам и крестильным чашам с именами их детей.

Когда эта кошмарная ночь, наконец, подошла к концу, Фейра чуть не заснула стоя, чувствуя на лице жар ревающего пламени. Маска давно потерялась – сгорела, или её затоптали, или использовали, как ковш, – она так и не узнала этого. Ноги у неё окоченели от ледяной воды, проливаемой из вёдер. Но, казалось, огонь продвигается вперед, и их седовласый командир повернулся к цепочке. «Огонь охватит базилику, – заревел он. – Мы должны разобрать монетный двор. Мужчины, за мной! Хватайте молотки и всё, что попадется под руку».

Теперь все переменялось. В исступленном порыве разрушения мужчины набросились на древние стены Дзекки – монетного двора и конторы. Они стали сбивать древние камни, пока в проеме не показалось желтеющее небо – брешь, которую огонь не мог преодолеть.

Фейра отчаянно искала Аннибала и увидела его в гуще мужчин, окутанного дымом, с почерневшим лицом, как у мавра. Скинув свой плащ, она возглавила цепочку женщин, призывая их удвоить усилия, чтобы восполнить нехватку мужчин. По ходу она старалась облегчить людям страдания: лёгкие ожоги, отравление дымом и даже кровотечение у одной женщины, на которую обрушилась черепица.

Вернувшись в цепочку, Фейра подивилась ироничности всей этой сцены: она вместе со всеми этими людьми спасала их золотую церковь – церковь с четырьмя бронзовыми конями, которые в безумном галопе мчались по галерее, отливая золотом в отсветах пламени. Фейра поняла, что это их работа, что четверый рыжий конь господствовал этой ночью. Зачем же ей спасать этих четырехногих демонов? А Святой Марк, чей день праздновали сегодня горожане, который лежал внутри церкви, завернутый в свинину? Пусть он сварится там, словно главное блюдо праздника. Но она

продолжала упорно передавать ведра с водой, не давая себе передышки ни на секунду.

К рассвету они уже предвкушали победу. Поглотив немалую часть дворца, прожорливое пламя, насытившись, пошло на убыль, пощадив церковь с её скачущими стражами, окутанными их дымом. Когда рассвет посеребрил небо, взору предстал совсем иной город. Все было черным – дворец, горожане, и даже с неба сыпался черный пепел. Единственным ярким пятном были лепестки красных роз на площади Сан-Марко, которые ветер кружил вперемешку с пеплом.

Фейра выронила своё ведро и, пошатываясь, направилась к церкви. Мужчины расходились, и она в отчаянии искала Аннибала. Он стоял, прислонившись к углу базилики. Согнувшись чуть ли не пополам, он кашлял, а лицо его было красновато-коричневым, как камень. Она оттащила его, усадила на упавший столб и внимательно присмотрелась к нему, пока он переводил дыхание. С первого дня своей медицинской практики он всегда укрывал лицо; теперь же он не только подверг себя опасности заражения, но и рисковал задохнуться в дыме. Пожар потушили, дож, как она надеялась, в безопасности, а Такат мёртв. Им пора идти. Она протянула ему руку. «Пойдем домой», – сказала она.

Не успел Аннибал подняться – он не мог произнести ни слова и только хрипел, – как вдруг человек, за которым, словно комета, тянулся дымовой хвост, выбежал из-за угла со стороны Рива дельи Скьявони и остановился, еле дыша, около седовласого мужчины.

– Томмасо, – сказал он, положив свою длинную руку на плечо прибежавшего человека, – успокойся. Пожар потушен, мы победили.

– Ещё нет, – произнес человек в почерневшей ливрее. – Огонь охватил Пьомби, и заключенные сварились в своих камерах, как курицы в тесте, а пламя теперь перекинулось на насыпь и движется к Мерчерии.

– Риалто! – седовласый человек поспешил туда, и те, кто ещё был в состоянии, последовали за ним.

Фейра повернулась к Аннибалу.

– Палладио! – воскликнула она.

Они бросились за толпой горожан. Пробегая мимо базилики, Фейра в последний раз взглянула на бронзовых коней. Они блестели, словно раскаленные в горниле, четыре скакуна, бьющие своими огненными копытами, красные пасти разинуты, будто базилика – гигантская золоченая колесница, которую они тянут за собой изо всех сил. Пожар не повредил их церковь. Кони уберегли своё.

Она отвернулась от них, спеша на помощь архитектору, чей дом в Кампо Фава стоял как раз на пути пожара. Они мчались, обгоняя пламя пожара, через рынок, на котором оказалось много народу, как обычно бывает в праздники. Обернувшись на мгновение, Фейра увидела пылающие лотки и прилавки и слышала треск лопающегося стекла, расплавленные капли которого падали на мостовую.

Прежде чем они добрались до старого моста, Фейра с Аннибалом, оторвавшись от толпы, поспешили к небольшой площади, где стоял дом с золотым циркулем на двери. За ними следовала пелена дыма, словно крадущаяся тень. Фейра забарабанила в дверь, и когда на пороге показалась кухарка, она заговорила вместо Аннибала, увидев, что ему все ещё тяжело дышать.

– Корона Кучина, – сказала она. – Зови всех слуг и уходите в безопасное место. Там страшный пожар, и он идёт сюда. – Она подняла руку, чтобы пресечь поток вопросов Короны. – Хозяин дома?

– Да, и Сабато тоже.

Фейра протиснулась мимо неё и направилась прямо в хорошо знакомый ей кабинет. Она нашла Палладио в его любимой позе, склонённым над своими чертежами и обсуждающим что-то с Сабато, – две седые головы

вместе, как она часто видела их. Внезапно она почувствовала решимость – сделать всё возможное, чтобы спасти этих двоих. Они подняли головы.

– Фейра? – тёмные брови Палладио нахмурились, когда он взглянул на того, кто стоял за ней. – А это кто?

Фейра вспомнила, что лицо Аннибала ему не было знакомо.

Аннибал вышел вперед.

– Я ваш врач и собираюсь выполнить возложенную на меня задачу. Во дворце дождя был пожар, и огонь идет в сторону Мерчерии к Риалто.

Палладио отреагировал на удивление быстро. Он схватил сумку из мягкой кожи, в которой позвякивали его инструменты.

– Сабато, води слуг к Академии.

Чертежник встал.

– А вы куда?

Палладио направился к двери.

– Если пламя переберётся через Риалто, сгорит другая часть города. – Он обернулся к двери. – Нужно разрушить мост.

* * *

Фейра и Аннибал едва поспевали за Палладио, который мчался перед ними по улице.

Вскоре очертания моста выступили из предутренних сумерек – огромная черная деревянная арка на фоне оранжевого неба, стоявшая на каменных подпорках. Фейра разглядела высокую фигуру седовласого человека, который выстраивал людей с ведрами в цепочку, готовясь встретить огонь, и даже призывал детей затапывать искры, которые падали уже совсем близко, грозя спалить деревянное строение.

Палладио подошёл к седовласому и начал убеждать его, размахивая руками и указывая на мост. Фейра почти не слышала их слов из-за треска горящего дерева, но вот Палладио повернулся к ним.

– Доктор, идите за мной. Фейра – переходи мост вместе с остальными.

Фейра не двинулась с места, похолодев от предчувствия беды.

– Что вы задумали?

Палладио положил свою сумку наземь, достал долото и протянул его Аннибалу. Для себя он выбрал тяжёлый молоток.

– Главное – разрушить сваи. Тогда мост рухнет.

Они оба соскользнули в воду и набросились на мост снизу, хотя женщины и дети все ещё переходили на тот берег, где было безопасно. Палладио нацелился на две огромные балки, поддерживавшие сваи с обеих сторон моста. Они заработали молотками, но огонь наступал. Седовласый приказал людям разрушить несколько деревянных хижин на берегу, но пламя вскоре отогнало их. Затем несколько мужчин во главе с ним спустились в воду, чтобы помочь разрушить сваи моста. Фейра до крови искусала пальцы и с ужасом прислушивалась, как мост стонал и скрипел. Она беспокоилась, что он может рухнуть прямо им на головы. Впереди она видела отражение пламени, превратившее воду в огонь, но всё ещё оставалась на месте. Солнце поднялось уже высоко в небе, когда, наконец, удалось выбить балки. Когда арка моста накренилась, Фейра не в силах больше ждать, вошла в воду, чтобы оттащить обоих мужчин – с силой, которая удивила её саму. Как только мост начал оседать, с противоположного берега раздались крики собравшейся там толпы: разрушение символического деревянного моста предвещало большие несчастья.

Фейра задумалась, что чувствовал Палладио, когда уничтожал что-то, – он, рождённый строить. Но когда

старик выпрямился, в его глазах читалось нечто, похожее на удовлетворение. «Разрушенное всегда можно построить заново», – сказал он и улыбнулся.

Аннибал подошел к нему. «Пойдемте. Надо выбраться на безопасное место».

* * *

Когда Палладио отправили в постель, Фейра и Аннибал направились через площадь в сторону Рива дельи Скьявони – домой. Глаза у них покраснели и воспалились, волосы спутались и покрылись пеплом, лица и руки – черные от копоти. Они шагали по пеплу и лепесткам роз.

Проходя мимо разрушенного дворца дожа, они увидели художника, который рисовал на холсте углем – резкими штрихами стараясь отразить картину разрушений.

В клетке у подножия кампанилы лев Святого Марка превратился в обуглившийся скелет. Заточенный, как и всю жизнь, за почерневшей решеткой.

Глава 37

Бокка стонал и метался в лихорадке, капельки пота выступили на его лице.

«Что случилось, Салве?» – спросила Фейра.

Карлик не выходил из тени. Он не произнесёт ни слова, пока доктор в комнате.

Для Аннибала утро выдалось тяжелым. Давала о себе знать бессонная ночь, от дыма жгло лёгкие, слюна потемнела от угольной пыли, но это было ещё не всё: без маски он чувствовал себя голым. Особенно здесь, на острове. Неизбежные объяснения, удивлённые взгляды, особенно женщин, сделали его грубым и резким; и Фейра боялась, что его гнев обрушится на Салве.

– Тебе нужен отдых, – обратилась она к Аннибалу, у которого глаза закрывались от усталости и кружилась голова. – В таком состоянии от тебя все равно мало толку.

Он развернулся и ушел, не проронив ни слова. Как только доктор вышел, Салве вынырнул из своего укрытия.

– Что произошло? – снова спросила Фейра ласково.

– Доктора не было, – вымолвил Салве, показывая на отца. – Он набрал воду. Отнёс в Тезон.

Каждый день Бокка набирал ведро воды из колодца со львом, относил к Тезону и оставлял там на крыльце. Это было его обязанностью.

Фейра внезапно похолодела.

– А потом?

– Занёс внутрь.

Сердце у девушки замерло. Вместо того чтобы оставить воду возле двери, как ему было поручено, Бокка понёс её через задымлённую комнату – внутрь, чтобы наполнить стаканы пациентов. Тщеславие или доброта – неважно что, но этого оказалось достаточно, чтобы заразиться. Фейра взглянула на пальцы сторожа. Они почернели. Она решила разбудить Аннибала.

Фейра винила себя за то, что она, стараясь обезопасить от заразы жителей острова «Териаккой», совершенно забыла дать лекарство отцу и сыну, которые жили поодаль. Когда Бокку перенесли в Тезон и устроили поудобнее, она сразу же вернулась в сторожку. Салве наблюдал за огнём из своего угла, не зная, что делать. Сердце девушки дрогнуло при виде этого ребенка, оставшегося без матери, а теперь лишившегося и отца. Она присела на деревянную скамью с другой стороны камина, где обычно сидел Бокка.

– Как он? – слышалось из тени.

– Держится, – произнесла Фейра осторожно, ей не хотелось врать. У Бокки был сильный жар, и, вполне возможно, он не доживет до утра. Она чувствовала ответственность за мальчика, оставшегося без помощи и денег. Её рука скользнула за корсаж.

Монетка была ещё теплой, она так долго грелась у её сердца. Когда они покидали опаленный город, прошел слух, что дож жив и на закате обратится к народу, как только придёт в себя. Итак, Фейра помогла

разрушить вторую часть замысла султана и развернуть рыжего коня. Теперь она сделает все возможное, чтобы спасти Бокку и его несчастного сына. Она поднесла дукат к свету и взглянула на изображение дожа. Как странно, подумала она, что её двоюродный дед был возле её сердца все это время, а ей так и не удалось встретиться с ним.

Девушка отдала монетку Салве.

– Это тебе, твой отец не сможет содержать себя, пока не поправится. Не беспокойся.

Он протянул свою обезображенную руку над огнём и взял дукат, который едва уместился у него на ладони. Его глаза округлились и стали похожими на эту монету.

– Зачем... давать... это?

– Я хочу позаботиться о тебе. Приходи ко мне вечером, я приготовлю тебе специальный отвар, который предохранит тебя от болезни.

Оставшись один, Салве покрутил дукат в руке. Он поднёс его к губам. Слова Фейры отозвались в его уродливой голове.

* * *

В тот вечер Фейра, отворяя дверь своего дома, ожидала увидеть у себя Аннибала. Она совершенно забыла, что пригласила Салве, и ей пришлось посмотреть вниз, чтобы разглядеть своего гостя.

Она ласково пригласила его войти. Он не был у неё с тех пор, как чинил здесь крышу – в первый день её приезда на остров. Он огляделся оценивающим взглядом, проверяя свою работу, и она вдруг поняла, что всё это время была ему плохим другом. Девушка предложила ему сесть. Но он отказался.

– Ты сказала... заботишься обо мне.

– Да, – ответила она. – Возьми это. – Она взяла со стола бутылочку со снадобьем, которое приготовила в тот день с особым усердием, чувствуя свою вину, и уверенно протянула ему. – Это убережет тебя от заражения.

Он взял склянку, и их пальцы на мгновение соприкоснулись. Склянка казалась огромной в его руке, и он стал нервно тереть её, набираясь смелости.

– *Ты* заботишься обо *мне*, – произнёс он, словно заучивая катехизис.

Она кивнула.

– Я забочусь о тебе.

– А что если... я позабочусь о *тебе*?

Она взглянула на него и встретилась с его взглядом – решительным, непоколебимым и впервые заметила, что глаза у него тёмно-голубые, как вода в лагуне после шторма. Она не сразу поняла, что ей только что сделали предложение.

Она вздохнула, не спеша с ответом.

– Благодарю тебя, Салве, но... ведь... ты, наверное, ещё...?

– Мне уже семнадцать.

Его искривленным губам было нелегко выговорить это. Фейра постаралась скрыть удивление. Она даже не догадывалась о том, сколько ему лет. Уродство делало его гораздо моложе, но временами их беседы и прекрасное владение столярным ремеслом показывали, что он намного старше, чем кажется.

Девушка почувствовала к нему такую нежность и сострадание, что слёзы блеснули на её глазах. Она ошибалась. Он не ребенок. Он мужчина – мужчина, заточенный в тело карлика. Сколько раз она невольно обижала его, была груба с ним или настолько занята своей тоской по Аннибалу, что забывала о его существовании. Иногда она замечала, что Салве

привязан к ней, но думала, что так он благодарит её за защиту от жестоких нападков Коломбины Касон.

Но теперь она знала, что его чувства намного глубже. Ей казалось, что ненависть Салве к Аннибалу вызвана тем, что ему пришлось пережить от рук его матери, но, оказывается, и в этом она ошиблась. Она не могла обернуть всё это в шутку или просто отказать ему; возможно, если довериться ему, это смягчит его боль.

– Прости меня, Салве, но я не могу. Я люблю другого.

Он уже знал.

– Ты любишь доктора.

Она впервые признала правду.

– Да.

И тут она осознала, какую страшную ошибку допустила. Её слова не смягчили удар по его гордости, а разбили ему сердце. Вместо того чтобы просто отказать ему, она поднесла к его лицу омерзительное зеркало, показавшее, каким он мог бы стать, если бы пророк-пастух благоволил к нему. Более того, сейчас все было намного хуже – во время пожара пропала маска Аннибала, и Салве видел его лицо, видел, каким он никогда не станет.

Юноша отвернулся, но она успела заметить боль, отразившуюся в его глазах. Он вышел, сжимая склянку с «Териакой».

* * *

Проходя мимо колодца со львом, он бросил «Териаку» в воду и направился к Тезону – так быстро, как только позволяли его короткие ноги.

Если он будет думать о словах Фейры, они обовьют его сердце, словно змеи, и станут сжимать его, пока не расколют; тогда он истечет кровью. Нужно сосредоточиться на своем плане. Он спешил к

единственному человеку, который никогда не предавал его. Бокка, хотя и ругал и унижал его, всё же заботился о своём несчастном сыне, кормил его и одевал. Он не бросил его, как мать.

Салве пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до двери больницы. В продолговатой комнате оставались лишь три пациента, освещенных камином, в котором горели киноварь и мирра. За второй занавеской он нашел Бокку.

Салве, стоя рядом с ним, наконец, дал волю слезам. Бокка уже не слышал его, так что он мог говорить. Обращаясь к отцу, он впервые произнёс слово «папа», прислушиваясь к тому, как оно отозвалось в темноте.

Затем лег рядом с ещё теплым телом, прижавшись к отцу в ожидании смерти.

Глава 38

Фейра горько оплакивала Салве – как не оплакивала никого другого.

Она невольно унижала Салве больше, чем кто-либо другой в его жизни, подружившись с ним, а потом отобрав свою дружбу, заменив его на другого. Лучше бы оставить его в покое, никогда не заводить с ним дружбы, которую она не смогла сохранить. Снова и снова она повторяла его имя. Она плакала так, что промокла её вуаль, а потом сама подготовила его к погребению рядом с отцом. Когда она поцеловала его искривленную щеку, оцепенение смерти спало, и он разжал руку. В ней она увидела свой дукат. Девушка поцеловала монетку и спрятала её за корсажем, где та так долго хранилась.

Погубив сторожа и его сына, чума неожиданно покинула остров.

Из Венеции пришли новости, что четыре из шести округов очищены от заразы. Фейра подумала, что очищающий огонь, о котором говорил Такат, обернулся

против его замысла, поглотив миазмы, оставленные смертью.

Когда последние пациенты умерли или вылечились и Тезон опустел, Фейра задумалась, что готовит будущее для неё и Аннибала. Он ни разу не заикнулся о своем предложении, но она подумала, что для счастья ей достаточно остаться здесь и быть его коллегой и другом. Но больница не может существовать без больных. Теперь она чаще прописывала пациентам древесную кору от зубной боли или огуречник от колик, чем «Териаку».

Однажды весной, взобравшись на стену, она увидела большой корабль, рассекавший блестящие на солнце воды. Девушка догадалась, что это кипрское судно. Тёмная туча заслонила её счастье, и страх камнем лёг на сердце. Торговля возобновилась между Венецией и остальным миром. Она представила себе церковь Палладио на далеком острове, вздымающуюся к небесам. Скоро она будет достроена и дождю не понадобится больше Аннибал, а Республика потребует вернуть остров.

На следующий день Бадесса нашла их в саду, где Фейра и Аннибал пересаживали лекарственные травы; они придумали себе это занятие, когда Тезон опустел. Фейра выпрямилась, когда Бадесса и её монахини окружили их.

Аннибал со злостью воткнул лопату в землю и даже не взглянул на Бадессу.

– Вы возвращаетесь, – произнёс он.

– Да, – сказала она мягко. – Сестра Иммакулата ездила вчера в Мираколи. Округ очищен от инфекции. Нам назначат нового священника вместо отца Орландо. Достойного человека, будем надеяться.

Аннибал хмыкнул.

– Я найду вам лодку. Бокка... – его голос замер.

Бадесса кивнула.

– Мы справили мессу за упокой его души – и его сына. А сестра Анна уже зажгла фонарь, так что лодка скоро будет.

Аннибал кивнул в ответ, вежливо.

– Мы проводим вас.

Фейра замешкалась, не зная, стоит ли ей идти, но Бадесса протянула ей руку.

Они пошли вместе по золотистой лужайке, и возле ворот Бадесса остановилась, пропуская сестёр. Она достала из широкого рукава тяжелую книгу, обернутую в парусину, и протянула её Фейре. Та не стала разворачивать свёрток; в этом не было необходимости. Она и так знала, что там.

На пристани монахини сели в лодку одна за другой, а вслед за ними – Бадесса. Она обернулась.

«Прежде чем покинуть остров, доктор Касон, я хочу сказать вам кое-что. Сестра Иммакулата заглянула в несколько домов в Венеции, где жили семьи. Некоторые из них все ещё в хорошем состоянии, некоторые сгнили, а в некоторых поселились бродяги. Если ваше маленькое сообщество вскоре не разъедется по своим домам, Республика вселит в них других людей. Многие потеряли своё жильё во время пожара.

Выражение лица Аннибала, даже без маски, сложно было понять.

– И вы сказали им об этом?

Бадесса вскинула брови.

– Конечно. Они ведь не могут жить здесь вечно. Даже если удастся раздвинуть волны, невозможно вечно сдерживать море, – сказала она ласково. – Однажды волны сомкнутся.

Фейра поняла. Их странный, зачумленный рай доживал последние дни.

Глава 39

Гнев стал единственным смыслом жизни доктора Валнетти, так как больше ничего не наполняло его существование.

Его округ Мираколи превратился в город-призрак. Половина домов пустовала, а в остальных разместили умирающих. Он не сумел продать больше ни склянки своего зелья «Уксус четырех разбойников» и стал пить его по вечерам сам, благо в нём содержался алкоголь, ведь вино он уже не мог себе позволить. Бочонок гасконского вина, который он мог бы выиграть за самые низкие показатели смертности в своём округе, был так же недостижим, как радуга, потому что он каждый день вносил новые имена погибших в таблицы смертности – это стало теперь его единственным занятием.

Вероятно, под влиянием других ингредиентов своей микстуры у него начались то ли галлюцинации, то ли сны наяву, в которых присутствовала таинственная дама в зелёном платье, кружащая в воздухе, словно серпидина или джин. Он просыпался, мучаясь от голода, но у него не было ни денег на хлеб, ни слуг, которые могли бы

раздобыть ему еду. Он отдал последние монеты жадному лодочнику, чтобы тот отвёз даму в зелёном платье на карантинный остров – Лаззаретто Ново.

Остров Аннибала Касона.

Он всегда знал, что за этим стоит Аннибал. Он был абсолютно убежден в том, что колдунья служит ему и каким-то образом финансирует его безумную затею благодаря своей «Териаке». Доставить Касона с его зелёной ведьмой в Совет стало теперь единственной целью Валнетти. Его вела ненависть, но одной ненавистью сыт не будешь.

Так что, когда ему предложили необычное дело, обещая заплатить золотом, он с радостью согласился.

* * *

«Саламандра? Какой ещё Саламандра?»

Валнетти пришлось самому открыть дверь, слуги давно разбежались, прихватив с собой столовое серебро вместо платы. Он взглянул на чумазого мальчугана.

– Саламандра, – сказал мальчик, смакуя слова, – о нём говорит весь Каннареджо. Он выжил в огне, и за это его называли Саламандрой, а ещё за другие особенности, синьор.

– Например?

– Ну, у него чешуйчатая кожа, и он живет в ванной с оливковым маслом, словно ящерица в оливковой роще, у него раздвоенный язык, как у ящерицы, и он...

– Да, да, – раздраженно перебил его Валнетти. – А ты видел его?

– Нет. Но мой друг Лука видел. В окне. Он отвратительный, с обожженной кожей и жуткими глазами – черными, как грех. Лука сказал, что он зашипел на него, как демон. Он не говорит на нашем языке.

– Он не знает венецианский?
– Только несколько слов, сеньор.
– И как же мне лечить его? Ты тратишь моё время, – громко сказал Валнетти.

– Нет-нет, сеньор, – возразил мальчик. – Он платит за то, чтобы купить ему хлеб и рыбу. Но только нам, мальчишкам; взрослых он не подпускает к себе. Понадобилось несколько дней, чтобы собрать масло для его ванны: множество бутылок, он отправил целую армию мальчишек на рынок за ними. А местные ребятишки бегают к нему и учат венецианскому, – ну те, кому не страшно смотреть на него. Он ищет кого-то и хочет выучить достаточно слов, чтобы найти их. Нескольким парням он щедро заплатил.

Валнетти собрался было захлопнуть дверь.

– Заплатил? – сказал он громко, чтобы заглушить урчание в животе.

– Монеты нездешние, но золотые. Смотрите.

Доктор взял монетку из грязной руки мальчика и стал рассматривать её в лучах весеннего солнца. Он прекрасно разбирался в денежных знаках, даже считал себя экспертом в этом деле. Это была османская монета «султани» с изображением калифа, увенчанного тюрбаном. Вокруг тюрбана остались следы маленьких зубов: кто-то успел попробовать монету на вкус.

Мальчик протянул чумазую руку, и Валнетти нехотя вернул её.

– Это он дал тебе монету... этот Саламандра?

– Да, сеньор, – последовал ответ. – Одну – чтобы я пришёл к вам, и одну – чтобы вернулся к нему с врачом.

– А где он поселился?

– В одном из пустующих домов, сеньор, хозяева которых отправились на остров. Возле церкви Мираколи.

Валнетти задумался. Конечно, монета – из страны неверных, но золото есть золото. Он взял трость и шляпу.

– Показывай дорогу, – сказал он.

* * *

Даже без провожатого Валнетти легко нашёл бы этот дом. Его окружила небольшая стайка детей, словно чайки, напуганных и любопытных. Дом стоял в тени церкви Санта-Мария-дельи-Мираколи, мимо которой он проходил каждый день. Но сегодня что-то изменилось.

Валнетти поднял маску, ему послышалось пение.

Из высоких окон примыкавшего к церкви монастыря впервые за этот год лилось сладкое пение сестёр Мираколи. Сёстры вернулись.

Валнетти прекрасно помнил, что Касон увёз сестёр на остров, чтобы те помогали ему в больнице. Неужели больница Касона закрылась? Песня триумфальным маршем зазвенела в его голове.

Один из мальчишек постарше сторожил дверь дома, стоя навтыжку, словно кочерга. При виде Валнетти и его маленького провожатого он открыл дверь, которая зловеще скрипнула, приглашая войти в кромешный мрак. На мгновенье всё замерло, затем мимо клюва Валнетти просвистела золотая монетка. Мальчик, который привел его, схватил её и убежал. Валнетти, ободренный золотом, ступил во тьму и несколько мгновений не видел ни зги. Пробираясь вперёд, он ощутил зловоние, ударившее ему в нос. Под ногами у него шныряли невидимые твари. В комнате кто-то дышал – порывисто, тяжело.

Вдруг он увидел плоское отражение, словно от поверхности воды, которая внезапно покрылась рябью, расступилась и выпустила из глубины некое подобие человеческой фигуры. Доктор пошарил в карманах плаща, достал огниво и зажег его; сердце у него бешено

билось. То, что предстало его взору, поразило Валнетти настолько, что он чуть не выронил огниво.

Там, в ванной, сидел человек, с которого, казалось, содрали кожу. Волосы и брови у него исчезли, а от носа остались два черных отверстия. Его ободранная плоть была красной, как у демонов, изображенных на фресках соседней церкви, однако местами покрыта белыми пятнами – там, где истерзанный организм пытался сам излечить себя. Грудь и пах пострадали больше всего. Место, где когда-то были половые органы, к счастью, утопало в масле. Валнетти многое повидал за годы своей практики, но больше не мог выносить этого ужаса. Обожженные конечности торчали из ванны, словно чудовищные когти; пальцы на руках и ногах, обглоданные огнем, превратились в жуткие отростки. Но чёрные глаза ещё горели на оголённом, окровавленном черепе – такие тёмные, словно бесконечная тьма, погружающая Валнетти в сумрачную душу несчастного, заглянуть в которую ему не хватило бы духу.

Язык Саламандры, черный и заострённый, как у рептилии, то и дело выпадал наружу, облизывая щель, где когда-то были губы. Местами на оголённой плоти торчали черные волосы, словно его наспех ощипали, как курицу.

Этот человек чудовищно обгорел и остался жив лишь благодаря чуду.

Свет, по-видимому, раздражал его, так что Валнетти поспешно задул огонёк. Врач сразу же почувствовал облегчение, но у него перед глазами все ещё стояло омерзительное существо, словно отпечатанное во тьме.

– Помогите, – слышался леденящий душу рык; в этом слове, искаженном изуродованным языком, чувствовалось ещё что-то – похороненное глубоко внутри человека, которым он когда-то был: акцент.

– Что ж... я хочу сказать, – забормотал Валнетти, – вы приняли верные меры. – Как всегда, испытывая страх, он

прятался за лестью. – Оливковое масло – самое эффективное средство от ожогов.

Свой собственный голос показался ему тонким и высоким, как писк летучей мыши. Он попятился. Валнетти бы с радостью отказался от денег, только бы выбраться из этого ада.

– Надо найти зелёную даму, – слышалось из тьмы. Существо говорило, запинаясь, но вполне ясно.

Валнетти замер.

– Нести... смерть.

Крошечные глаза Валнетти блеснули. Неужели они с Саламандрой преследовали одну цель?

– Вы ищете её?

– Дорога.

Валнетти пришлось уточнить.

– Вы ищете даму в зелёном, вы несёте смерть и хотите встать на ноги, чтобы добраться до неё?

Существо в ванной кивнуло.

– Расскажешь, убью.

Валнетти хмыкнул, ведь Саламандра едва мог приподняться в своём масляном корыте, но существо зашипело на него из тьмы, и этот ужасающий звук заставил его прикусить язык.

– Я помогу вам, – сказал он поспешно. – Мне известно, где она. Я принесу вам опий, который заглушит боль в пути. Я подготовлю носилки, которые доставят вас к каналу, где будет ждать лодка. Но это обойдется вам..., – он задумался, прикидывая, сколько потребовать, – ...в тридцать султани.

Существо снова кивнуло.

Валнетти услужливо наклонился к Саламандре, настолько близко, насколько хватило решимости – чтобы сообщить ему, где живёт дама в зелёном. Так даже лучше – позволить этому существу уладить его проблемы. Пусть Саламандра позаботится о зелёной ведьме и уничтожит её. Это будет намного удобнее. И

хлопот меньше, чем если бы пришлось выдвигать обвинения против Касона в Совете. Несмотря на физическую немощь Саламандры, Валнетти ни капли не сомневался в том, что существо выполнит свой план, прежде чем позволит себе умереть. Только это и поддерживало жизнь в его тлеющем теле.

Когда Валнетти покидал гниющий дом, чтобы подготовить всё необходимое, у него было легко на душе. Саламандра предложил ему возможность повергнуть Касона с его колдуньей, не замарав рук и с минимальной волокитой, которая была одной из самых утомительных особенностей Венеции.

Глава 40

Сёстры первыми покинули остров; за ними последовала череда отъездов.

Одна за другой семьи возвращались в свои дома, чтобы возобновить прерванную жизнь в Венеции, в квартале Мираколи. Только семья Трианни всё ещё оставалась на острове – по особой причине.

Бадесса прислала весть о том, что возникли небольшие трудности. Дом Трианни, расположенный рядом с церковью Мираколи, пока занят. Фейра принялась расспрашивать сестру Бенедетту – дородную монахиню, которая привезла это сообщение на остров и теперь привязывала лодку к пристани.

– Этого следовало ожидать, не так ли? – спросила она. – Многие лишились домов после пожара, и нельзя винить чью-то семью в том, что она нашла пристанище в доме Трианни.

– Да, но только это не семья, – заметила сестра. – Это демон; говорят, огненный демон, принявший вид ящера.

Фейра попятилась, стараясь разглядеть на лице монахини признаки иронии, но сестра Бенедетта

говорила совершенно серьезно, пожимая своими широченными плечами. Уж в демонах-то она разбирается.

– Будем следить, ждать и молиться и, как только демона-ящера изгонят из дома, пришлём весточку. А пока Трианни придется подождать – неделю, не меньше.

* * *

Фейра с облегчением приняла весть о том, что её друзья остаются, но к этой радости примешалась капля разочарования. Иногда она мечтала, что будет, когда они с Аннибалом останутся на острове одни.

В ту ночь он снился ей, его обжигающие объятия, поцелуи... Она проснулась, жадно глотая воздух, словно невидимая рука закрыла ей рот, мешая дышать. Ей стало стыдно. Фейра поднялась с постели и бесшумно спустилась вниз. На камине, в котором ещё горел огонь, лежала Библия, оставленная ей Бадессой. Она не хотела держать книгу в доме, но не могла заставить себя бросить в огонь подарок, сделанный с искренней добротой.

В Константинополе имя Божье было священным. Если написать его на бумаге, то сама бумага, даже её маленький клочок, приобретали большую ценность. Так как люди носили на себе такие листочки, они часто роняли их на землю, и жители Константинополя подбирали эти священные обрывки и крепили их к стенам домов. На оживленных улицах они были испещрены надписями с именем Бога. Фейра не хотела сжигать Библию; хотя Бог, о котором говорилось там, не был её Богом, она боялась совершить святотатство.

Внезапно ей стало жарко, и она вышла в ночь – в длинной сорочке. Ступая по холодной земле, она почувствовала приятную прохладу на своей пылавшей

коже. Круглая весенняя луна сияла, словно солнце, небо было усыпано звёздами, и она могла различить каждую серебристую былинку, как днём.

Она пересекла зелёную лужайку, направляясь к Тезону. Мокрая от росы юбка тянулась вслед за ней. В опустевшей больнице луна осветила крытые ниши, и призраки тех, кого она лечила здесь, скрылись в тени. За дверью показались нацарапанные на стенах надписи, которые она видела каждый день. Буквы и рисунки слабо мерцали в лунном свете; вот и османский корабль и слова, которые когда-то вселяли в неё надежду.

Эти надписи говорили о мире, который когда-то царил в этих местах, куда приезжали торговать из разных стран, – о взаимной выгоде, о коммерческом обмене. Венеция некогда была средоточием всех рас и религий и надеялась возродиться, когда чума покинет эти земли. Она постоянно думала о том, что султан, кроме четырёх коней, отправил сюда пятого: прекратив торговлю, он перекрыл источник жизненных сил города.

Фейра потянулась и дотронулась до слова, которое было ей ближе всего: *Константинополь*. Когда-то оно означало дом. Теперь её домом стал этот остров.

* * *

На обратном пути Фейра бросила взгляд на дом Аннибала. Там было темно. В доме Трианни тоже. Она решила ещё прогуляться и направилась к сторожке. Дверь была открыта; она увидела стул Салве в углу, возле опустевшего очага.

Девушка вышла через ворота к пристани, где днем прощалась с сестрой Бенедеттой. Она взглянула на лагуну, на серебристую дорожку, вымощенную на воде лунным светом, которая тянулась к горизонту, туда, где

море сливалось с ночью. Внезапно дорожка покрылась лучистой рябью.

Лодка.

Фейра замерла; сердце у неё бешено застучало, когда она поняла, что лодка покидает остров, а не плывет к нему. Она присмотрелась: в лодке только гребец. Пассажира не было. Что это значит?

Шагнув вперёд, Фейра заметила перед собой следы, блестящие на пристани. Эти следы не могли принадлежать человеку. Один след – раздвоенный, как нога или копыто животного, а другой – с тремя отростками.

Как у ящера.

Она припала к земле и потрогала рукой след, ещё влажный, от которого исходил знакомый запах. Она обмакнула палец в след, подняла его в лунном свете и затем понюхала. Это было оливковое масло.

Повернувшись, она посмотрела назад, в сторону ворот. Странные следы тянулись к сторожке. Она резко выпрямилась, от чего на мгновение у неё закружилась голова. Кто-то *действительно* высадился на берег и прошёл там, где она сейчас стояла.

Фейра пошла по следу, миновала сторожку и потеряла его в траве. Она покачала головой. Разговоры сестры Бенедетты о демонах-ящерах помutilи её разум: ей не мешало бы хорошенько выспаться.

Первое, что она обнаружила, открыв дверь своего дома, – страницы Библии, разбросанные по всей комнате. На полу валялась её одежда – бельё, плащ, рубашка и бриджи.

Затем она увидела самого демона – с содранной кожей, застывшего на полу возле огня, словно его породило пламя.

Фейра потеряла сознание и рухнула на стул, но когда она открыла глаза, то пожалела, что очнулась.

Теперь она видела, что существо на полу – это человек. Он заговорил – странным, сдавленным голосом, губ у него не было: «Прошу простить меня. Я не могу носить ни одежду, ни обувь».

Фейре вспомнились запрещенные гравюры Андреаса Везалия, объявленные дьявольскими христианской церковью, которые они с Аннибалом рассматривали по вечерам. Она вспомнила изображения человеческого тела с содранной кожей, так что можно было видеть работу мышц и сухожилий, – тела, которое при этом двигалось, стояло или ходило с открытыми глазами. Это чудовище словно сошло со страниц научной книги, однако в своей изуродованной руке он держал книгу веры – остатки Библии, которую подарила ей Бадесса.

Девушке вдруг показалось, что это страшный сон – она понимала язык демона. Она отвернулась от него и посмотрела на страницы латинских писаний, разбросанных по всему полу.

– Ты это сделал? – прошептала она.

Существо, казавшееся взволнованным, взмахнуло окровавленной рукой.

– Не могу найти. Я пытался, но не смог.

– Чего не можешь найти?

– Белого коня. Янычары когда-то были христианами. Мой отец был командиром башни в Искендеруне и последователем пророка-пастуха. Так что я хорошо знал книгу неверных, до того как меня привезли в Константинополь – в лоно истинного Бога.

Знакомое имя пронизало мрак кошмара, в котором оказалась Фейра.

– *Кто* ты?

Он обратил на неё свои жуткие глаза – без ресниц, без бровей, горящие в окровавленном черепе; где-то она уже видела этот обжигающий взгляд.

– Ты не узнаешь меня? – спросил он.

Она кивнула – медленно, словно во сне.

– Я знаю тебя, – проговорила она. – Ты Такат Тюран.

Во дворце дожа она видела собственными глазами, как огонь поглотил его. Как же ему удалось выжить?

– Но... я думала, ты погиб во время пожара.

– Погиб.

Она опустилась на колени, ужаснувшись при мысли о том, как он, должно быть, страдает.

– Чем облегчить твою боль? – она вдруг вспомнила следы на пристани. – Оливковое масло?

Существо кивнуло.

– А ещё врач дал мне опий.

Фейра достала свой медицинский пояс, задержав дыхание: от его оголенной плоти разило гнилью. Она влила черную жидкость прямо ему в рот, и хотя опий потёк по его обожженным щекам, он проглотил немного. Это, казалось, придало ему сил.

– Я хочу попросить тебя сделать благое дело.

– Меня?

– Я умираю.

Нет смысла врать.

– Знаю. Вдруг всё встало на свои места, словно детали мозаики.

– Четвёртый конь, – сказала она, – смерть.

– Да. И скоро я встречу с ней лицом к лицу.

Она не удовлетворилась этим.

– Но ведь речь идет не только о твоей смерти? Должно быть ещё что-то. Первый конь – вороной, это чума^[4]. Мой отец привез её на корабле. Второй конь – рыжий, это огонь^[5]. Смерть – четвертый, бледный конь. А третий?

Он молчал, закрыв глаза.

Она повторила в нетерпении.

– Что несёт белый конь?

– Время на исходе. Жребий брошен. Но я должен попросить тебя о последнем одолжении. Я хочу, чтобы ты отправила мои кости обратно в Константинополь. Я должен быть похоронен рядом с правовеерными и получить награду на небесах. Ты обещаешь?

Фейра встала; она больше не испытывала сострадания к нему.

– Расскажи мне о белом коне. – Её голос – холодный, как лёд. – Иначе я похороню тебя под камнями церкви. Здесь, совсем недалеко есть храм Святого Варфоломея. – Она нагнулась к его жуткому лицу. – Я вырву плиты самого алтаря и зарою тебя там, клянусь. Рассказывай. Белый конь. Чего ещё ждать Венеции?

– А если расскажу? – захрипел он, теряя силы.

Она заставила себя смягчиться.

– Тебя положат в гроб и отправят..., – она задумалась. Не султану, он не окажет почестей человеку, отдавшему свою жизнь за него, – Хаджи Мусе, врачу Топкапы. Он передаст тебя священникам, они помолятся и воздадут тебе почести. А теперь рассказывай.

– Во дворце Топкапы есть комната, – начал он. – Личная комната султана. Я был там однажды, когда получал распоряжения. Там мраморный пол, на котором изображены семь морей и все земли.

Фейра теряла терпение. Такат бредил, она часто видела такое перед концом.

– У него целые флотилии, у моего господина, обшитые металлом, – снова послышался ужасающий шепот. – Корабли высотой с его колено. Он может передвигать их, как Аллах направляет смертных своей рукой.

Фейра стиснула зубы; у него почти не осталось времени. Путь на остров, видимо, отнял у него много сил, и она с ужасом думала о боли, которая пронзала его каждый раз, когда соленые брызги попадали на его

оголенную плоть. Она схватила его за масляные плечи и слегка встряхнула, и пальцы её погрузились в мягкие ткани его мышц.

– Забудь о металлических кораблях. Рассказывай – коротко и четко.

Он поднял на неё глаза.

– Белый конь – это война.

Фейра похолодела.

– Продолжай.

– План султана состоял в том, чтобы ослабить город чумой и огнём. Первые кони – всего лишь предвестники. А сейчас, с весенним приливом, он направит сюда свою армаду, чтобы захватить Венецию. Это будет самое грандиозное морское сражение за всю историю. Лепанто по сравнению с ним – ничто.

Фейра видела, как ему тяжело говорить, остатки губ висели над почерневшими сломанными зубами в постоянном оскале, но она не давала ему покоя.

– Когда?

– Они нападут на двадцать девятый день мая. Этот день важен для султана из-за событий тысяча четыреста пятьдесят третьего года.

Фейра нахмурилась.

– Тысяча четыреста пятьдесят третьего?

– Тебе эта дата известна по нашему летоисчислению. Восемьсот пятьдесят семь.

Фейра медленно выдохнула. Все османские дети учат эту дату в школе – это день величайшего триумфа Империи над Западным миром.

– Падение Константинополя, – выдохнула она.

Теперь существо могло только кивнуть.

По христианскому календарю до этого судьбоносного дня оставалось две недели. Надо действовать, снова, если она хочет спасти город от последней скорби.

Но Таката Тюрана не спасти. Она дала ему ещё опия, но он быстро угасал и не смог проглотить ни капли. Фейра снова смазала маслом его чешуйчатое тело, но когда огонь угас в камине, Саламандра угас вместе с ним, словно не мог жить без питающего его пламени.

* * *

Фейра взяла лопату и направилась к колодцу, где земля была мягкой; она сама выкопала могилу. Затем завернула Таката в его плащ, потащила к колодцу и скинула в яму. Пока она закапывала тело – торфяной запах земли перебивал зловоние обуглившейся плоти – кольцо её матери выскользнуло из-за корсажа и повисло на ленте.

В слабых отсветах восхода она повернула его так, чтобы третий конь оказался сверху, и стала вглядываться в маленькую белую фигурку, выгравированную в хрустале.

Внезапно девушка почувствовала на себе чей-то взгляд. Каменный лев на колодце наблюдал за ней, выглядывая из-за книги. Фейра выронила кольцо и заговорила с ним: «Ты знал, что так случится? – спросила она. – Ты предвидел это?».

Лев безмолвствовал.

«Что ж, сохрани и этот секрет».

Внезапно рассердившись, она вонзила лопату глубоко в землю, где та и застряла, покачиваясь, словно шест.

* * *

Вернувшись в дом, она, не обращая внимания на замасленные половицы, принялась собирать

разбросанные страницы Библии, перебирая их, пока не нашла книгу «Откровение». *«Я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить».*

Она решила бросить страницы Библии в камин на тлеющий пепел, но передумала и засунула их в щель над очагом. Затем она подошла к сундуку, стоявшему под окном, и спрятала там зелёное платье, капнув камфарой между складок, чтобы уберечь от моли. Девушка думала, что больше никогда не наденет его, однако ошиблась – как ошибалась не раз до этого, надеясь, что нашествие всадников султана окончилось.

В предрассветный час Фейра одевалась со всей тщательностью, снова расправляя зелёное платье на бедрах, укладывая волосы и закрепляя их, как настоящая венецианка. Когда взойдет солнце, ей придётся отправиться в Венецию и навестить Палладио.

Пора, наконец-то, встретиться с дожем.

Часть 5

Белый конь

Глава 41

Фейра вернулась из города как раз вовремя, чтобы попрощаться с семьей Трианни.

Матушка, которая сшила для неё зелёное платье, и дедушка Трианни, которого удалось вырвать из тисков смерти, первыми сели в лодку, с благодарностью целуя руки, которые помогли им. Следом за ними в лодку села Валентина уже с двумя малышами, маленьким Аннибалом и девочкой, которую она назвала Сесилией – по совету Фейры. Она поцеловала Фейру в щеку – над вуалью. «Я не забуду», – сказала она, пока её муж с благодарностью пожимал руку Аннибалу.

Настало время, подумала Фейра, пока смотрела, как удаляется лодка Трианни. Завтра, в воскресенье, Палладио задумал привезти её на церемонию освящения церкви. Сам дож будет присутствовать. Они не знали, выслушает ли он её, поверит ли ей или велит заковать в кандалы. Они с Аннибалом могли быть уверены только в сегодняшнем дне.

Она сняла вуаль и обернулась к Аннибалу.

Они стояли лицом к лицу. Фейра и Аннибал.

Он посмотрел на неё – вопросительно, с улыбкой, словно в точности знал, чего она хочет, словно ждал этого сам. Она была так близко, что чувствовала его тепло. Удивляясь собственной смелости, девушка обняла его – и он не оттолкнул её. Она подняла губы к его губам. Она уже предвкушала поцелуй, как внезапно почувствовала жар, исходящий от его лица, – болезненный жар, который она чувствовала на своей щеке десятки, сотни раз, когда склонялась к умирающим пациентам, проверяя, дышат они или нет.

Жар, исходящий от Аннибала, не был страстным пламенем желания; это была чума.

Глава 42

Андреа Палладио стоял позади собравшихся и наблюдал за освящением *La Chiesa del Santissimo del Redentore* – его церкви^[6].

Служба уже началась, но Палладио не слышал ни слова.

В первых рядах – духовенство и знать в богатой одежде из тяжелого удушливого бархата. Под алтарем на золотом троне восседал дож в своей шапке – корно дукале – старый, утомленный. Под ним, на золоченном стуле, со стриженной головой – золотистой, как у архангела, расположился камерленго. В багряном одеянии перед ними стоял епископ Джованни Тревисамо, патриарх Венеции; его голос был таким торжественным и монотонным, что Палладио удивлялся, как это собравшиеся ещё не заснули. Однажды ему довелось строить патриарху дом в Виченце, и он знал, что это скучнейший человек.

Был тёплый весенний день, и в церкви негде было протолкнуться. Запах человеческого пота перебивал удушливый сладкий аромат благовоний, белым облаком

поднимавшихся с серебряных кадилъниц. Зажатый со всех сторон Палладио сдерживал своё раздражение лишь сладостной дрожью при мысли о том, что ни дородная дама справа, ни парень слева, который, судя по запаху, был рыбаком, не знали, что это он создал столь удивительное творение.

Архитектор поднял глаза к небу, отстранившись от толпы.

Его не интересовала служба, он просто разглядывал свою церковь. Она была великолепна, и гордость буквально распирала его.

Распределение пространства и материала внутри церкви изумительно сочеталось с внешним фасадом. Трёхчастный план отражался в последовательности нефа, алтаря и хоров. Их разделяла не только разная высота пола, но и разное оформление потолка. Парные пилястры, вздымающиеся от пола до потолка, придавали целостность необъятному пространству. Здесь не было фресок, лишь скупая роспись и несколько скульптур. В отличие от любой другой венецианской церкви, красота таилась не в убранстве, а в самом здании. Оно было не просто красивым, а продуманным – идеально выверенным геометрически. Даже если обыватели не увидят этого, Господь, надеялся Палладио, поймет – разве небеса и сама природа не были созданы по законам геометрии? В завитках папоротника, в спиральях раковины улитки, в панцире неприметного наутилуса – везде скрыто золотое сечение. Палладио переступил с ноги на ногу и взглянул вниз.

Вот он. Наутилус.

Палладио велел вымостить церковь красным и белым мрамором терраццо, и в одной из плит, которую принесли каменщики, он обнаружил идеально сохранившегося наутилуса. Главный каменщик хотел выбросить её, но Палладио настоял на том, чтобы оставить плиту с ископаемым. И вот оно, под его ногами,

он не стал прятать его, а установил плиту с наutilusом на видном месте, в проходе между скамьями, где каждый мог его увидеть.

Когда он только получил этот заказ, ему казалось, что его заточили в Венеции, как наutilusа в камне. Ему хотелось сбежать от чумы, отвергнуть единственный заказ Республики, своё величайшее творение и, как он надеялся, начало многих других. Так и должно быть – наutilusу следует находиться в самом сердце церкви; эту шутку, он был уверен, Всемогущий Господь поймет.

Палладио чувствовал колоссальное облегчение, и это чувство перекрывало все остальные. Теперь церковь уже не принадлежит ему; она отдана людям, жителям Венеции, которые должны делать её своей – воскресенье за воскресеньем, неделю за неделей, год за годом. Он может больше никогда не войти в неё, поскольку обычно не посещает свои строения после окончания работы. Как писатель, который, закончив книгу, закрывает её раз и навсегда и никогда больше не дотрагивается до неё. Его наследие вырвалось на свободу.

Но он был доволен, что Господь одобрил его творение: когда строительство церкви близилось к концу, чума отступила от города. На улицах поговаривали, что чуму поборол огонь, очистивший город от миазм, и что появившееся чудодейственное средство «Териака» предотвратило новые случаи заражения. Но Палладио знал правду: купол. Купол Фейры, купол Синана, его купол. Ему удалось охватить лазурный свод неба и заключить его в сферу, чтобы превзойти неверных зодчих Востока. Он выполнил свой контракт с Господом Богом: церковь в обмен на Венецию.

Архитектор прекрасно понимал, что после выполнения этого заказа только ему доверят восстановление города, Венеция возродится из пепла,

подобно саламандре, сбросив старую кожу, очистившись и обновившись. Строить придется немало, подумал он в радостном предвкушении. Палладио поднёс руку ко лбу, словно мог скрыть свои мысли от Бога, вспоминая, с каким неприличным наслаждением рушил старый мост Риальто. Теперь он лелеял мечту построить новый мост. Он уже видел эту белокаменную радугу, нависающую над Гранд Каналом, ещё один краеугольный камень его наследия. Кто ещё получит этот заказ, как не он, друг дожа?

Мысль о своем благодетеле внезапно вырвала его из сладких грёз.

Где же Фейра?

Она пришла к нему два дня назад, блистательная в своем зелёном платье, венецианка с головы до ног, утверждая, что она должна встретиться с правителем Венеции во что бы то ни стало. Она не рассказала ему, о чем ей надо поговорить с дожем, заметив, что это крайне важно и предназначено только для ушей дожа. Зная, скольким он обязан девушке, Палладио согласился встретиться с ней на ступенях церкви сегодня утром. В конце службы ему присудят звание *La Proto della Serenissima*, главного архитектора Республики. Он не видел никаких трудностей в том, чтобы представить Фейру дожу, которая в своём зелёном платье украсила бы общество любого монарха, но его беспокоило то, что она опаздывает.

У него достаточно времени, чтобы добраться до острова и вернуться как раз к церемонии награждения. Палладио стал пробираться вниз, к берегу, чтобы нанять лодку. Церковная дверь была распахнута, и люди толпились на ступенях, так что он едва сумел пройти. Они наводнили берег и набережную до самого дворца Веньеров.

Здесь были не только простые крестьяне. Ему попадались на глаза парики стряпчих, клювы врачей,

широкие воротнички учителей. Матери привели детей. Мужчины – престарелых родителей. Всех этих венецианцев из самых разных слоёв объединяло одно – взгляд: смиренный, внимательный, спокойный, в котором сквозило необычное умиротворение вкупе с исключительной решимостью.

На канале теснились разнообразные судна, приплывавшие к церкви отовсюду. Кто-то даже построил плот, на котором добрался от самого Дзаттере, где менее отважные жители стояли на берегу, стараясь подойти как можно ближе к церкви и благословенному действу. Палладио был поражен, польщен, пока не понял, что они собрались не ради него и даже не ради его церкви. Покидая церемонию освящения своей собственной церкви, он вдруг осознал, что привело их сюда.

Вера.

Глава 43

Желание Фейры исполнилось.

Она разделила постель с Аннибалом в первую же ночь, когда они остались одни на острове. Но Господь сыграл с ней ужасную шутку – справедливое наказание. Всю эту ночь она старалась изо всех сил не дать любимому умереть.

Она уже не узнает, что стало причиной его болезни, – возможно, дым пожара изъел его легкие и занёс в них заразу, или, потеряв маску, он вдохнул миазмы Тезона. Правда в том, что это из-за неё он подверг себя опасности. Полюбив её, он впервые озаботился своей собственной жизнью и здоровьем, а когда *она* попросила его рискнуть всем этим и отправиться с ней в город без маски, он пошёл на это без колебаний.

Забота о любимом причиняла ей теперь боль. Впервые она дотронулась до него не в порыве любовных ласк, а для того чтобы убрать кудри с горячего лба. Впервые она взяла его за руку, чтобы проверить трепещущий пульс. Она расстегнула ему рубашку, как

давно мечтала, но лишь для того, чтобы рассмотреть ужасающие опухоли в подмышках. Она увлажняла его губы – не поцелуями, а губкой, смоченной водой с уксусом. Она надолго уходила в терновую рощу, не для того чтобы вздохнуть там о любви, а в надежде найти любые корни или травы, которые могли помочь, любые новые цветы, чей сок можно было использовать для лекарства.

Как и с отцом, она попробовала всё: травы из своего пояса и смеси из больницы. Она даже рискнула поставить ему пиявок, хотя ни разу не проверяла это на других пациентах, с отвращением наблюдая, как серые извивающиеся существа впивались в его плоть. Но если он верил в такие меры, то она обязана попробовать. Она вскрыла бубоны, но это принесло не больше пользы, чем её отцу. Судя по посеревшему лицу Аннибала, он от этого лишь ещё больше ослабел. Глаза у него были закрыты, пульс на шее слабый и трепещущий, словно он проглотил мотылька.

Наконец Фейра решилась прибегнуть к тому, чего он не одобрял. Она пела венецианские народные песни, которым научилась в Тезоне, в надежде на то, что его никчемная мать пела ему хоть одну из них в детстве. Она даже кое-как прочитала по-латыни отрывок из Библии, вытащив скомканные страницы из щели в стене, чтобы его Бог услышал её.

Единственное, чего она не использовала, – свою «Териаку», зная, что её лекарство уже принимать слишком поздно. Она вспомнила, как он пренебрегал её методами, как часто опровергал теории, на которых строилась её медицинская практика. Она отдала бы все на свете, чтобы услышать от него хоть слово, пусть даже гневное! Он был бледен, так бледен! Его лицо алебастрового цвета, усеянное каплями пота, напоминало лицо статуи во время дождя.

Она сняла вуаль, чтобы почувствовать на щеке его последний вздох. Она бы навсегда сорвала с себя вуаль, прямо там, будь на то её воля; но она не могла подвергать его ещё большей опасности миазмами своего дыхания, так что снова прикрыла лицо. Затем, измученная, она легла рядом с ним, молясь Богу, о котором так редко вспоминала, чтобы тоже умереть, если он не проснётся. Но её молитва не была услышана. На рассвете она проснулась возле Аннибала, как когда-то возле мёртвого отца.

Именно там её и нашел Палладио. Она лежала возле доктора. Они обнимали друг друга, словно влюбленные на супружеском ложе – оба прекрасные, под стать друг другу.

Но он понял, что что-то не так, как только высадился на покинутом острове, пересёк опустевшую лужайку, заглянул в просторное безлюдное здание в самом центре острова, похожее на склад, а потом во все дома – один за другим. И вот в последнем доме он поднялся по лестнице и нашел их.

Он осторожно опустил на здоровое колено и нежно дотронулся до щеки Фейры. Она повернулась к нему, будто ждала его.

– Я не смогла спасти его, – прошептала она, словно не хотела будить застывшее тело. Слёзы наполнили её глаза, намочив вуаль. – Я испробовала *всё*.

Палладио вспомнил про свою церковь, про купол и людей, собравшихся на берегу.

– Не *всё*, – сказал он. – Осталось ещё кое-что.

Он протянул ей руку, и она нехотя встала с постели, обернувшись к тому, кого покидала, словно вырывала сердце из груди. «*Иди и смотри*».

Палладио заметил, что эти слова были ей знакомы. Надежда блеснула в её глазах.

Она дотронулась до вуали.

– Мне надеть зелёное платье?

Он взглянул на неё – на её покрытую голову, шаровары, вуаль. Её происхождение не оставляло сомнений.

– Нет, – сказал он. – Ты прекрасна.

Глава 44

Фейра смотрела на великолепную церковь, и слезы выступили у неё на глазах. Палладио не привез её домой, он привез её дом к ней.

Потрясающий купол, минареты, несущие стражу, фасад храма; она вернулась в Константинополь и всё же оставалась в Венеции. В такую церковь она могла войти, не страшась возмездия. Словно во сне, она стала подниматься по пятнадцати ступеням, прошла мимо стражников, поставленных у дверей, – стражников, на одеждах которых было вышито изображение льва, точно таких же стражников, как те, которые прогнали её от дворца дожа, а потом пропустили внутрь, когда она облачилась в костюм врача. Как и в тот последний раз, они разомкнули алебарды перед её лицом – но теперь по приказу архитектора, который сопровождал её. В отличие от того раза, оба стражника сразу узнали её.

Впервые Фейра переступила порог христианской церкви.

Внутри был полумрак, освещенный свечами и наполненный запахом благовоний. Новые свечи,

восковые, белые, стояли сомкнутыми рядами, ожидая, когда их зажгут, пока десятки других свечей горели в благодарность за избавление города от чумы, создавая в церкви тёплое свечение. Фейра была рада найти столь радушный приём в месте, которое всегда внушало ей страх.

Она прошла вперед, в самый центр крестообразной планировки храма. Под её ногами была черная мраморная звезда, обозначающая середину купола, и она представила себе там, внизу, колодец, где покоился её отец. Она послала Тимурхану благословение на родном языке.

Затем подняла глаза вверх.

Фейра поворачивалась вновь и вновь под куполом – бескрайней, идеально выверенной полусферой, ничем не украшенной, кроме перламутрового блеска, как внутри раковины. Она вспомнила все мечети, которые посещала на Востоке, гарем, дом Палладио, Тезон, дом Аннибала – все места, где бывала до сегодняшнего дня.

Она опустилась на колени и сложила руки, как делали сёстры, когда молили о чуде, и устремила взгляд на алтарь; на крест, который когда-то носила, на крест, который когда-то бросила в колодец.

«Пожалуйста», – произнесла она на родном языке.

Потом на венецианском, на тот случай, если этот Бог не понимает её. «Спаси его. Верни его мне». Если все боги – один Бог, разве он не ответит ей?

Но крест безмолвствовал, и она почувствовала себя глупо. Девушка поднялась с ноющих колен. Зря она пришла сюда. Бога нет – ни в этой церкви, ни в какой-либо другой. Храмы Синана и Палладио пусты.

Фейра вдруг почувствовала, что она не одна в церкви. Человек стоял, преклонив колени, в нише, глаза его были закрыты. Она узнала его по шапке корно, изображение которой видела на листовках, которые сжигали на улицах Константинополя, по шапке,

изображенной на дукате, который она носила за корсажем.

Она была настолько измучена горем, что решила было не тревожить дождя, но ещё несколько мгновений ничего уже не изменят для Аннибала, а он всегда жил для спасения людей. Если ей удастся остановить белого коня, это станет достойным даром её любви. Она подошла к дождю и молча стояла, пока он не почувствовал её присутствия и не обернулся.

– Кто вы? Как вы смеете прерывать мои молитвы?

Он встал в негодовании, и она узнала в нём высокого старца, который распоряжался жителями города в ночь пожара. Она столько часов провела с ним бок о бок.

Фейра так давно ждала этого момента! Она взглянула на старика, на его бородатое лицо, напомнившее ей отца. Оба были моряками, и у обоих в глазах светился далёкий горизонт.

Девушка раскрыла рот, но не успела она произнести и слово, как двери церкви распахнулись, и человек в черном, со стриженными светлыми волосами показался между рядами в сопровождении стражников.

– Дорогу! – крикнул он.

И тут же стражники схватили Фейру. В отчаянии она метнулась к дождю, который отступил назад.

– В чём дело? – спросил он своего камергера.

– Вот она, – ответил тот, тяжело дыша, – неверная, которую мы искали все это время. Она прибыла в Венецию вместе с чумой. Вполне может оказаться, что она убийца, посланная султаном.

– Это... *дитя*? – удивился дождь, подходя к Фейре, но стражники уже волокли её между рядами вслед за камерленго, который распахнул огромные двери и вышел на солнечный свет.

В последней отчаянной попытке девушка вырвалась из рук стражников и обернулась к дождю. Она достала из-

за корсажа хрустальное кольцо своей матери и сорвала с лица вуаль.

– Остановитесь! – прогремел голос дождя среди каменных стен.

Камерленго повернулся в замешательстве.

– Но... почему? – дерзнул он задать вопрос своему господину.

– Потому что, – произнёс дождь, – она Веньер.

Он даже не взглянул на камерленго и стражников.

– Оставьте нас, – сказал он.

Тяжёлые двери с грохотом закрылись. Дождь протянул руку к Фейре и в бессилии уронил её.

– Сесилия? – произнёс он.

– Я её дочь.

– Но ты...

– Да, я турчанка. – Фейра торопилась. – Времени мало, а мне надо столько вам рассказать. В эту самую минуту султан Мурад Третий снаряжает в Константинополе целую флотилию против вас – он плывёт сюда, чтобы захватить город. Один из его янычаров поджег ваш дворец; один из его морских капитанов привёз чуму. – Она едва перевела дыхание. – Я дочь этого морского капитана и приплыла на том же корабле. А моя мать, Нурбану, Валиде-султан, была когда-то Сесилией Баффо с Пароса. – Она снова остановилась, чтобы отдышаться. – Умирая, она рассказала мне о замыслах своего сына, султана, и велела предупредить вас о четырёх конях, которые направляются в Венецию и несут с собой времена скорби. Я не сумела предупредить вас о двух бедствиях, но если мне удастся спасти вас от войны и смерти, я это сделаю. – Она протянула ему кольцо, впервые сняв его с шеи.

– Именно так рассказала мне мать и дала это кольцо в доказательство того, что я говорю правду. Видите, здесь изображены четыре всадника? Думаю, –

произнесла она осторожно, заметив его взгляд, – вы узнаете это кольцо?

Дож взял у неё кольцо и дотронулся до миниатюрных изображений.

– Да, – сказал он изумленно. – Я сам подарил ей это кольцо – летом, давным-давно, на Паросе. – Он смолк и взглянул на неё. – Ты многим рискнула, чтобы предупредить меня, – сказал он ласково. – Чем же мне отблагодарить тебя?

– Позвольте мне вернуться домой. Это все, чего я хочу.

– В Константинополь?

– Нет, – сказала она резко. – Нет, это не мой дом!

Она стала пятиться, пробираясь между рядами к двери.

– Кольцо? – дож протянул его ей.

Она махнула рукой.

– Оно ваше.

– Нет, – возразил он, следуя за ней. – Оно твоё.

Дож надел ей кольцо на палец, прямо в церкви, словно они венчались.

– Ты же Веньер.

Она взглянула на кольцо, украсившее её безымянный палец, как носила его мать.

– Где твой дом? – спросил дож ласково.

– На Лаззаретто Ново.

– На том острове, где больница?

– Да, – ответила она, распахивая двери церкви.

– С доктором? – крикнул ей вслед дож.

Фейра остановилась. *Конечно.* Дождь в первую очередь подумал о нем.

– Нет, – произнесла она, и голос её замер. – Я живу одна.

Глава 45

Фейра не знала, сколько она просидела возле Аннибала, сжимая его почерневшую руку.

Она вернулась из Реденторе, когда солнце уже высоко стояло в небе. Теперь оно опустилось ниже, чтобы позолотить его неподвижное лицо, словно священные мощи.

За эти часы она прожила жизнь, которая могла бы быть у них, – они бы жили и лечили вместе, возможно, отправились бы в клиники Лондона, Болоньи и Дамаска или открыли бы свою больницу. За эти воображаемые годы она не задумывалась, на кого будут похожи их дочери и сыновья. Она не хотела детей, никогда не мечтала о них, ей нужен был только Аннибал. Быть с ним, стать его супругой – любым способом, который позволяют их верования.

Она сняла кольцо Веньеров с пальца, внезапно загоревшись мыслью, что они должны обручиться до того, как Аннибала похоронят. Это было женское кольцо, и пришлось надеть его на мизинец Аннибала, хрусталь блеснул на фоне почерневшей кожи. Черная желчь,

красная кровь, белая желчь и бледная флегма. Все это покинуло его организм; все жидкости истощились, все страсти стихли, баланс исчез. Вертящаяся крышка, за которой она наблюдала в детстве, наконец-то упала.

Даже это не заставило увлажниться её высохшие глаза. Она мрачно отметила, что бледный конь находится выше остальных на кольце. И тут ей стало всё понятно. Теперь она знала, что последний конь, бледный конь Смерти, предвещал не кончину Таката и даже не гибель Венеции, а уход из жизни Аннибала.

Опустившееся солнце светило ей прямо в лицо, отчего на глазах у неё выступили слезы. Она поднялась – наступали сумерки. Ей предстояло обмыть тело и приготовить его к погребению. Сегодняшнюю ночь она будет бодрствовать рядом с ним, а завтра – похоронит его.

Она взяла в кабинете охапку новых белых восковых свечей и положила их возле кровати. Затем спустилась вниз и направилась к кладбищу, спотыкаясь о корни деревьев и цепляясь платьем за ветки терновника. Она аккуратно обошла могилы, представляя себе скелеты, лежащие под землей.

Это те, кого она не спасла.

Возле новой горки земли, покрывавшей могилу Таката Тюрана, она остановилась и наступила ногой на свежую почву. Она вспомнила своё обещание отправить его кости домой. И не собиралась исполнять его. Она взглянула на могильный холм. «Придётся тебе гнить здесь», – процедила она сквозь зубы и пошла дальше.

Возле стены она нашла тележку и покатила её к дому Аннибала. Утром она положит его тело на неё.

Затем она направилась к колодцу, чтобы набрать воды и обмыть тело Аннибала. Каменная морда льва устремила на неё всезнающий взгляд. Она устала от него. «Значит, об этом ты молчал? – спросила она. – Это

и есть твой секрет? Что ж, молодец, твоё пророчество исполнилось».

Ведро с грохотом полетело в колодец. Когда она вытянула его обратно, то увидела, что в последних лучах солнца что-то блеснуло на дне ведра. Фейра опустила руку и достала маленький металлический крест, приделанный к булавке. Эту булавку, которой Корона Кучина закалывала ей шаль на груди, она бросила в колодец в первый же день своего пребывания на острове. Она стиснула её в руке. За прошлый год здесь набирали сотни, тысячи вёдер воды, однако булавка с крестом оказалась именно в её ведре, в это воскресенье.

Фейра раскрыла ладонь и взглянула на пророка-пастуха на металлическом кресте. Он ничем ей не поможет теперь. Он всего лишь смертный, который умер, как и Аннибал. Но вдруг ей вспомнилась легенда о нём.

Он умер и воскрес. Пастух воскрес.

Это чудо.

Фейра выронила ведро, пролив воду на могилу Таката Тюрана. Она побежала – мимо дома, где принимала малышей Трианни, мимо Тезона, где Салве умер последним из жителей острова, мимо сторожки, где когда-то жил Бокка, мимо церкви, где Бадесса дала ей Библию, – к дому Аннибала. Девушка взлетела по лестнице, едва дыша, и замерла на пороге.

Он пошевелился.

Фейра подбежала к постели и упала на колени. Рука, которую она держала, рука, на которую она надела кольцо и положила ему на грудь, теперь соскользнула на кровать. Она схватила её и сжала так сильно, что кольцо с четырьмя всадниками разломилось надвое.

Распахнув ему рубашку, она прижавшись ухом к его груди. Там, под слоем мышц, костей и сухожилий, она

почувствовала трепет – едва уловимый, словно первые взмахи новорожденной бабочки.

Каким-то непостижимым образом те сосуды и органы, о которых рассказывал ей Аннибал, те клапаны и полости наполнились жизнью. И дело здесь не в науке; это было Божьим чудом. Слезы потекли у неё из глаз, когда она прижалась губами к его груди, где трепетало сердце, а потом поцеловала его в губы.

И как только она поцеловала его – впервые, прижавшись губами к его губам, он открыл глаза.

Часть 6

Бледный конь

Глава 46

Площадь Сан-Марко никогда не была так многолюдна, даже во время карнавала. Это был величайший военно-морской смотр в городе со времен Четвертого Крестового похода, когда правоверные и ненасытные отправились на разграбление Константинополя. Даже подготовка к Лепанто всего шесть лет назад не могла с этим сравниться; машина войны заработала быстро, мгновенно стряхнув с себя оцепенение. «Эх-эх-эх, несчастная Венеция! – воскликнул Палладио. – Опять все повторяется».

Дворец дожа представлял собой апокалипсический фон для этого действия. Великолепный белый фасад превратился в обуглившиеся руины. Пожар превратил его из сияющей белозубой улыбки в почерневшую кривую ухмылку уличного торговца.

Палладио пробирался между шлюхами, любезничавшими с моряками в их последний день на берегу, и женами, умолявшими мужей не ходить на войну. На самодельных сценах актеры *commedia dell'arte* разыгрывали пьески со злобными турками,

размалёванными, в огромных тюрбанах, с уродливыми крючковатыми носами и развевающейся бородой.

Сотни горожан выстроились у входа в базилику. Тот факт, что ни церковь, ни Святой, ни его стражи-кони не пострадали в огне, казался всем чудом. Внутри, в полумраке, где пахло благовониями, они молились Мадонне Никопея – иконе, спасенной от турок, и просили не подпускать неверных к городу. Венеция всегда полнилась слухами, а за последнюю неделю они переливались через край; новость о том, что турки надвигаются на город, чтобы захватить его, распространялась быстрее огня.

Палладио оставался холоден к переживаниям народа; он направлялся к дожу. Он повернул к зданию Сансовиньяно, где временно расположился правитель города. Величественный, украшенный фресками зал гудел, словно пчелиный улей, матросы и мальчишки, не успевшие ещё отрастить бороду, сновали взад-вперед. Фрески на стенах заслонили огромные карты, которые принесли из *Salle delle Mappe* дворца, некоторые из них были порваны, некоторые обуглились по краям, на некоторых пламя оставило пепельные дыры. И посреди всего этого, как длинная серебряная стрела в компасе, стоял дож.

Если бы не повелительный тон, Палладио едва бы узнал его. Вместо длинного красно-белого одеяния и шапки корно, которые он надевал на церемонию освящения церкви, на нём были синяя мантия и серебряные доспехи с орденом Морского адмирала; коротко стриженные седые волосы и борода делали его на тридцать лет моложе.

Сегодня он был не Себастьяно Веньером, старым дожем Венеции, а Себастьяно Веньером, *Capitano Generale da Mar*, Адмиралом венецианского флота в новой войне против Османской империи.

Когда Палладио дотронулся до руки дожа, тот обернулся и какое-то мгновение смотрел на него, словно не узнавая. Затем произнёс:

– Палладио, что ты здесь делаешь?

– Хочу угостить вас стаканчиком вина – на счастье.

– *Сейчас?* – адмирал развел руками, показывая на суматоху вокруг него.

– Это не займет много времени, – сказал Палладио невозмутимо, – и, вполне возможно, что от этого зависит успех вашего похода. – Палладио выдержал долгий пристальный взгляд голубых глаз дожа, который вспомнил, что именно Палладио привел к нему Фейру. Если архитектору есть что сказать, возможно, его лучше выслушать.

Себастьяно Веньер вздохнул.

– Ну что ж.

* * *

Выйдя наружу, Палладио нашёл в шумной толпе деревянную тачку, ездившую по площади весь день, а теперь укрывшуюся в тени звонницы. Товар на тележке стремительно таял, моряки тратили последние цехины на прог. Палладио заплатил две монеты за два стакана, налитых до краев, и вернулся к Веньеру, который ждал его на пристани. Они сели на орудийный станок и смотрели, как собираются галеасы.

Себастьяно Веньер настороженно всматривался в беспредельную голубую даль, словно мог увидеть, что ждет его там, в чужих морях. Он покачал головой.

– Не думал, что придётся туда возвращаться, – сказал он тихо. – После Лепанто я надеялся, что с турками покончено. Однако, как оказалось, они придерживаются иного мнения. Чума, пожар, а теперь

война и смерть. – Он отпил вино. – Что ты хотел сказать мне?

Палладио достал небольшую коробочку с перьями.

– У вас есть бумага?

Веньер показал карту Патрасского залива.

– Подойдёт.

Архитектор стал быстро чертить на обороте карты.

– Сражение, даже морское, – вопрос геометрии. Я нарисую здесь строй битвы, если не возражаете. Смотрите. Если вы заманите их галеры сюда, – он отметил место, – то у вас будет преимущество. Ваши новые галеасы обладают огромной огнестрельной мощностью, но они тяжелее и двигаются медленнее. Раз пушки у них установлены сбоку, лучше поставить по два судна перед каждой дивизией, – он быстро нарисовал то, что имел в виду, – чтобы не дать турецким баркам проскользнуть и ослабить ваши силы или взять на abordаж корабли. Пусть турки суетятся, как хотят, а вы будете навязывать им свои правила игры. Во что бы то ни стало держите строй, не дайте врагу прорваться.

Веньер внимательно посмотрел на рисунок, затем перевел взгляд на Палладио.

– Откуда ты это знаешь?

Палладио пожал плечами.

– Я как раз работаю над иллюстрированным изданием «Всеобщей истории» Полибия, исследованием римского боевого порядка. Классические формы всегда вдохновляли мои строения, и мне пришло в голову, что вам стоит взять пример с Ганнибала и Сципиона.

Веньер медленно кивнул и подул на чертеж, чтобы высохли чернила, щеки его надулись, как у одного из четырёх ветров.

– Спасибо, – сказал он просто. – Я учту твои советы. – Он аккуратно сложил рисунок и произнес, словно с трудом выговаривая слова. – Я не питаю к ним ненависти, понимаешь? – Он будто извинялся.

Палладио не сразу понял его.

– К туркам. Ты же знаешь мою историю от дочери моей племянницы. Сесилия Баффо стала мусульманкой и супругой Селима Второго, получив своё новое имя Нурбану-султан. От её сына, этого Мурада Третьего, который послал столько бедствий на наши головы, произойдут будущие султаны, которые, как я надеюсь, установят мир между нашими народами, – тяжело вздохнул он. – Пяти веков кровопролитий – достаточно.

Палладио кивнул. Поднявшись, он благословил адмирала словами – древними, как сам город: *“Varenta vu”* – «Пусть вся удача мира сопутствует вам в плавании».

Архитектор направился было домой, но остановился и вернулся к дожу. Адмирал всё ещё сидел на орудийном станке с чертежом Палладио в руке и внимательно изучал его.

– Я тоже не питаю ненависти к туркам, – сказал Палладио, вспомнив о Фейре, – но Венецию я люблю больше.

Глава 47

Фейра увиделась с архитектором ещё один раз, через месяц после освящения церкви.

Он приехал на остров, когда доктор ещё не вставал с постели. Фейра приняла его одна, но она была счастлива, потому что Аннибал быстро шёл на поправку.

Пока она не увиделась с Палладио, внешний мир совершенно не волновал её. Она ждала, что скоро Республика отберет у них остров, но на самом деле это было неважно. Они с Аннибалом могли отправиться куда угодно, как она когда-то мечтала, в один из лучших медицинских центров мира – в Болонью, Салерно, Дамаск, Ашкелон.

Живя в уединении, Фейра не думала о войне, которая шла в дальних водах. Она сыграла свою роль и предупредила дожа. Она видела, как корабли отплыли, а затем вернулись, но ничего не знала о событиях, последовавших за её признанием. Пускай они сожгут друг друга дотла – Венеция и Константинополь; все это неважно, раз Аннибал остался жив.

Но теперь, с приездом архитектора, ей захотелось узнать, чем кончилось морское сражение и что стало со стариком, во взгляде которого сквозил далекий горизонт. Был разгар лета, и она повела Палладио к упавшей колонне на лужайке, под пеструю тень тутовых деревьев.

– Я приехал, дорогая Фейра, – начал он, – не только по собственному желанию; у меня два поручения от Дожа.

– Значит – он вернулся!

– Да, и он попросил передать тебе, что мы вновь нанесли поражение туркам. Благодаря тебе они не успели даже приблизиться к городу, как были атакованы венецианским флотом. Их суда разгромлены, к концу сражения матросам пришлось плыть обратно в Константинополь, словно стае макрели.

Он внезапно смолк, вспомнив, с кем разговаривает.

Фейра молча смотрела на руки. Из-за неё пролилась кровь её народа. *Но ты Веньер*, вспомнила она внезапно. *Венецианцы – тоже твой народ*. Тени тутовых деревьев испещрили её ладони, словно следы от ссадин и ушибов.

– Как я сказал, у меня два поручения, Фейра, – попытался утешить её архитектор. – Второе – профессионального плана. Дож дарит вам этот остров, чтобы вы устроили здесь больницу. – Он улыбнулся ей. – Дож сказал, что вам может понадобиться архитектор. А я как раз свободен.

Он наслаждался изумлением на её лице.

– А как же восстановление города?

Палладио покачал головой.

– Я буду восстанавливать город отсюда. Я выполнил свой контракт с Господом Богом, теперь мне не терпится подписать договор с человеком.

Помимо изолятора, благодаря новым зданиям Палладио и поддержке дожа, Фейре и Аннибалу удалось открыть лазарет для исследований. Время от времени дож призывал врача к себе, всегда настаивая на том, чтобы Аннибал привёз с собой свою коллегу. Во время таких визитов Аннибал даже не видел дожа, оставляя двоих Веньеров налаживать отношения. Пока они беседовали, Аннибал гулял по Джудекке, поглядывая на церковь Палладио, но никогда не заходил внутрь.

У него была на то особая причина.

Однажды, когда он выздоравливал и уже достаточно окреп, чтобы прогуляться по лужайке, Аннибал и Фейра остановились возле колодца с каменным львом отдохнуть. Присев там в лучах летнего солнца, Фейра погладила каменную морду льва. «Спасибо», – шепнула она ему.

Аннибал пристально посмотрел на неё.

– Ты говоришь, моё выздоровление – чудо, – сказал он. – А как ты объяснишь чудеса колодцев?

– Чудеса колодцев?

– Бесчисленные паломники, которые черпают воду из священных колодцев, например из колодца старого монастыря Санта-Кроче, клянутся, что вода защищает их от чумы. Как ты это объяснишь?

Фейра подумала о колодце, где покоился её отец, теперь навеки погребенный под черной мраморной звездой, украшавшей пол церкви Палладио. Она почувствовала взгляд Аннибала.

– Думаю, – сказала она, – во время прошлой вспышки инфекция попала в воду. Может, крыса, кролик, собака, что-то упало туда. Что-то зараженное.

– А в этот раз?

Она не хотела встречаться с ним взглядом.

– В этот раз я *знаю*, что так и было.

– Тогда почему, – продолжал он допытываться, – паломники не умирают от этой воды?

Она ничего не ответила, и он взял её за руку.

– Так, значит, я действительно чудо?

Она улыбнулась, взглянув на колодец.

– Да.

– Ты давала мне свою «Териаку», когда я умирал?

Она всматривалась в самую глубину воды.

– Нет.

Затем подняла глаза на него. С каждым днём ему становилось лучше, впалые щеки и тёмные круги под глазами постепенно исчезали, солнце обратило его болезненную бледность в здоровый цвет лица.

– Ты знаешь, почему?

– Позволь, я перечислю свои наблюдения. – Он стал загибать пальцы. – Ты перенесла чуму и выжила, а твой отец погиб. Проведя эксперименты в Тезоне, ты обнаружила, что пациенты, которые уже успели заболеть, все-таки умирают, но новые случаи заражения в семьях, которые принимали твоё лекарство, не отмечаются. Так, Тезон опустел, и семьи вернулись домой. Ты дала своё снадобье сыну сторожа, но не сторожу. Ты дала флакон архитектору, но не мне, а теперь ты предположила, что в колодец Святого Себастьяна могла попасть зараза – возможно, даже тело одной из жертв болезни.

Она не смела вздохнуть или взглянуть на него. Она не отводила глаз от колодца.

– И какой вывод ты сделал?

Он повернул её к себе.

– Ты использовала вакцину. Ты прививала своих пациентов от болезни.

Она выдержала взгляд его зелёных глаз.

– Ты не против? Мы ссорились из-за этого, помнишь?

– Не ссорились, а обсуждали, – поправил Аннибал, улыбаясь.

– Нет, ссорились, – сказала она и улыбнулась в ответ.

- Думаю, ты добавила небольшое количество инфекции в «Териаку».

- Добавила.

- А остальные ингредиенты?

- Не навредят, но и не вылечат, - повторила она одну из его излюбленных фраз.

- Ты использовала кровь или гной из бубонов?

- Я использовала вещество - высушенное и измельченное.

- От твоего отца?

Улыбка исчезла с её лица, и он заметил, что какое-то мгновение она не могла вымолвить ни слова.

- Он и был телом, которое попало в колодец.

Это был не вопрос, и он решил поменять тему.

- Твои инстинкты оказались вполне разумными, - сказал он с нежностью. - Думаю, в подобных случаях для создания иммунитета образец следует брать из источника, максимально близкого к первичному заражению. - Он взглянул на море, на Восток. - Твой отец привёз заразу сюда; возможно, он привёз и лекарство, - сказал он, глядя на неё искоса. - Разве не ваш пророк говорил, что Бог не стал бы создавать болезни в этом мире, если бы не дал вместе с ними и исцеление?

Фейра пришла в себя.

- Значит, ты изменил своё мнение?

Аннибал усмехнулся.

- Возможно. Признаю, что ты добились значительного успеха, но предстоит провести ещё немало исследований. - Он взял её за руки. - Но раз ты рассказала мне, придётся рассказать и Совету. Дож даровал нам остров - благодаря тебе, а не мне, я уверен, - но мы должны соблюдать правила игры. Он не вечно будет править, поэтому посоветовал нам действовать в рамках законов Венеции. Пора

зарегистрировать «Териаку» как официальное лекарство.

Фейра отпрянула.

– Но Совет потребует свою десятину с продаж.

– Пускай. Они смогут приготовить смесь только по инструкции, которую мы им дадим. Тебе придётся назвать ингредиенты.

Фейра уловила озорную нотку в голосе Аннибала.

– *Все* ингредиенты? – спросила она.

– *Почти* все.

* * *

Фейра стояла перед Трибуналом Совета по здравоохранению.

Аннибал пришёл с ней, но занял место среди секретарей, расположившихся на длинных деревянных скамьях в конце зала. Одиноким луч света упал на Фейру, блеснул в складках её зелёного платья под нависшими над ней мрачными фресками. Она была молода, красива и стояла прямо, словно ивовый прут, выделяясь на фоне трёх древних старцев, от которых зависело её будущее.

Аннибал был не единственным врачом в зале. Недалеко от него сидел Валнетти, вздыхая и фыркая в своём клюве, его птичьи глаза-бусинки время от времени устремлялись на Аннибала. Но тот старательно не замечал его.

– Кажется, – заскрипел первый судья, обращаясь к Фейре, – женщинам не разрешается заниматься медицинской практикой в Венецианской Республике?

– В таком случае, ваша честь, – сказала Фейра, – зачем вы вызвали меня сюда?

Аннибал улыбнулся под своей новой маской.

Второй старец произнес:

– У вас есть поручитель с лицензией врача, выданной Советом?

Аннибал встал.

Третий судья спросил:

– Эта женщина работает на вас?

– Она работает *со мной*, – прозвучал ответ.

Первый судья, который точил своё перо, прочистил горло:

– Довольно шуток. Приступим к делу.

Фейра произнесла – четко и ясно:

– Название лекарства: «Териака», – её голос зазвенел в просторном зале, почти без акцента; она стала перечислять ингредиенты:

«Розмарин и шалфей, рута, мята, лаванда, аир, мускатный орех. Чеснок, корица и гвоздика. Белый уксус, камфара. А также полынь».

Валнетти вскочил в ярости, его трость с грохотом упала на пол.

– Это же «Уксус четырех разбойников!» – захлебывался он. – Должно быть ещё что-то! Она обязана перечислить все основные компоненты. Прочтите *этот* закон, Трибун!

Аннибал тоже встал.

– Кстати сказать, доктор Валнетти, в лечебных отварах всегда допускаются небольшие вариации. Правила гласят, что можно использовать различные или дополнительные ингредиенты, доза которых не превышает одной сотой. Прочтите этот пункт закона, Трибун.

– Итак, – обратился судья к Фейре, – в этой склянке *есть* ещё что-то?

Аннибал взглянул на бутылочку, стоявшую на судейском столе и отливавшую зеленым в том же луче света, который падал на Фейру. На дне бутылки виднелся небольшой осадок, лишь несколько крупинок

праха. Аннибал затаил дыхание, затем облегченно выдохнул, услышав невозмутимый ответ Фейры:

– Там, конечно, есть остаточные ингредиенты и примеси, которые появляются в смесях во время приготовления. Но их доля составляет намного меньше одной сотой.

Валнетти ринулся вон из зала, с шумом захлопнув за собой дверь. Первый судья передал бумагу второму, который подписал её и передал третьему. Тот посмотрел на Фейру:

– За регистрацию лекарства нужно заплатить один дукат. Он у вас есть?

Аннибал стал шарить по карманам в поисках кошелька, но Фейра опередила его; она достала из-за корсажа монетку и положила её на стол, где та блеснула в лучах солнца.

Аннибал так и не узнал, откуда у неё эта монетка; это был один золотой дукат.

Эпилог

Константинополь

Три года спустя

В безлюдном приделе дворца Топкапы доктор Хаджи Муса разглядывал ларец, который ему доставили.

Он знал, что ларец из Венеции, по печати с изображением льва и запаху мирта. В Республике, как ему было известно, строго соблюдались правила дезинфекции посылок.

Всё же, желая обезопасить себя, доктор позвал слугу, чтобы тот открыл ларец, и велел евнуху нести посылку крайне осторожно – и подальше от покоев султана. Венецианцы иногда присылали свои «дары»: ларец с порохом и запалом, который взрывался, когда его открывали, или ядовитых змей, или даже скорпионов. Был полдень, и дворец мерцал в знойном мареве. Евнух принёс ларец в Сад лилий, где играли фонтаны, было тенисто и прохладно.

Там он опустил ларец на пол, открыл его и осторожно отложил крышку. Воцарилась мёртвая тишина, Хаджи Муса слышал только плеск воды в фонтанах.

– Что же там? – спросил врач, стоя на безопасном расстоянии.

Евнух был озадачен.

– Кости, – ответил он.

Доктор подошёл ближе и заглянул в ларец. Он отпустил слугу и сам развернул кости, встав на колени в своем красном халате. Это был скелет молодого мужчины, каждая косточка старательно пронумерована и внесена в список, каждая обернута в пергамент. Каждая кость была на месте, все двести с лишним, от каждой фаланги пальцев ноги и каждого позвонка на

спине – до самого черепа. Такую работу мог проделать только врач.

Хаджи Муса выложил скелет на пол, собрав его на тёплых камнях; коршуны кричали высоко в небе, лишившись добычи, ведь этот бедняга был давно уже мертв. Закончив, старый врач с трудом поднялся и стал рассматривать лежавшего перед ним мужчину. Череп глядел на него темными впадинами вместо глаз. Озадаченный врач заглянул в ларец и там, среди горстки венецианской земли, нашел записку, написанную по-турецки.

Это кости Таката Тюрана.

Похороните его в саду янычаров, он был одним из них.

У меня все хорошо.

Ваша ученица,

Фейра Адалет бинт Тимурхан Мурад

Хаджи Муса скомкал записку и радостно прижал её к сердцу, затем снова нагнулся, чтобы собрать кости. Череп был полон земли; он стукнул им по полу – не совсем почтительно – и что-то выпало с металлическим звоном. Он смахнул землю и поднёс это к свету, глаза его были не те, что раньше. Он прищурился в недоумении, не понимая, что бы это могло значить.

В руках он держал христианский крест.

Венеция

Палладио дремал почти весь день, это вошло у него в привычку в последнее время. Он прилег на кушетке в своей мастерской, ему было тяжело подниматься по лестнице. Кроме того, он любил лежать там, откуда мог видеть свои рисунки.

Иногда его взгляд останавливался на Леонардо, на Витрувианском человеке, и он вспоминал пору своей молодости, когда протягивал руки с вытянутыми пальцами, чтобы проверить границы собственной геометрии. Иногда он смотрел на чертежи, которые сделал для нового моста Риальто, – скрупулезно выверенные, каждый угол блестяще исполнен и подан на рассмотрение Совету Десяти. Но мосту суждено жить лишь в его воображении и на стене его студии, потому что контракт на новый Риальто отдали другому. Антонио да Понте был моложе и, что того хуже, когда-то считался его учеником.

Палладио утешался мыслями о своей великолепной церкви. Он смутно помнил, как ему рассказывали о Восточном храме, куда паломники вот уже сотни лет стекаются для поклонения на могиле знаменосца пророка. Но он никак не мог вспомнить ни названия храма, ни имени рассказчика.

Когда силы возвращались к нему, он приподнимался на локте и беседовал с Сабато Сабатини, диктуя ему свои последние идеи, пока тот чертил. Иногда они граничили с фантазией – мечтами, которые невозможно воплотить в камне. Когда архитектор бормотал подобные вещи со своей кушетки, Сабато переставал чертить. Чертёжник снимал очки, клал их на стол и вытирал глаза; а Палладио удивлялся, почему тот плачет.

Сегодня был не самый лучший день. Архитектор едва мог приподнять голову. Словно невыносимая тяжесть давила ему на грудь. Он знал имя этой тяжести. Это Смерть, и каждый день она становилась тяжелее.

Солнце стояло низко, свет слепил ему глаза; и когда две фигуры заслонили окно, он обрадовался. Они были одеты почти одинаково, в тюрбанах и длинных одеждах, но одна принадлежала юноше, а другая – девушке. Ему показалось, что они привиделись ему во сне, так что он мог спокойно улыбнуться им, даже если они неверные. Тяжесть на его груди полегчала.

Девушка протянула ему руку, как когда-то он протянул руку ей. «Иди и смотри», – сказала она.

Оказавшись в лодке, он смог разглядеть их. На них не было ни маски, ни покрывала, как можно было ожидать. Оба были красивые, темноволосые, загорелые и точно одинакового роста. Они могли бы быть братом и сестрой, но даже его старые глаза видели, что они влюблены.

Молодые люди не обнимались, их рукава даже не соприкасались, однако между ними ощущалась непостижимая близость – как тогда, когда он застал их однажды, обнявшихся, в постели. Теперь он узнал их. Оба они были врачами, которые руководили построенным им лазаретом.

Они приблизились к проливу Дзаттере и острову Джудекка.

– Смотрите, – сказал юноша. – Они построили мост.

Палладио наблюдал за многолюдной процессией, пока они подплывали ближе. Деревянные плоты связали и сделали мост, чтобы жители Дзаттере могли перейти по нему через канал к его церкви.

Их были сотни.

Каждый мужчина, женщина и ребёнок несли свечи, и лента мерцающего пламени тянулась по всему острову, через канал и вверх по ступеням – в церковь.

Палладио слышал, как они поют, но его слух ослабел.

– Что они говорят? – спросил он.

– *Redentore*, – сказал юноша. – Теперь так называют церковь. Просто *Redentore*. *Искупитель*. – Врач улыбнулся своей спутнице, словно это слово имело для них особое значение. – Они благодарят того Бога, который спас их от чумы. Они решили делать это каждый год.

– *Каждый* год? Как долго?

– Всегда.

Глаза Палладио наполнились слезами.

* * *

Они высадились возле огромных ступеней церкви, присоединившись к процессии. Они прошли все пятнадцать каменных ступеней вместе; Палладио шёл посередине, поддерживаемый врачами. Никто в толпе не узнал архитектора. И никто не сказал ни слова по поводу тюрбанов, которые прикрывали головы врачей. Когда чума отступила, врачи сняли свои маски и сменили их на *биретты*, закрученные вокруг головы. И в результате непостижимого каприза моды после османского конфликта турецкий стиль стал очень популярен среди венецианцев.

На пороге врачи остановились, и Палладио обернулся к ним, недоумевая.

– Вы разве не зайдете? – спросил он.

Фейра улыбнулась.

– Одного раза было достаточно.

Аннибал покачал головой.

– Это ваша церковь, но не наша.

Палладио удивлённо вскинул брови.

В ответ Аннибал распахнул своё платье. Он носил кулон в виде мусульманского полумесяца. Фейра последовала его примеру; у неё был точно такой же полумесяц. Палладио прищурился. Внимательно присмотревшись, он понял, что это две половинки кольца, хрустального кольца с узором. Аннибал носил западный полукруг, а Фейра – восточный. Палладио взглянул на Аннибала.

– Вы обратились?

– Да, – ответил тот. – Я не любил своего Бога, а она своего любила.

– Будьте осторожны.

Палладио не пришлось объяснять, что он имеет в виду.

– Вы справитесь? – спросила Фейра заботливо на пороге.

– Конечно, – ответил архитектор. Он взял их руки и пожал на прощанье, а затем вошёл в церковь.

Историческая справка

Андреа Палладио был не только создателем некоторых важнейших зданий в Венеции эпохи Ренессанса, но и стал родоначальником так называемого «палладианства» – одного из самых популярных архитектурных стилей в мире.

Помимо этого, он прекрасно разбирался в тактике военных сражений, о чем свидетельствуют его иллюстрации к «Всемирной истории» Полибия. Палладио сам правил рукопись, в частности он заметил ошибку переписчика, который неверно написал имя генерала Ганнибала.

Однако после пожара, уничтожившего значительную часть Венеции, Палладио так и не получил заказ на восстановление важнейших строений города, кроме Реденторе, работу над которой он к тому времени уже начал.

В последнем храме, спроектированном Палладио, в правом проходе можно рассмотреть окаменелость наutilus в одной из плит пола.

Во время чумы 1570-х годов на карантинном острове Винья Мурада была устроена больница-изолятор – Лаззаретто Ново. В период Австрийской оккупации Венеции в XVIII веке на острове расквартировали солдат, после ухода которых там остались одни руины.

Средство «Териака» стало одним из самых популярных и прибыльных лекарств в эпоху Возрождения. Его продажи контролировал Совет по здравоохранению (*Consiglio della Sanita*), установивший на него непомерный налог.

Вакцинация часто применялась в османской медицине, задолго до того, как ее стали использовать на Западе. В наше время были найдены неопровержимые доказательства эффективности некоторых вакцин от чумы; исследования по созданию сыворотки против чумы ведутся и по сей день.

Себастьяно Веньер, адмирал венецианского флота и дож Венеции, вошел в историю не только как победитель в битве с турками при Лепанто, но и как непосредственный участник тушения пожара, который разрушил город. Говорят, он умер от горя, не пережив того, что это случилось в период его правления.

Мост Риальто, спроектированный Антонио да Понте, стал одним из самых известных мостов в мире, и для многих именно он олицетворяет дух Венеции.

Каждый год, в третье воскресенье июля, жители Венеции переходят по плотам из Дзаттере на Джудекку, к церкви *La Chiesa del Santissimi del Redentore*, чтобы поблагодарить Бога за спасение города от чумы.

Иллюстрации

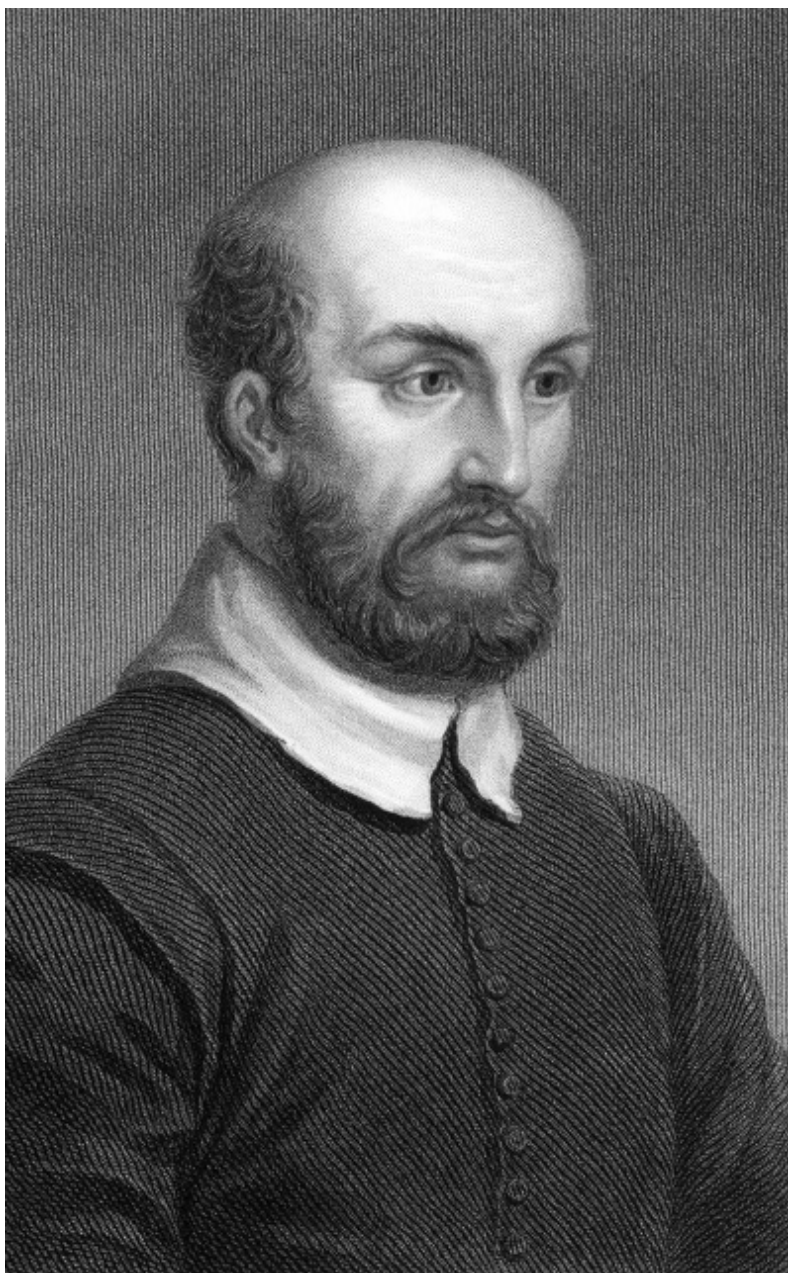

Рис. 1.
Андреа Палладио (1508-1580). Гравюра Р. Вудмана,
опубликована в энциклопедии Национальной
портретной галереи, Великобритания, 1837 год

Рис. 2.

Церковь Реденторе на острове Джудекка, самое известное творение Андреа Палладио, построена между 1577 и 1592 годами

Рис. 3.
Собор Сан-Джорджо Маджоре на одноименном
острове, спроектирован Андреа Палладио, построен
между 1566 и 1610 годами, объект Всемирного наследия
ЮНЕСКО

Рис. 4.
Фасад собора Сан-Джорджо Маджоре

Рис. 5.
Колокольня и Дворец дожей на площади Сан-Марко в Венеции

Рис. 6.
Площадь Сан-Марко

Рис. 7.
Мост Риальто в Венеции

Рис. 8.
Дворец дожей в Венеции

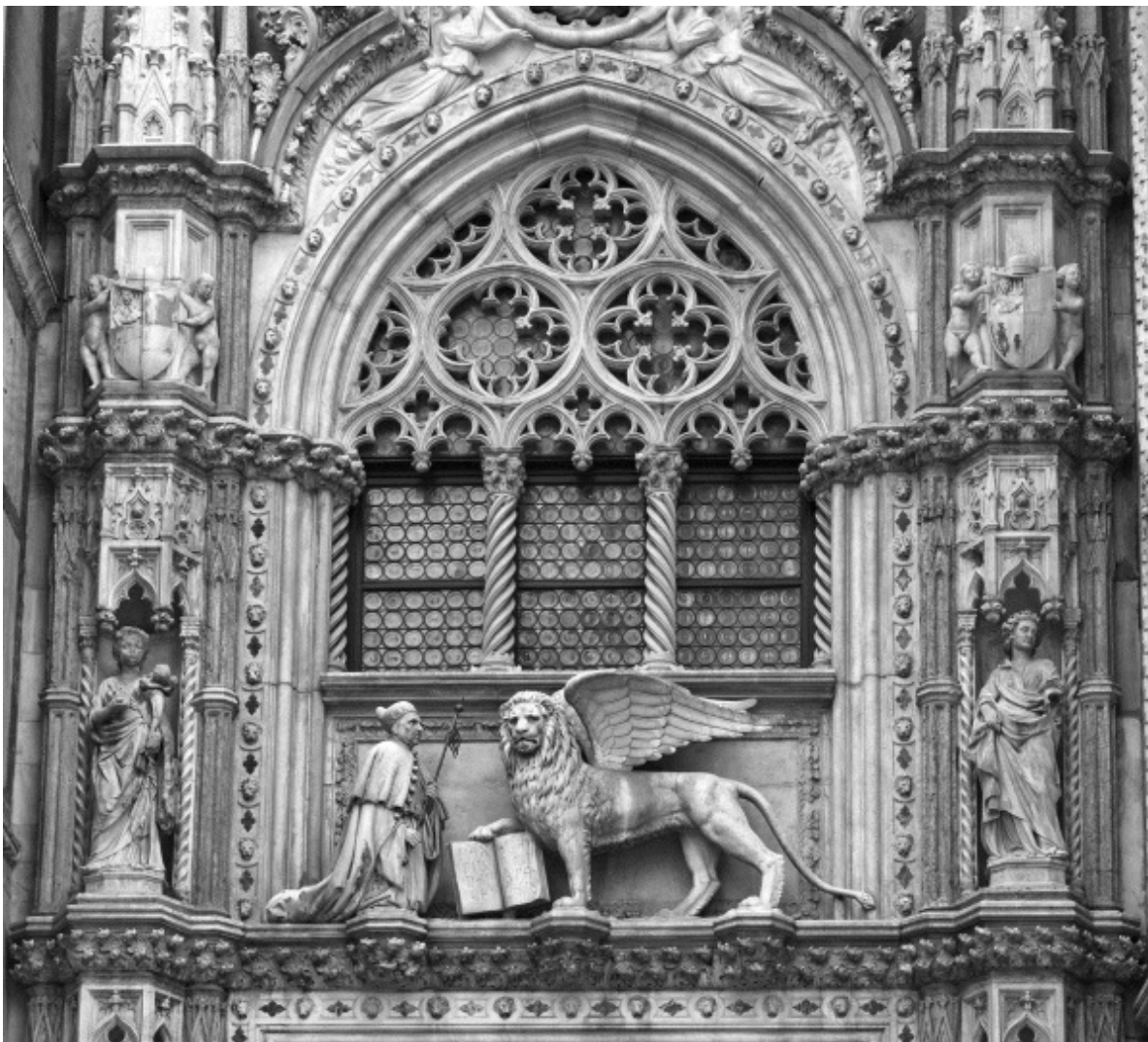

Рис. 9.

Скульптура, украшающая «Бумажные ворота»
Дворца дождей: дож преклоняет колени перед львом

Рис. 10.

Вилла Ротонда в Виченце, спроектированная Андреа Палладио, находится под охраной ЮНЕСКО как памятник Всемирного наследия, общепризнана в качестве одного из центральных зданий в истории европейской архитектуры. Для архитекторов-палладианцев это был самый чтимый образец усадебного дома. По его образу и подобию были выстроены тысячи зданий по всему миру – от американской усадьбы Монтичелло до Софийского собора в Царском Селе

Рис. 11.

Театр Олимпико в Виченце, творение Андреа Палладио, памятник Всемирного наследия ЮНЕСКО

Рис. 12.

Одно из прекраснейших творений Андреа Палладио –
базилика, расположенная в Виченце

Рис. 13.

Крылатый лев – символ Венеции, который часто изображается с книгой, олицетворяя власть, мудрость и справедливость

Об авторе

Марина Фиорато наполовину венецианка. Она родилась в Манчестере и выросла в Йоркширских долинах. Выпускница исторического факультета Оксфордского университета и Университета Венеции, где она специализировалась на исследовании пьес Шекспира как источника исторических фактов. После университета она изучала искусство и с тех пор

работала иллюстратором, актрисой и кинокритиком. Также она составляла визуальный ряд для выступлений таких рок-групп, как U2 и Rolling Stones. Ее свадьба состоялась на Гранд Канале в Венеции. Она живет на севере Лондона с мужем, сыном и дочкой.

notes

Примечания

1

Сестиери – городской округ. – Прим. ред.

Мурановское зеркало, мурановское стекло - от острова Мурано, где располагались стеклоплавильни. - Прим. ред.

В «Откровении» появление коней описывается в другой последовательности: белый, рыжий, вороной и бледный. – Прим. ред.

В книге «Откровение», глава 6: «... Всадник на черном коне имеет меру в руке своей», то есть он несёт голод, а не чуму. Чуму и мор несёт бледный конь. Очередность упоминания коней в «Откровении»: белый, рыжий, вороной, бледный. Автор настоящей книги использует образы коней по-своему. – *Прим. пер.*

В «Откровении» нет упоминания об огне. «Всаднику на рыжем коне дано взять мир с земли, чтобы убивали друг друга, и дан ему большой меч». – *Прим. пер.*

Здесь имеет место художественный вымысел автора. Завершение строительства церкви Реденторе и её освящение произошло в 1592 году, а Палладио умер в 1580 году и не мог присутствовать на этой церемонии. – Прим. ред.